

Федеральный музей профессионального образования - филиал Университета машиностроения в г. Подольске

Museo federale russo di formazione professionale filiale GBOU VPO «Università Statale di metalmeccanica (MAMI)» Podol'sk

Материалы российско-итальянской научно-практической конференции

«Исторический портрет графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865) в зеркале времени»

Materiali della conferenza
scientifica russo-italiana

«Ritratto storico del conte Arsenij Andreevič Zakrevskij
(1786-1865) allo specchio del tempo»

Флоренция 2014
Firenze 2014

Russia OGGI

Федеральный музей профессионального образования - филиал ГБОУ ВПО
«Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)»
в городе Подольске
Администрация Провинции г.Флоренции
Мэрия г. Монтемурло
Ассоциация «Центр русского языка и культуры» во Флоренции
Флорентийская компания «Fontanka»

*Сборник материалов
российско-итальянской
научно-практической конференции
«Исторический портрет графа
Арсения Андреевича Закревского (1786-1865)
в зеркале времени»*

**18-19 марта, 2014 год,
Флоренция, Италия**

Подольск, Россия
2014

Сборник материалов российско-итальянской научно-практической конференции «Исторический портрет графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865) в зеркале времени», 18-19 марта, 2014 год, г. Флоренция, Италия / Сост. О.Г.Почекина. Ред.: Т.А.Тарханова, О.Д.Казацкая, О.Г.Почекина. - П.: ФМПО, 2014. - 98 с.

Рецензенты:

В.Ф.Козлов, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

М.Г.Талалай, кандидат исторических наук, представитель Института всеобщей истории Российской академии наук в Италии

Российско-итальянская научно-практическая конференция состоялась в рамках историко-культурного проекта «Россия-Италия. Вырази судьбы графа А.А.Закревского». Конференция была организована Федеральным музеем профессионального образования – филиалом государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ) в городе Подольске совместно с флорентийской Ассоциацией «Центр русского языка и культуры» и под патронажем Администрации Провинции г.Флоренции и мэрии г.Монтемурло (провинция Прато).

В рамках практической части конференции была проведена специально разработанная экскурсия «Закревские-Друцкие-Соколинские в Тоскане», во время которой состоялось поистине историческое событие. По инициативе владельца бывшей виллы Друцких-Соколинских в Гальчето господина Васко Фанти и с участием мэрии г.Монтемурло в церкви Санта Мария Маддалена де Пацци, где долгие годы покоилась семья Закревских, была установлена мемориальная доска графу А.А.Закревскому, ставшая первым за рубежом увековечиванием памяти генерал-губернатора Москвы.

Конференция состоялась при содействии Министерства иностранных дел и Министерства культуры РФ и при поддержке Фонда «Русский мир», ЗАО «Промсбербанк» и ООО «Группа компаний «Подольская жилищная инициатива».

В сборник материалов российско-итальянской научно-практической конференции вошли приветствия от организаторов и князей Друцких-Соколинских, доклады участников конференции и фотоматериалы. Доклад профессора Флорентийского университета, соавтора историко-документального исследования о виллах Монтемурло М.Визона на тему «Монтемурло, отдых и усадьбы аристократических семей» будет размещен позднее. Материалы конференции публикуются в варианте, предоставленном авторами. Сборник создан в электронной версии на русском и итальянском языках.

Сборник материалов может быть рекомендован историкам, преподавателям, краеведам, специалистам по российско-итальянским культурным связям, а также учащимся и студентам образовательных учреждений для углубления знаний по истории Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветствия участникам конференции</i>	4
<i>Давыдов М.А.</i> Граф А.А.Закревский как государственный деятель (г.Москва, Россия).....	7
<i>Козлов В.Ф.</i> Исторический вклад графа А.А.Закревского в развитие Москвы. 1840–1850-е гг. (г.Москва, Россия).....	13
<i>Полунина Н.М.</i> Московская усадьба Студенец графа А.А.Закревского – памятник Отечественной войне 1812 года (г.Москва, Россия).....	16
<i>Тарханова Т.А.</i> Граф А.А.Закревский – владелец подмосковной усадьбы Ивановское (г.Подольск, Россия).....	21
<i>Ризалити Р.</i> Граф А.А.Закревский со своей семьей во Флоренции и Тоскане (г.Пистойя, Италия).....	24
<i>Аудизио Ф.</i> Судьба потомков графа А.А.Закревского (г.Прато, Италия).....	30
<i>Талалай М.Г.</i> Церковный проект Закревских в Тоскане (г.Милан, Италия).....	32
<i>Олейникова В.П.</i> Повседневная жизнь русской аристократии XIX столетия в Тоскане (на примере Закревских, Бутурлиных и др.) (г.Неаполь, Италия).....	35
<i>Гасперович В.</i> Русский некрополь в Риме в XVIII -XIX вв. и проблемы его сохранения (г.Рим, Италия).....	41
<i>Фотоматериалы конференции</i>	92

INDICE

<i>Saluti ai partecipanti della conferenza</i>	49
<i>Davydov M.A.</i> Il conte A.A.Zakrevskij in qualità di statista (Russia, Mosca)	52
<i>Koslov V.F.</i> Contributo storico del conte A.A.Zakrevskij allo sviluppo di Mosca. 1840–1850 (Russia, Mosca)	58
<i>Polunina N.M.</i> Villa padronale «Studenets» del conte A.A.Zakrevskij – monumento alla guerra patriottica del 1812 (Russia, Mosca)	61
<i>Tarkhanova T.A.</i> Il conte A.A.Zakrevskij – proprietario della residenza «Ivanovskoe» (Russia, Podol'sk).....	66
<i>Risaliti R.</i> Il Conte A.A. Zakrevskij coi suoi familiari a Firenze e in Toscana (Italia, Pistoia).....	69
<i>Audisio F.</i> Il destino del discendenti del conte A.A. Zakrevskij (Italia,Prato).....	74
<i>Talalaj M.G.</i> Progetto della chiesa degli Zakrevskij in Toscana (Italia, Milano).....	76
<i>Olejnikova V.P.</i> Vita quotidiana dell'aristocrazia russa del XIX secolo in Toscana (sull'esempio degli Zakrevskij,del Buturlin ed altri) (Italia, Napoli).....	79
<i>Gasperovič V.</i> La necropoli russa a Roma nel secoli XVIII – XIX el problemi della sua conservazione Italia, Roma).....	85
<i>Materiali fotografici della conferenza</i>	92

Уважаемые дамы и господа!

Рада приветствовать участников первой российско-итальянской научно-практической конференции, посвященной выдающемуся военному и государственному деятелю России первой половины XIX века, генералу-адъютанту графу Арсению Андреевичу Закревскому. Уверена, что наш научный форум пройдет на самом высоком уровне, так как в нем принимают участие ведущие российский и итальянские ученые.

Недостаточная изученность в России жизненного пути графа Закревского, особенно его последнего - итальянского периода, необходимость формирования современной оценки его вклада в судьбы России и Европы, желание наиболее полно представить итальянцам образ графа Закревского, повлияли на решение провести совместную с итальянскими специалистами научно-практическую конференцию на тосканской земле, где Арсений Андреевич Закревский нашел свой последний приют.

Фигура графа Закревского в силу социально-политических причин долгие десятилетия оценивалась в России по-разному, критически воспринималось либеральной общественностью его неприятие крестьянской реформы 1861 года, политика на посту генерал-губернатора Москвы.

Современная российская историческая наука во многом пересматривает свои взгляды на сложную и противоречивую личность Закревского, чьи заслуги на военном поприще и высоких государственных должностях неоспоримы.

Надеюсь, что наш обмен мнениями позволит глубже проникнуть в сложный внутренний мир графа в контексте российской истории первой половины XIX века, расширит современные представления о нем, как, несомненно, выдающейся личности, принадлежащей теперь как России, так и Италии.

Т.А.Тарханова,
*директор Федерального музея профессионального
образования – филиала Университета
машиностроения в г.Подольске,
руководитель проекта*

Из далёкой Бельгии шлёт самый сердечный привет всем делегатам флорентийского съезда, посвящённого графу Закревскому, девяностопятилетний старик, князь Андрей Владимирович Друцкой-Соколинский, которому, к его великому сожалению, возраст и старческие немощи не позволили принять личное участие в этом выдающемся проекте. Не сомневаюсь, что мой сын Александр достойно меня заменит.

Хотя граф Закревский не приходится прямым родственником нашей семье, однако вы знаете, если вы читали мастерскую работу «I Drutskoy in Italia» профессора Ф.Аудизио, насколько наши семьи были связаны.

Объединительным центром между моей семьёй и Закревскими было имение Гальчето, приобретённое в начале 1860-х годов князем Дмитрием Владимировичем Друцким-Соколинским, родным братом моего деда Андрея Владимировича - имение, которое вы посетите завтра. В детстве я с семьёй часто бывал в гостях у дочери Дмитрия, внучки графа Закревского, - у тёти Мани, как мы, дети, её называли. Помню, что каждый раз, входя в роскошный входной зал, меня особенно завораживала фигура рыцаря в старинных железных латах, которая красовалась и, надеюсь, ещё красуется в углу зала.

После своего увольнения с должности московского генерал-губернатора, граф Закревский провёл только последние года своей жизни в Гальчето и, к сожалению, не смог полностью насладиться тёплой семейной жизнью - он очень любил Дмитрия, который, в свою очередь, бесконечно его уважал, и с которым он вёл длинные беседы.

Задумываясь над последними годами государственной службы графа, меня всегда поражают два факта: во-первых, его безграничная любовь к дочери Лидии, в силу которой он решился в конце своей долголетней блестящей карьеры преступить закон и подвергнуть себя строгому наказанию. Во-вторых, строгость и непреклонность властей, карающих без малейшей снисходительности выдающегося вельможу, заслуженного государственного мужа, приближённого трёх российских императоров. Мне кажется, что в наши времена, когда во всех областях политической и общественной жизни царствует меркантилизм и культ компромисса, такая непреклонность властей в применении закона заслуживает особого внимания - что бы не писали, часто необъективно, о всевластии беззакония и произвола в царской России.

Гальчето было продано в 1925 году мужем Марии Дмитриевны, которая являлась тогда единственной владелицей имения. Несмотря на близкое родство моего отца с Марьей Дмитриевной, в моей семье сохранились на память о Гальчето лишь некоторые старинные иконы и несколько кожаных папок, в которых граф держал служебные документы.

Мне приятно думать, что история царской государственности и жизнь её выдающихся представителей продолжают интересовать русских и европейских историков и краеведов.

Я особенно горячо благодарю всех участников за блестящую организацию съезда, а также российские и итальянские власти, которые проявили щедрое сотрудничество в осуществлении этого проекта.

Князь Андрей Владимирович Друцкой-Соколинский
март, 2014, Брюссель

С вашего позволения я хотел бы добавить два слова. Я по профессии - художник. На мою работу много что влияло и влияет, но рассказ и сказка всегда играли очень важную роль в моих картинах.

Это во многом связано с тем, что рассказы в моём детстве занимали особое место. Я имею ввиду не только прочитанные нам детские книги, но и то, что нам, детям, рассказывали про русское прошлое, особенно про прошлое нашей семьи, и про жизнь дальних и более близких предков, воспринималось нами как сказка, а не реальные факты. Все лица и события существовали в сфере абстрактного, без связи с настоящим или какими-либо историческими нарративами. Ведь коммунистическая власть всех нас вычеркнула из истории или вспоминала только с целью оскорбления. Связь между прошлым и настоящим страны была прервана. На западе тоже мало кто знал или даже просто интересовался дореволюционной историей России. Когда нам показывали, к счастью, сохранившиеся фотографии в семейных альбомах, изображённые на них люди являлись нам как сказочные персонажи, как герои нашей собственной семейной сказки. Среди этих прекрасных фигур особенное впечатление производил портрет графа Закревского. Может вы уже видели репродукцию этой фотографии в книге профессора Аудицио, но я всё равно привёз с собой оригинал из того толстого семейного альбома и буду рад вами его показать.

Потом мы выросли, и сказки растворились. С переменой власти и открытием России начался осторожный процесс переоценки прошлого и освоения своей истории.

В результате наши семейные сказки начали вписываться в общий исторический нарратив России. Для нашей семьи самым важным моментом в этом процессе стала публикация воспоминаний моего деда В.А. Друцкой-Соколинского в России. Я сказал бы, что и проект, посвящённый графу Закревскому, - это, безусловно, ещё один шаг к познанию своего прошлого. Я жду того момента, когда фигура графа Закревского на моих глазах из сказки перейдёт в учебник истории и из нематериального образа превратится в вполне реальный, может быть даже каменный, памятник.

Князь Александр Андреевич Друцкой-Соколинский

Давыдов Михаил Абрамович

ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия, г.Москва

ГРАФ А.А. ЗАКРЕВСКИЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Я не хочу сводить свой доклад к перечислению постов, которые занимал граф Арсений Андреевич Закревский, а затем объявить его большим человеком.

Я хочу очертить контуры необычной жизни, рожденной удивительным временем, пример того, как человек смог встать над своей судьбой, определяемой рождением и воспитанием.

В 1802 г., в 16 лет, Закревский начал службу безвестным прапорщиком, одним из тысяч, а в 1813 г., в 27 лет, он стал генерал-майором и одним из семи генерал-адъютантов императора России.¹

Эта поистине блистательная карьера выглядит тем удивительнее, что Арсений Андреевич был сыном мелкого помещика и не имел абсолютно никаких связей при дворе или около двора.

Он был типичный self-made-man.

Три фактора, полагаю, позволили ему состояться.

1) Высокий класс его личности.

2) Титаническая борьба с Наполеоном и еще пять войн, которые вела Россия в начале XIX в. и которые нарушили обычные российские карьерные каноны, привычные стереотипы продвижения по службе. У храбрых и талантливых офицеров в эту эпоху возможностей для роста стало неизмеримо больше. Выдвинулись люди, которые в других условиях были обречены на прозябание в провинциальных гарнизонах.

3) Достойному офицеру очень важно найти *своего* генерала. Для Закревского им стал граф Н.М. Каменский, восходящая звезда русской армии, которому он спас жизнь при Аустерлице в 1805 г.² И с этого времени стал его бессменным адъютантом и неразлучным спутником.

Он участвовал рядом с ним во многих сражениях кампании 1806-1807 гг. с Наполеоном, войны со Швецией в Финляндии 1808-1809 гг., войны с Турцией на Дунае в 1810 г., постоянно непосредственно участвуя в боях и однажды оставшись в строю после тяжелой контузии.

В 1810 г. он – майор и кавалер самых престижных в армии орденов за храбрость.

Адъютанты далеко не всегда пользуются уважением сослуживцев. Закревский такое уважение имел, о чем согласно пишут знавшие его боевые офицеры.³ Он был безусловно храбр, прост и доброжелателен к людям вне зависимости от их положения.

1 Сведения о служебной карьере графа А.А. Закревского даются по: Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1848-1849. т.6. № 34. Закревский, граф А.А.

2 Николаев. История 17-го пехотного Архангелородского полка. СПб. 1900. С.255

3 Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. Восточно-сибирское книжное издательство, С.112, 145, 167; Ермолов А.П. Записки. 1798-1826. М., Высшая школа. 1991. С.214; Булгарин Фаддей. Воспоминания. Москва. Захаров. 2001. С.139.

В мае 1811 г. граф Н.М. Каменский в возрасте 33-х лет внезапно тяжело заболел и умер при загадочных обстоятельствах. Современники считали, что его отравили.

Много лет спустя Закревский поставит в своем имении «Ивановское» обелиск в память любимого командира, ставшего ему вторым отцом.

Закревский повез известие о смерти Каменского и его бумаги Александру I.

Император весьма милостиво встретил Закревского, назначил адъютантом к военному министру М. Б. Барклаю де Толли и перевел в гвардию. Барклай быстро оценил деловые качества нового адъютанта. В марте 1812 г. он был назначен директором Особенной (Секретной) канцелярии при военном министре, т.е. начальником русской военной разведки.

В этом качестве он отправился с Барклаем в Вильно, в 1-ю Западную армию.

24 июня Наполеон перешел через Неман, и началась Отечественная война 1812 г. Закревский был с армией вплоть до Тарутина.

После Бородина Барклай писал императору, что полковник Закревский, один из офицеров, «наиболее выдающихся своими личными достоинствами, своей испытанной храбростью, своей неутомимой ревностью к службе и истинными военными талантами», который доказал «что служит, руководствуясь не какими-либо соображениями личного интереса, а истинной преданностью к Отечеству.

Ваше Величество обладаете в нем офицером, который, если представится случай, окажет Государству большие и важные услуги».¹

Александр I назначил Закревского своим флигель-адъютантом.

За участие в боях 1813 г. Закревский получил чин генерал-майора, царь назначил его своим генерал-адъютантом. Это была большая честь.

Итак, за 11 лет Закревский прошел путь от прапорщика до генерала, сумев при этом завоевать уважение, а иногда и дружбу, сослуживцев всех рангов, в том числе и двух смертельных врагов – Барклая де Толли и Ермолова.

При этом он вел себя подчеркнуто независимо, очень быстро вступив в конфликт с братом царя Цесаревичем Константином Павловичем и Аракчеевым.

Войну он закончил в 1814 г. во Франции.

В 1815 г. Закревский стал дежурным генералом Главного (будущего Генерального) штаба русской армии, в становлении и формировании которого ему принадлежит очень важная роль. Эта должность была видной и ответственной: В прямом подчинении у Закревского находились два Департамента - инспекторский и аудиторский, военно-сиротские отделения и корпус фельдъегерей.

Начальником штаба был кн. П.М. Волконский, с которым они подружились на всю жизнь. Закревский фактически управлял делами штаба во время постоянных разъездов своего начальника.

Уже на этой должности проявилось то, что можно назвать «стилем Закревского» - его выдающееся умение оптимизировать работу тех учреждений, которыми он руководил.

Закревского очень часто упрекали в формализме и педантизме. На современный русский язык эти упреки из XIX в. переводятся примерно так: он стремился заставить чиновников выполнять те обязанности, за которые они получали зарплату – не более того.

Инспекторский департамент был своего рода «отделом кадров» русской армии. Реально он ведал всем личным составом многосотысячной армии России и его комплектованием.

Картина, которую Закревский застал, вступив в должность, его категорически не устраивала. Создав приемлемые условия жизни и быта для подчиненных, Закревский разработал

---

1 Столетие Военного Министерства. 1802-1902. СПб., 1904. т.2, кн. 2. С.453

для них инструкции, точное исполнение которых строго контролировалось. Одновременно он не забывал поощрять служащих. В результате эффективность работы департамента резко возросла.¹

Неприемлемым было положение в Аудиториатском департаменте, руководившем системой военной юстиции России. В начале 1816 г. в нем было 237 нерешенных дел, по которым в заключении содержались 413 подсудимых, многие из которых от 3 до 6 лет ожидали решения своей участи и т.д.

Строгими дисциплинарными мерами в сочетании с поощрениями Закревский добился впечатляющих результатов. В последующие годы число нерешенных дел упало до 10-15.² Порядок, установленный Закревским, несмотря на смену начальников, сохранялся до конца царствования Николая I.

Очень важную роль в укреплении законности в русской армии сыграли выпущенные Закревским книги «Краткое извлечение из законов, служащее руководством при производстве и решении военно-судных дел» (1818) и «Свод российских узаконений по части военно-судной» (1820).³

В целом деятельность Закревского позволила заметно упорядочить русскую военную юстицию.⁴

Очень значимой сферой деятельности Закревского были военно-сиротские отделения, т.е. масштабные заботы о быте и учебе 50-60 тыс. воспитанников, больше известных как военные кантонисты. Детей стали обучать по ланкастерской методике взаимного обучения, улучшились условия их жизни.⁵

На своем посту Дежурного генерала Закревский сделал очень много полезного для русской армии.

Александр I оценил энергию Закревского, в 1821 г. присвоив чин генерал-лейтенанта.

30 августа 1823 г. Закревский совершенно неожиданно для всех, и для себя самого был назначен генерал-губернатором Финляндии и командиром отдельного Финляндского корпуса. Закревский, не знавший иностранных языков, все 8 лет будет тяготиться пребыванием в Финляндии, в «моей Сибири», как он иногда говорил.

Стратегия Александра I после присоединения Финляндии к России в 1809 г. была вполне рациональна. Он хотел, чтобы финны сами почувствовали, что Россия более выгодный суверен, чем Швеция, и целым рядом мер сумел добиться этого. «Правящая верхушка Финляндии того времени считала, что Финляндия явно выиграла... поменяв метрополию. Она полагала, что чиновники должны как можно скорее овладеть русским языком, и способствовала этому».⁶

Тем не менее, Александр I опасался роста прошведских настроений у финнов и послал Закревского «сближать» Финляндию с Россией.

Начал Закревский, как обычно, с установления дисциплины у своих подчиненных. «Канцелярия нового генерал-губернатора работала до десяти часов вечера. Сам Закревский удивлял всех своей необыкновенною неутомимостью в работе... работа закипела».⁷

---

1 Сборник Русского Исторического Общества (далее: РИО) СПб., 1891. т.78, С.332-334

2 Столетие Военного Министерства. 1802-1902. СПб., 1914. т.12, кн.1, ч.2. С.28

3 Сборник РИО, т.78, С.366

4 Столетие Военного Министерства... т.12, кн.1, ч.2. С.137-138.

5 Сборник РИО, т.78, С.334-342.

6 Юсила Осмо и др. Политическая история Финляндии. 1809-2009. М., Весь мир. 2010 С.4142.

7 Бородкин М.М. История Финляндии: время императора Александра I. СПб., 1909. С.553

Однако в историю Финляндии Закревский справедливо вошел как активный русификатор. Коснусь лишь самого острого момента его правления.

В 1825 г. Закревский привел Финляндию к присяге новому императору по общей форме, которая предназначалась для обычных российских губерний и не учитывала особый статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Приведя финнов к присяге по общей русской форме, Закревский считал особое положение Великого княжества Финляндского в составе империи фактически ликвидированным, о чем доложил императору.

Однако Николай I решил иначе. Финляндия второй раз принесла присягу - теперь «по особой форме», и ее автономный статус был сохранен.

Закревский до смерти не мог успокоиться из-за того, что была упущена возможность полного слияния Финляндию с Россией.¹

Напрасно винить в такой политике специально Закревского. Он и здесь выступил как типичный (и не худший!) представитель русского дворянства – разумеется, с поправкой на особенности его личности.

Закревский с огромным удовольствием превратил бы Финляндию в обычную российскую провинцию, точно так же, как его лучший друг А.П. Ермолов сделал бы то же самое с Грузией. Подобно тому, как англичане считали себя выше ирландцев и шотландцев, русские дворяне считали себя «выше хохлов» (П.Д. Киселев), т.е. украинцев, не говоря уже о кавказцах и финнах.

Однако Николай I не позволил сделать этого ни ему, ни его преемникам.

Хотя в 1826 г. царь при активном участии Закревского изменил систему управления Финляндией, усилив позиции генерал-губернатора, одновременно само собой выросло значение Сената, который стал теперь решать ряд важных дел без предварительного представления их императору.

Так, парадоксальным образом, Закревский, «снискавший в истории Финляндии славу «истового русификатора», в значительной степени способствовал упрочению особой администрации Финляндии».²

С июня 1826 г. Закревский был назначен членом Верховного уголовного суда над декабристами. Однако он сумел от этого уклониться: уехал в Москву «по домашним обстоятельствам» и оставался там до завершения работы суда.

Вряд ли этот его поступок был случайным.

Декабристы для него, безусловно, были государственными преступниками. Однако он очень гуманно отнесся к тем из них, кто первые месяцы отбывал заключение в финских крепостях.

В апреле 1828 г. Николай I назначил Закревского министром внутренних дел России, сохранив за ним управление Финляндией.

Относительно недолгое министерство Закревского запомнилось прежде всего его неудачной, как считалось, борьбой с холерой. Думаю, это упрощение.

Николай I предупредил Закревского, что «министерство в большом беспорядке».³ Закревский сразу же вскрыл большие злоупотребления, воровство и хищения, чем настроил против себя предшественников по министерству, особенно князя В.М.Кочубея и его окружение.

---

1 Суни Л.В. Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии. Петрозаводск. Издательство Петр-ГУ. 2009. С.44-46.

2 Юссила Осмо и др... С.45

3 Сборник РИО 78, С.534

Как обычно, начал он с того, что заставил чиновников иначе относиться к своим служебным обязанностям. Он ввел в России знаменитые табельные доски, на которые каждый приходящий чиновник, включая его заместителей, должен был вывешивать свой табельный номерок, не допуская опозданий и отсутствия по неуважительным причинам.

Одновременно он значительно упорядочил и уменьшил делопроизводство. Он начал разработку новых штатов министерства и целый ряд проектов, завершенных уже при его преемнике. Он настаивал на повышении жалованья служащим, которое считал важнейшим условием повышения эффективности работы органов министерства, но и это произойдет позже.¹

В 1829 г. Закревский стал генералом от инфантерии, а в 1830-м был возведен в графское достоинство Великого княжества Финляндского.

А потом началась первая в России масштабная эпидемия холеры, болезни, о которой мало что было известно. Русские медики тогда даже не могли твердо сказать, заразна она или нет.²

Закревский, на мой взгляд, действовал по ситуации, показал большое личное мужество, но победить эпидемию он не смог, поскольку пал жертвой общего незнания, отсутствия опыта и т.д. Карантины, как считается, принесли лишь многомиллионные убытки промышленности и торговле.

Замечу следующее. В 1829-1831 гг. от холеры умерло порядка 100 тыс.чел. и, казалось бы, правительство должно было сделать выводы.

Но в 1846-1847 гг. новая эпидемия унесла 116,5 тыс.чел., а в 1848 г. – еще 668,1 тыс.чел. И только тогда Медицинский департамент МВД окончательно установил что холера распространяется людьми, а не ветром, и что ей способствуют антигигиенической обстановкой и вредной пищей и что карантины «вероятно были бы полезны».³

Закревский подал прошение об отставке и был уволен.

Есть, однако, основания считать, что карантины стали удобным поводом и что причина отставки лежит глубже. Мы твердо знаем, что целый ряд министров относился к нему негативно. Отставке предшествовали два прямых конфликта с императором и, как минимум, один с всесильным Бенкендорфом.⁴ Закревский был верен себе.

После 16 лет в отставке в 1848-1859 гг. наступил московский, самый сложный и неприятный для биографов нашего героя служебный период.

Напуганный революциями в Европе, Николай I назначил 65-летнего Закревского московским военным генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями.

На этом посту он яростно преследовал все, что принимал за либерализм, и оставил у множества современников недобрую память по себе.

Он перенес в Москву некоторые из «финляндских» методов управления. Возможно, в силу возраста усилились какие-то отдельные негативные свойства его характера. К тому же привычка к огромной власти никому еще не шла на пользу.

Позже он говорил: «Никто не знает инструкции, которую мне дал император Николай, видевший во всем признаки революции. Он снабдил меня бланками с собственноручною подписью, которые я возвратил в целости. Такое было тогда время и воля императора...»⁵

---

1 Андрианов С.А. Министерство внутренних дел. 1902-1902. Исторический очерк. СПб. 1903. С.51-52

2 Там же, С.80.

3 Там же, С.81

4 Корф Модест. Записки. М., Захаров. 2003. С.444-446; Сборник РИО, т.78, С.541

5 Цитируется по: Балязин В. Императорские наместники первопрестольной. 1709-1917. М., Тверская, 13. 2000. С.326.

Закревский, находясь в отставке, не заметил, как сильно изменилась Россия.

Николай I запретил А.С. Пушкину печатать «Медного всадника», однако новейшая социалистическая литература продавалась в России достаточно свободно, и ее читали.

Поэтому в конце 1840-х гг. в Москве, тогдашней интеллектуальной столице страны, Закревский столкнулся не с запуганными казнь декабристов дворянами, а с людьми новой генерации, западниками и славянофилами, которые с точки зрения внутренней свободы личности отстояли от него примерно также, как его собственное поколение «непоротых» русских дворян от поколения М.И. Кутузова, которое активно искало расположения фаворитов Екатерины II, что было неприемлемо для Закревского и его друзей.

И взаимопонимания они не нашли.

Подводя итоги, скажу, что на каждой своей должности Закревский приносил «с собой в управление, несмотря на недостаток высшего образования, очень много усердия, добросовестности и правдивости и, сверх того, очень энергический характер, доходивший, в незнании угодливости сильным, нередко до строптивости».¹

Так, он открыто предупредил императора Александра II, что является противником освобождения крестьян и, как считается, тормозил подготовку реформы в Московской губернии.

Одновременно на всех постах мы видим проявление Закревским высоких человеческих качеств. Он не задумался поставить счастье дочери выше служебного положения и устроил ее свадьбу, стоившую ему отставки.

Дорогого стоит, полагаю, отзыв декабриста генерала С.Г. Волконского, с которым они познакомились в 1810 г.: «Закревский и впоследствии таковым добрым знакомым для меня [был], и к чести его должен сказать, что во все время его служения, несмотря на приобретаемые им высшие степени значения, он оставался всегда равно радушным к старым знакомым и всегда готовым им к услугам — равенство действия, которое малое число людей сохраняют при возвышении в значительности.

Я это испытал лично над собою не только в продолжение моей службы, в течение которой не раз случалось мне иметь до него дело, но и по возвращении моего из ссылки в 1856 году.

Он был тогда московским генерал-губернатором и, несмотря на различное значение наше в обществе, несмотря на прежнюю мою опалу, принял меня как прежнего товарища, давал мне чистосердечные советы, чтобы охранить меня от многих сплетен и нерасположения многих лиц, и, наконец, отстаивал меня на сделанные ложные на меня доносы. Я поставляю себе долгом высказать степень моей признательности за это, тем более, что многие другие мои современники этого не сделали».²

Закревский прожил долгую и сложную жизнь и остался в истории не только как «гонитель либерализма».

Хочу закончить свой доклад короткой историей, которая, возможно, говорит о герое нашей конференции больше, чем долгие рассуждения.

Однажды Закревский увидел карикатуру, которую нарисовал на него дежурный офицер, но «не обиделся и сказал ласково: «Ничего, ничего, рисуй мои карикатуры». К удивлению офицера, его карьера не прервалась, в следующее дежурство Закревский поинтересовался: «А что, запаса карандашами — рисовать мои портреты?»».

1 Корф Модест... С.444.

2 Волконский С.Г. Записки.... С.112-113.

Козлов Владимир Фотиевич

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, профессор, председатель Союза краеведов России и Московского краеведческого общества, Россия, г.Москва

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВКЛАД ГРАФА А.А.ЗАКРЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ МОСКВЫ. 1840–1850-е гг.

Граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865) был назначен генерал-губернатором Москвы в годы бурных потрясений для многих европейских государств. Революции охватили многонациональную Австро-Венгерскую империю, где против австрийского гнета восстали венгры, итальянские государства. Масштабные социальные революции произошли во Франции и в германских государствах. От революций 1848–1849 гг. пострадали миллионы европейцев. Вполне понятно, что мятежной Европы опасались власти России. Трудно представить, что стало бы с многонациональной многоукладной Российской империей, если бы революция вспыхнула на ее территории. Историческая память русских сохранила воспоминания о «бессмысленных и беспощадных» восстаниях XVII–XVIII вв. С.Разина и Е.Пугачева. В этом контексте назначение на пост московского генерал-губернатора А.А.Закревского – героя Отечественной войны 1812 года, храброго и решительного и консервативного по своим взглядам, было вполне объяснимо и оправдано.

Граф Закревский стал полновластным хозяином древней столицы Руси, второго города Российской империи, насчитывающего в середине XIX в. около 400 тыс. человек. В Москве тогда находилось более 860 промышленных предприятий: металлообрабатывающих, суконных, шерстяных, шелковых, кирпичных, химических и других. Многие из них находились в густонаселенных центральных районных города, что сильно загрязняло окружающую среду, вызывало возникновение пожаров, приводило к нежелательному скоплению рабочих. На это в первую очередь обратил внимание вновь назначенный губернатор, и вскоре по его ходатайству в июне 1849 г. Комитет министров запретил строить в Москве и уезде новые промышленные заведения. Эти меры помогли значительно улучшить экологию большого города. По распоряжению Закревского был ограничен и приток в Москву рабочих людей, началась решительная борьба с бродяжничеством. В 1852 г. Сенат издал указ об уменьшении нищенства в Москве. Граф Закревский был требователен и к фабрикантам. По его распоряжению в 1849 г. владельцам мануфактур, фабрик и заводов предлагалось выдавать зарплату деньгами, а не товаром, заранее объявлять рабочим стоимость продуктов, не понижать зарплату до окончания срока договора. Благодаря этим и другим нововведениям (в том числе, учреждению под начальством генерал-губернатора Особого комитета для надзора за фабриками и заводами) снизилась социальная напряженность, улучшился быт рабочих, город стал чище и безопаснее.

В 1840–1850-х гг. Москва являлась всероссийским центром легкой промышленности. Самая большая в Москве шерстобумажная фабрика Е.Гучкова располагалась в районе Лефортова в 22 больших корпусах, в которых работало около 3 тыс. человек. В районе Пресни находилась хлопчатобумажная фабрика Прохоровых, в Хамовниках – суконная фабрика Ганешиных.

В эпоху Закревского в Москве развивалась и система профессионального образования. В 1850 г. в городе насчитывалось 10 технических и казенных школ и столько же частных фабричных школ. В 1855 г. при Московском обществе сельского хозяйства была открыта школа шелководства.

Любивший строгость и порядок А.А.Закревский большое внимание уделял благоустройству города, развитию торговли и транспорта. При нем был отремонтирован Мытищинский водопровод. В 1840-е гг. в Москве торговля осуществлялась на 25 площадях и 16 рынках. Самыми известными из них были Охотнорядский, Смоленский, Немецкий, Полянский. У стен Ивановского монастыря ежегодно 29 августа проходила огромная шерстяная ярмарка, собиравшая торговцев и покупателей со всей Московской губернии.

В 1840–1850-х гг. Москва дважды сталкивалась со страшной для того времени эпидемией холеры. Именно Закревскому в первый год управления губернией пришлось бороться с последствиями холеры 1848 г. Через 6 лет холера вновь посетила Москву, но решительными мерами была остановлена. В середине века в Москве было 63 больницы, самой большой из них был военный госпиталь в Лефортово, насчитывающий 1540 кроватей.

В середине XIX в. для Москвы как крупнейшего русского города большой проблемой были дороги и средства сообщения. В 1840-е гг. здесь насчитывалось 12 тыс. колесных экипажей (карет, колясок, фаэтонов и др.) и столько же саней и зимних экипажей. Стали ходить дилижансы между Москвой и Нижним Новгородом. На первые годы губернаторства Закревского пришлось и сооружение первой в России большой железной дороги, соединившей Москву с Северной столицей. Московские власти участвовали в выделении места под строительство зданий вокзала и таможни Николаевской железной дороги (арх. К.Тон), станций и линий, проложенных по территории губернии. Магистраль была торжественно открыта для регулярного движения пассажирских поездов 1 ноября 1851 г.

В первые годы губернаторства Закревского Москва украсилась еще двумя великолепными зданиями. В Кремле в 1838–1850 гг. по проекту К.Тона был построен большой Кремлевский дворец с огромными парадными залами. Дворец стал московской резиденцией императорской семьи, местом парадных приемов. В 1851 г. было закончено строительство и самого большого в России музейного здания Оружейной палаты в Кремле (арх. К.Тон). При Закревском в 1856 г. восстановлено во всей красе сгоревшее в 1853 г. здание Большого театра. Наконец, граф Закревский как московский генерал-губернатор являлся по своей должности председателем Комиссии для строений в Москве храма Христа Спасителя. Грандиозный кафедральный собор – памятник победе в Отечественной войне, сооружали 44 года: с 1839 по 1883 г. Однако вчерне его закончили именно к концу губернаторства Закревского.

Москва православная обогатилась при генерал-губернаторе А.А. Закревском двумя десятками монастырских, приходских и домовых храмов. Украшением ул. Тверской стали сооруженная в 1849–1855 гг. высокая шатровая колокольня и ограда Страстного монастыря. Тогда же был построен и собор в Алексеевском монастыре. Известна активная роль Закревского в организации в 1849–1850 гг. помощи православным сербам, жившим тогда на территории Австро-Венгерской империи. Поднявшие там восстание венгры сожгли или разорили 115 православных храмов. И в России было решено организовать сбор средств. По призыву А.А.Закревского по подписке в короткий срок москвичами были собраны деньги, церковная утварь, иконы, богослужебные книги и отправлены единоверным сербам.

Мы не знаем художественных вкусов и архитектурных предпочтений графа, но в его бытность руководителем Москвы в городе строились здания и храмы в русском или русско-византийском стиле. Москва времени правления графа Закревского – город высокой духовной культуры и столица русского просвещения. В 1849 г. в Москве насчитывалось 4 казенных мужских гимназии,

около 30 частных учебных заведений. В Московском университете – главном очаге российского образования, в 1848 г. обучалось 1168 человек. В Университете, между прочим, преподавал всеобщую историю талантливый ученик историка Т.Н. Грановского П.Н. Кудрявцев, издавший в 1850 г. большой труд «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим».

Современниками А.А. Закревского были знаменитые москвичи – духовный деятель митрополит Московский Филарет (Дроздов), актеры Малого театра М.С. Щепкин, П.М. Садовский, композитор А.А. Алябьев, художник В.А. Тропинин, писатели В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. и П.В. Киреевские, драматург А.Н. Островский, историк М.П. Погодин, филантроп «святой» доктор Ф. Гааз и др. Закревский любил пьесы А.Н. Островского. В 1853 г. он присутствовал в Малом театре на премьере «Не в свои сани не садись», в 1852 г. был на похоронах Н.В. Гоголя. И хотя отношение части художественной интеллигенции к личности строгого и прямого генерала было далеко не однозначным, тем не менее, в нелегкие 1840–1850-е гг. московская культура неуклонно развивалась. Закревский особое внимание уделял укреплению в народе памяти об Отечественной войне 1812 года, в которой он принимал активное участие.

Граф как ветеран и настоящий русский офицер очень близко к сердцу принял павшие на Москву невзгоды и трудности, вызванные Крымской войной. На протяжении 1853–1855 гг. московские власти организовали сбор пожертвований на нужды армии. В январе 1854 г. в здании Манежа москвичи провожали в Крым на войну Владимирский, Суздальский, Углицкий и другие полки. В Москве и Московской губернии в 1853–1855 гг. было произведено 12 рекрутских наборов, а также формировались дружины народного ополчения. Война потребовала от московского городского общества значительных денежных расходов. Город устраивал угощение всем проходившим через него воинским командам. Героическая оборона Севастополя приковала к себе внимание всех москвичей. Они же и оплакивали героев, узнав в конце августа 1855 г. об оставлении нашими войсками Севастополя. По предложению А.А. Закревского в Москву были приглашены военные флотские экипажи, москвичи старались поддерживать традиции своего гостеприимства и хлебосольства. Тысячи горожан с ликованием встречали героев-севастопольцев. А граф Закревский устроил в генерал-губернаторском доме званый обед. Все расходы по переезду и содержанию героев-севастопольцев взяли на себя известные московские предприниматели и меценаты В.А. Кокорев, и К.Т. Солдатенков.

1855 г. умирает доверявший Закревскому император Николай I. Граф участвует в организации в Москве торжественной коронации нового императора Александра II. Современникам запомнились кремлевское торжество, народное гуляние, городские иллюминации. Начавшаяся подготовка к реформам была не по нутру А.А. Закревскому. Это понимал и новый император-либерал. И после почти 11 лет службы Первопрестольной, граф А.А. Закревский 16 апреля 1859 г. был отправлен в отставку. Началась иная эпоха в управлении Москвой.

Основная библиография

- Московские ведомости. [Газета]. М., 1849–1859.
Фигнер А.В. Воспоминания о графе А.А. Закревском // Исторический вестник. 1885. №6.
Друцкой-Соколинский Д.В. Биографическая заметка о жизни гр. А.А. Закревского // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.73. СПб, 1890.
История Москвы. В 6 т. Т.3–4. М., 1954.
Балязин В.Н. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М., 2000.
Московская власть. Управление Москвой в XII–XVII вв.: Историко-биографический справочник / Авт. кол. К.А. Аверьянов, А.В. Карандеев, И.Н. Мухин, Е.Н. Мухина. М., 2010.
Васькин А.А. «Сердце русское, твердость английская, а аккуратность немецкая...». О видном военном и государственном деятеле России графе Арсении Андреевиче Закревском (1783–1865) // Московский журнал. 2013. №10.
Полунина Н.М. Во главе первопрестольной. Первые лица московской власти за три века. 1709–2009. М., 2013.

Полунина Надежда Михайловна

*историк, научный сотрудник
Государственного Исторического музея
Россия, г.Москва*

МОСКОВСКАЯ УСАДЬБА СТУДЕНЕЦ ГРАФА А.А.ЗАКРЕВСКОГО – ПАМЯТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Отечественная война 1812 года оставила глубокий след в истории России. Наполеоновские войны, по мнению некоторых историков, надо называть Первой мировой войной, так как в них была втянута вся Европа, они были продолжительны, разорили сотни городов и поселений, принесли неисчислимые страдания народам. Против России выступила вся континентальная Европа и, хотя была создана антинаполеоновская коалиция, но именно на долю русского солдата выпала большая часть испытаний. Русская армия проявила невероятную стойкость, мужество, высочайший боевой дух. Весной 1814 г. русские войска взяли Париж и овеянные славой возвратились домой. Триумф России в победе над Наполеоном увековечен в разнообразных и многочисленных памятниках и монументах.

Москва, под стенами которой прошло кровопролитное Бородинское сражение, которая пережила вторжение и осквернения города захватчиками, приложила немало усилий для увековечивания подвига армии-освободительницы и ее военачальников. Среди этих памятников такие широко известные как Триумфальная арка и здание Манежа, Александровский сад и грот «Руины», Бородинский мост и скульптурные монументы Михаилу Илларионовичу Кутузову и Петру Ивановичу Багратиону, и, наконец, на берегу Москва-реки величественный храм Христа Спасителя.

Перечисляя московские памятники, посвященные войне 1812 года, забывают еще один, воздвигнутый частным лицом, на своей земле и на собственные средства. Это мемориал, созданный Арсением Андреевичем Закревским. К сожалению, со временем памятники этого мемориала, за небольшим исключением, разрушились. Но сохранилось место и отдельные фрагменты мемориала, которые дают надежду на воссоздание этой драгоценной реликвии, одного из самых скромных, но трогательных памятников Москвы, посвященных столь знаменательному событию.

Но прежде чем ставить вопрос о воссоздании мемориала, необходимо собрать полную информацию о нем, ответить на такие вопросы: в какие годы создавался мемориал в усадьбе Студенец, какие памятники он включал, кто из архитекторов и скульпторов принимал участие в его создании, каковы побудительные мотивы создания мемориала в частной усадьбе. В настоящее время изученные материалы не позволяют убедительно ответить на все поставленные вопросы, но дают возможность высказать некоторые предположения.

Сведения о памятниках усадьбы Студенец чаще всего встречаются в трудах по истории архитектуры Москвы. К сожалению, в литературе, посвященной жизни и деятельности Закревского, материал подобный крайне скуп. В краеведческой литературе о Москве сведения об усадьбе Студенец также можно встретить, однако они весьма противоречивы, а нередко изобилуют фантастическими деталями. Одна из таких нелепостей сообщает, что в парке был погребен конь Закревского и на его могиле безутешный хозяин водрузил павильон-усу-пальницу, в центре которой якобы установил стелу с рельефом Дианы-охотницы.

Название усадьбы происходит от ручья Студенец и одноименного колодца Студенец, славившегося еще с XIV в. по всей Москве прекрасной водой.

Из всего круга вопросов, стоящих перед исследователем, один из наиболее объяснимых – побудительные мотивы создания мемориала в частной усадьбе. Эти мотивы следует искать не только в существовавшей традиции создания мемориалов в русских усадьбах, но и в особенности биографии Закревского (служба боевого офицера) и характерных чертах его личности (высоко развитый патриотизм).

Арсений Андреевич Закревский (1786–1865) участвовал во всех войнах и крупных сражениях, которые вела Россия в 1805–1814 гг. Он дважды был ранен и контужен; в битве при Аустерлице спас от плена командира полка генерала Н.М. Каменского; вместе с русской армией прошел весь путь Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг.; участвовал в генеральном сражении на Бородинском поле. В 30 лет он уже получает почетное звание генерал-адъютанта императора Александра I. И как достойный венец боевого пути – портрет генерала Закревского в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге среди прославленных героев Отечественной войны.

Закревский был горячим патриотом своей страны, по природе честным и бескорыстным человеком. Благо Родины для него – не пустой звук, и он многократно доказывал это на гражданской и военной службе. «Приносить пользу отечеству» – вот главный лейтмотив его жизни. Таким личностям свойственна благодарная память о тех, с кем им приходилось вместе переносить тяготы военного пути или с кем сближала общность взглядов. «Сердце благодарное» способно к созиданию мемориев!

Для усадебной культуры XVII–XIX вв. было характерно создание памятников в честь тех или иных событий, в память отдельных личностей, и Закревский с этой традицией был хорошо знаком, бывая в усадьбах у друзей. Если ранние мемориалы XVII в. в подмосковных усадьбах – это, согласно древнерусской традиции, храмы, то с начала XVIII в., в эпоху императора Петра Великого, ее сменила заимствованная с Запада традиция отмечать победы светскими сооружениями – монументами в виде пирамид, обелисков, колонн, аллегорической скульптуры. В правление императрицы Екатерине II, после победоносной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., открывшей России выход в Черное море, немало памятников было воздвигнуто в подмосковных усадьбах. Подобное произошло и после победы русско-го оружия над «двунадесятью языками».

История изучения памятников Отечественной войне 1812 года показывает, что в усадьбе Студенец был создан один из самых оригинальных мемориалов. Описание его дали современники Закревского, его знакомые, бывавшие не раз в усадьбе, – Федор Федорович Вигель (1786–1856) и Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863).

По словам мемуариста Ф.Ф. Вигеля, относящихся к 1828 г., Студенец в эти годы приобрел большую известность среди жителей Москвы и он сам чуть ли не каждое воскресенье навещался сюда: «Все другие гульбища брошены, опустели. Новый владелец действительно хорошо украсил сие место. От больших ворот шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, с двумя боковыми узкими для пешеходов, до главного дома над самой рекой.

С обеих сторон сих аллей было по три острова, четверугольных, равной величины, разделенных между собою вновь прокопанными канавами, наполненными тогда еще чистой, проточной водой и соединенными деревянными мостиками. Каждый из сих островов был посвящен памяти одного из героев, под начальством которых Закревский находился: Каменского, Баркляя, Волконского и других. На каждом посреди густоты деревьев находился или храмик, или памятник сказанным воинам: необыкновенная, нового рода правильность, напоминающая нечто фрунтовое. Самая чистота, в которой все это было содержано, как бы заимствована была у аракчеевских военных поселений».

Дополнительные факты о мемориале можно подчерпнуть из переписки братьев Булгаковых. Александр Яковлевич регулярно писал из Москвы в Петербург брату Константину Яковлевичу (1782–1835). Вот выдержки из писем за 1826–1829 гг.

2 июля 1826 г.: «Я пишу тебе сии строки у Закревского. Не дают писать; входит то один, то другой, а Закревский в сад зовет. Вечер бесподобный, тихо. Этот сад точно Венеция, *mis en jardin* [находящийся в саду. – Н.П.]; на одном острове есть славный монумент князю Волконскому с надписью: князю П.М. Волконскому в знак моей дружбы и уважения. Ай да Закревский! Есть монумент графу Н.М. Каменскому, но я его еще не видал, не весь сад обходил».

1828 г.: «Граф Федор Андреевич [Толстой, отец жены Закревского Аграфены Федоровны. – Н.П.] показывал мне дом; славно отделан, т.е. расписан, ибо мебели еще нет, кроме книг в кабинете А.А. (Закревского. – Н.П.), откуда прекраснейший вид. Такой дом хорошо бы иметь и среди столицы. Расположен он хорошо и обширен, все любовались чистотою».

8 июля 1829 г.: «Кажется, и рано отправился я сегодня к доброму Закревскому, но не рано вернулся домой. На дачу явился в 8 часов; сказали, что почивает. Я пошел бродить по прекрасному саду: *absolument Venise en jardin* [абсолютная Венеция в саду. – Н.П.], все посмотрел и рад, что после декокта [отвар из лекарственных трав. – Н.П.] всего много походил... Закревский все мне сам показал, даже таскал на кухню и в винный погреб! после пошли в сад опять, он на Лидином острове в честь дочки посадил при мне каштан, выкопал сам яму и пр. ...Ну уж дом, вид, чистота, расположение, вкус, прелесть!!».

Приведенные свидетельства показывают, что мемориал располагался на шести искусственных островах, на каждом из которых и стояли памятники. Здесь были бюсты известных в истории России личностей, под началом которых служил Закревский. Среди них: князь, генерал-фельдмаршал Михаил Борисович Барклай де Толли (1761–1818); светлейший князь, генерал от инфантерии Петр Михайлович Волконский (1776–1852); граф, генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский (1776–1811).

Последнему Закревский поставил памятник и в усадьбе Ивановское под Подольском. Беллетрист Болеслав Михайлович Маркевич, служивший в юности в канцелярии генерал-губернатора, впоследствии писал: «тому, первому своему, давно умершему начальнику, который вывел его из темных рядов армии, он в любимом своем имени, под окнами своего кабинета, поставил в саду бронзовый памятник с надписью: “Моему благодетелю”».

Известно также, что в усадьбе Студенец стоял бюст государственному деятелю, генералу от инфантерии Алексею Петровичу Ермолову (1777–1861), с которым Закревского сближала общность взглядов на историю страны и ее современное состояние. Возможно, «именных» памятников, кроме названных, и не было. Как видно из переписки, один остров хозяин посвятил своей дочери, Лидии Арсентьевне, родившейся в 1823 г. А чем был занят шестой остров?

Возможно, на нем стоял памятник, сохранившийся до наших дней и известный как Тосканская колонна. Когда-то белокаменная колонна тосканского ордера на широком кубическом

основании, облицованном известняком, была украшена: на цоколе – двумя резными, увитыми лентами мечами из белого камня, на постаменте – каменными венками из лавровых листьев; венчала же колонну крылатая фигура с мечом. Колонна сохранилась, и сейчас стоит на острове, но со значительными утратами.

В саду усадьбы стоял еще один памятник. На чертежах он значится как «Каменный павильон в саду». Важные для истории усадьбы чертежи сохранились в делах «собственной Е.И.В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии», о чем свидетельствует печать. Возможно, именно этот павильон Ф.Ф. Вигель и назвал – «храмик». Этого павильона сейчас нет, но в 1904 г. он еще стоял, о чем свидетельствует фотография, опубликованная в журнале «Мир искусства». Не этот ли павильон впоследствии был назван «усыпальницей» коня Закревского?

Итак, мемориал мог состоять из четырех бюстов и Тосканской колонны на островах и каменного павильона в саду. Ныне в парке сохраняются от того времени еще два сооружения, которые по своей архитектуре также вписываются в мемориал. Это каменный павильон над колодцем, построенный в виде восьмигранника в стиле ампир, сужающегося кверху и увенчанного куполом. Стены павильона получили отделку, характерную для времени римского императора Августа. Водотоки на четырех гранях выполнены в виде львиных масок. Восьмиугольная фигура на латыни означает – «октагон» и потому колодезный павильон вошел в историю с таким именем. Лишенный былого величия (нет львиных масок, завершения купола), сдвинутый со своего места и даже повернутый на 90 градусов (произошло это в 1972 г. когда расширяли Мантулинскую улицу), Октагон, тем не менее, выразителен.

В античном стиле были воздвигнуты и въездные парадные ворота, украшенные полуфигурами воинов в доспехах. Некогда ворота утратили, но восстановленные в 1990-е гг. по сохранившимся чертежам, они напоминают о былой славе мемориальной усадьбы.

Теперь, когда в общих чертах перед нами предстал мемориал, обратимся к вопросу – кто был его создателем. Историки архитектуры единогласны в своих предположениях – усадебный дом в Студенце по заказу Закревского возвел архитектор Доменико Жилярди (1785–1845). Известный московский зодчий, швейцарец по происхождению, он работал в Первопрестольной в 1813–1832 гг. В своих постройках он утверждал формы итальянского ампира. Большинство построек архитектор создавал вместе со своим учеником Афанасием Григорьевичем Григорьевым (1782–1868). Вероятно, Жилярди вместе Григорьевым и спроектировали парк, каналы, острова с мемориальными объектами и парадные ворота. А вот кто из скульпторов работал над бюстами для усадьбы Студенец – остается невыясненным.

Усадьба принадлежала Закревскому с конца 1818 г. – он ее получил как приданое за женой, и владел не более 16 лет. Работы по преобразованию усадьбы начались, как можно предположить, сразу со вступлением Закревского в права собственника. В 1826 г. мемориал уже существовал, и хозяин любил его показывать гостям. Но в 1834 г. усадьба переходит в другие руки.

В 1831 г. Закревский вышел в отставку. Возможно, это сыграло свою роль в судьбе загородного дома – владелец решил расстаться с усадьбой Студенец, содержание которой требовало немалых средств. В переписке братьев Булгаковых за сентябрь 1832 г. о продаже усадьбы можно узнать следующее: «Закревского поздравляю от души со славною продажей. Ему клад Бог дал. Тративши такую сумму как 400 т., даже и богач, как Демидов, захочет иметь дачу по вкусу своему, а не по вкусу другого. Что Закревскому нравится, может не нравится Демидову, наприм. отрадны для сердца благодарного и любящего Закревского монументы Каменскому, Волконскому, Ермолову, а Демидов может быть уничтожит их... Я чрезмерно радуюсь, что Закревский сбыл так славно эту дачу, которая бы еще более его завела в издержки».

Кто же стал покупателем усадьбы с ее оригинальным мемориальным комплексом? Ее приобрел известный меценат и благотворитель Павел Николаевич Демидов (1798–1840). В истории он прославился учреждением Демидовских премий, которые вручала Академия наук; известен он и как благотворитель основанием в Петербурге Демидовского дома призрения трудящихся и первой в России детской больницы. Усадьбу Студенец Демидов приобрел не для того, чтобы в ней жить, а для того, чтобы совершить еще один акт благотворительности. Вначале 1834 г. он пожертвовал приобретенную усадьбу государству. Напрасно беспокоился А.Я. Булгаков – Демидов не разрушил мемориал, созданный Закревским. Не исключено, что Демидов именно из-за мемориала и приобрел усадьбу, пожертвовав ее государству. Однако дальнейшая судьба усадьбы и мемориала безрадостна.

Усадьбу причислили к благотворительным учреждениям Ведомства императрицы Марии Федоровны, которое возглавляла супруга императора Николая I Александра Федоровна. В 1835 г. императрица разрешила Обществу любителей садоводства открыть в усадьбе школу садоводства «с целью подготовки опытных садовников». Студенецкая школа садоводства Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, как она официально называлась, просуществовала до 1917 г. и подготовила немало опытных садоводов, работавших по всей России.

Сам же парк все эти годы оставался по-прежнему местом гуляний московской публики. Однако о мемориале, видимо, никто не заботился. В 1904 г. его постройки были почти полуразрушены, а бюсты, видимо, уже исчезли, так как в иллюстрированной статье за этот год в журнале «Мир искусства», посвященной садоводству «Студенец», показаны только два памятника – Октагон и «каменный павильон в саду».

В 1932 г. бывшая усадьба Студенец была объявлена парком культуры и отдыха «Красная Пресня» и таковым остается до сего дня. В 1941 г., в период наступления фашистской армии на Москву, парк пострадал от взрывов – Тосканская колонна была разрушена, но в 1960 г. ее восстановили, правда, без надписей. Можно предположить, что текст надписей не сохранился.

Сейчас парк площадью 16,5 га считается памятником садово-паркового искусства (решение Мосгорисполкома от 02 января 1979 г. № 3, пункт 18.3). Основную его ценность представляют уникальная планировка парка, системы каналов и сохранившиеся старые деревья. Один из старейших парков столицы ежегодно посещают более 500 тысяч москвичей. С каждым годом паркам Москвы уделяется все большее внимание и хочется надеяться, что придет черёд и восстановят в парке мемориальный комплекс в память Отечественной войны 1812 г., созданный прекрасным русским человеком Арсением Андреевичем Закревским.

Библиография

- Белецкая Е.А., Покровская З.К. Д.И. Жилярди. М.: Московский рабочий, 1980.
- Булгаков А. Я., Булгаков К. Я. Письма: В 3 т. М.: Захаров, 2010.
- Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. С. 523–527, 548, 550–551.
- Маркевич Б.М. Четверть века назад. Правдивая история. // Он же. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Издательство Саблина, 1912. Т. 4. С. 195–196.
- Москва сто лет назад. Справочник по истории городского управления. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1997. С. 138.
- Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (север и северо-запад). М.: 2004.
- Полунина Н.М. Во главе Первопрестольной. Первые лица московской власти за три века. 1709–2009. Иллюстрированный историко-биографический словарь. М.: ООО «ВИТО», 2013. С. 262–273.
- Полякова Г.А., Гутников В.А. Парки Москвы: экология и флористическая характеристика. М.: ГЕОС, 2000. С. 161–163.
- Студенецкая школа садоводства // Мир искусства. 1904. № 7.
- Шилов Д.Н. Государственные деятели российской империи. 1802-1917: Биографический справочник. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. С. 276–279.
- Чернявская Е.Н. Мемориальные объекты в составе подмосковных усадеб: историко-типологический анализ // Русская усадьба: Сб. Об-ва изучения русской усадьбы. Вып. 5 (21). М., 1998. С. 72-79.
- Pfister Alessandra, Angelini Piervaleriano. Gli architetti Gilardi a Mosca. La raccolta dei disegni conservati in Ticino. Mendrisio Academy Press. Mendrisio, 2007.

Тарханова Тамара Александровна

*кандидат педагогических наук,
директор Федерального музея профессиональ-
ного образования – филиала Университета
машиностроения,
Россия, г.Подольск*

ГРАФ А.А.ЗАКРЕВСКИЙ – ВЛАДЕЛЕЦ ПОДМОСКОВНОЙ УСАДЬБЫ «ИВАНОВСКОЕ»

Имя графа Закревского прочно связало два исторических места – усадьбу «Ивановское» в России и виллу Гальчето в Италии, где он провел последние годы своей жизни.

«Ивановское» унаследовала супруга графа Закревского Аграфена Федоровна Закревская – дочь Федора Андреевича Толстого – сенатора, знаменитого библиофила и коллекционера. Это было самое близкое к Москве из принадлежавших ей имений. Усадьба располагалась близ города Подольска на живописном берегу реки Пахры.

Свою известность усадьба получила еще при отце Аграфены – графе Федоре Андреевиче Толстом, но расцвет усадебной жизни в Ивановском связан с семьей Закревских.

Усадьба с огромным домом, парком и служебными строениями занимала около 200 десятин земли, не считая отдаленной фермы и крестьянских дворов. Сентябрь 1821 года в жизни Закревских был примечателен двумя значимыми событиями, связанными с подмосковной усадьбой. В честь 30-летия военной службы своего друга – генерала Ермолова (Алексея Петровича) Закревский устроил грандиозный бал, с участием военного оркестра, с пальбой из пушек и фейерверками. Второе событие – смерть матери Аграфены Федоровны – Степаниды Алексеевны Толстой (Дурасовой). В ноябре 1821 года имение Ивановское было окончательно отдано Толстым в управление дочери и зятю. Это дало возможность Закревскому произвести крупные перестройки в Подмосковной усадьбе.

Основное благоустройство Ивановского началось предположительно в 40-х годах 19 века и продолжалось до 50-х годов, когда граф занимал пост московского генерал-губернатора. Коренной реконструкции подверглась центральная часть главного дома: был надстроен третий этаж, внутренние помещения приобрели ампирную отделку. На фронтоне фасада главного дома появился герб Толстых-Закревских. Флигели получили второй этаж и были соединены одноэтажным переходом с главным домом. В доме появилась домашняя церковь и домашний театр. По воспоминаниям Юрия Бахрушина прямо из ванной комнаты графини шел подземный ход к реке Пахре, который завершался каменным гротом. А в знак уважения к первому командиру-генералу Николаю Михайловичу Каменскому, спасенному Закревским во время Аустерлицкого сражения, граф установил в усадебном парке мраморный саркофаг с надписью «Благодетелю моему графу Н.М.Каменскому».

За садовым павильоном был разбит фруктовый сад и построены каменные апельсиновые оранжереи. У входа в парадный двор были сооружены пропилеи в стиле ампира и каменная ограда с металлической решеткой. Усадебный комплекс получает единое гармоничное звучание.

В таком виде главный дом усадьбы и садовый павильон сохранились до наших дней. К сожалению, реставрационные работы на померанцевой оранжерее были прекращены в 90-е годы XX века в связи с распадом Советского Союза и прекращением финансирования.

Усадьба при Закревских имела роскошное внутреннее убранство, где помимо дорогой мебели, ковров, произведений искусства и посуды граф собрал обширную библиотеку. После смерти Закревского она была вывезена в Москву на распродажу и знаменитая коллекция рассыпалась по многочисленным частным собраниям. До нас дошел только каталог

на 193-х страницах, который включает 1540 наименований трех тысяч томов. Усадебная библиотека отражала многообразие интересов хозяина. Это были издания военной тематики, книги по всемирной и российской истории, экономике, государственному устройству, морскому делу и даже по медицине, особенно связанные с борьбой с холерой.

Арсений Андреевич не только перестроил усадьбу, но и взялся активно наводить порядок в сельце Ивановское, где насчитывалось 15 крестьянских дворов со 140 душами крепостных крестьян, а также действовала суконная фабрика, на которой трудились 313 человек. Фабрика была выстроена крестьянами деревни Ивановское и вырабатывала сукно для армии и флота. Кроме ивановских крестьян на ней работали крестьяне из деревни Кутузовская, часть которой также принадлежала Закревской. Фабрика была оснащена паровой машиной, семью аппаратами, шестью мотальными и разнообразными другими станками.

Закревский много внимания уделял быту крестьян. Возводил для них школы, больницы и особо следил, чтобы не пьянствовали. Крепостные Закревского жили в небольших домах в три окошка, одинаково у всех устроенных, покрытых железом и выкрашенных в желтый цвет. В деревне было чисто, около домов выметено и огорожено плетнем два раза. Дорога вдоль деревни была выложена камнем и усажена деревьями, а для самого графа был устроен прямой бульвар до шоссе, чтобы он мог видеть, что делают его мужики. Ночью в деревню проникнуть было невозможно. Крестьяне не бедствовали и чувствовали заботу хозяина. Именно этим деревня Ивановское славилась на всю округу. Московский журналист и краевед XIX века Алексей Ярцев так описывает жизнь в усадьбе: «...Ивановское... процветало, весело там жилось не только в барском доме, но и на деревне, тесно примыкающей к господской усадьбе... Ивановские крестьяне, как рассказывают теперь старики, всегда встречали с радостью графскую семью. Мужики били челом барину, поднося ему хлеб-соль, а бабы кланялись разными деревенскими гостинцами. Граф милостиво принимал подношения и одаривал их ассигнацией, иногда даже сотенной. В течение лета граф нередко хаживал по деревне, заглядывал в избы, интересовался крестьянским хозяйством и, если видел в избе чистоту, в хозяйстве трудолюбие и порядок, то очень одобрял, а нерадивым давал выговоры.»

Усадьба «Ивановское» славилась грандиозными балами и обедами. Здесь любили бывать армейские друзья Закревского – генералы Давыдов, Ермолов, Орлов. Праздники, охота, театральные представления и музыкальные вечера всегда проходили весело и пышно. Душой увеселений была графиня Аграфена Федоровна. Она устраивала домашние спектакли, в которых играла сама и приглашала любителей из числа московской аристократии – г-жу Новосильцеву, князей Оболенского, Голицына, Долгорукова и сценически талантливую княгиню Щербатову. Особенно любил Закревский, когда князь Абамелик пытался представлять самого Арсения Андреевича. «Граф хохотал до слез, но чистосердечно сознался, что изображение верно».

В 50-е годы, когда Закревские стали приглашать в подмосковную артистов и режиссеров Малого театра, слава о домашнем театре в Ивановском дошла до театральной Москвы. На спектакли усадебного театра съезжалась «вся Москва». Здесь можно было встретить известных русских поэтов Дениса Давыдова, Петра Вяземского. Приезжали в Ивановское и Великие Князья Николай Николаевич (будущий Николай II) и Михаил Николаевич. В честь приезда членов императорской фамилии был устроен праздник с большой программой – обедом, театральным представлением, балом, ужином, иллюминацией и фейерверком. На празднике давался водевиль по пьесе князя А.А. Шаховского «Казак-стихотворец», поставленный режиссером Малого театра Сергеем Соловьевым. Спектакль имел такой успех, что был повторен в Москве в доме военного генерал-губернатора Закревского. Весь сбор от спектакля устроители передали в фонд московских детских приютов, главной начальницей которых состояла Аграфена Федоровна Закревская.

Мне хотелось бы заострить Ваше внимание на том факте, что усадебная жизнь графа не

ограничивалась границами самой усадьбы.

Немало добрых дел свершил Закревский для развития города Подольска. «В 1851 году попечением нынешнего генерал-губернатора графа Арсения Андреевича Закревского украшен город многими каменными домами, устроен прекрасный парк с разными увеселениями; в продолжении лета там, в известные дни, играет отличная музыка, и сделана небольшая галерея для танцев, собираются городские жители и помещики из окрестностей, из Москвы ходят линейки, чтобы облегчить путешествия желающих посетить подольское гуляние», - так описывал Подольск Карл Нистрем в «Указателе селений и жителей уездов Московской губернии». В ноябре 1852 года генерал-губернатор Москвы Арсений Андреевич Закревский распорядился откомандировать известного московского архитектора Михаила Быковского в Подольск для осмотра повреждений Воскресенской церкви с представлением ему рапорта о ситуации.

Закревский заботился также и о близлежащем селе Дубровицы Подольского уезда (сейчас – поселок), украшением которого до сих пор является поразительной красоты храм Знамения Пресвятой Богородицы – символ Петровской эпохи. В сентябре 1850 года в Дубровицы в сопровождении графа Закревского приезжали сыновья царя – великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич Романовы. На стене близ западной двери Дубровицкого храма находилась медная табличка со следующей надписью: «Храм Знамения Пресвятой Богородицы сооружен 1690 (год), возобновлен 1850-го года и освящен Московским Митрополитом Филаретом в присутствии Его Сиятельства Господина Московского Военного Генерал-Губернатора, Графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865)...». Долгое время благодаря местному священнику Иоанну Булкину и графу Закревскому в алтаре храма хранилась уникальная икона – написанный на сукне образ Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Несмотря на то, что на период жизни графа в усадьбе «Ивановское» пришлось 17 лет его отставки - с 1831 г. по 1848 г., жизнь Закревского протекала насыщенно и подчинялась строгому распорядку. Он ежедневно вставал в 6 утра, занимался своими имениями, вел активную переписку. Находясь в отставке, Закревский не переставал думать о ситуации в России. В переписке с друзьями часто звучали темы о проблемах русской жизни. Будучи личностью государственного масштаба, Закревский не мог оставаться в стороне от судьбы страны.

Виновником нового виража судьбы графа Закревского стал граф Карл Васильевич Несельроде, чей сын – Дмитрий Карлович в 1847 году женился на дочери Арсения Андреевича – Лидии Закревской. По его протекции Николай I в мае 1848 года принимает решение вернуть Закревского к государственной деятельности и назначает его на пост московского военного генерал-губернатора.

Уважаемые участники конференции! В русском языке слово «хозяин» имеет очень емкое значение. А.А.Закревский, несомненно, был настоящим хозяином своих многочисленных имений, «хозяином» Москвы, но не хозяином своей судьбы, ставшей чередой карьерных взлетов и падений.

Библиография

1. Бахрушин Ю. Воспоминания. М., 1994 г.;
2. Граф А.А.Закревский. Подольск, ФМПО, 2012г.
3. Друцкой-Соколинский Д. Из моих воспоминаний. О графе А. А. Закревском. Рус. арх. - 1901.-ч. 1;
4. Лазарев Р. Журнал « Подолье» №№2-3(11-12) 2011г.
5. Мясникова О. У истоков театральных традиций усадьбы Ивановское, рукопись, 1995;
6. Путешествуем по усадьбам Подолья. Культурологический маршрут: Ивановское- Поливаново –Дубровицы –Ивановское, Подольск, ФМПО, 2009г.
7. Уколовы Е.и В. «Владельцы, гости и театральная жизнь усадьбы Ивановское».«Русская усадьба», вып.15(31), М., 2009;
8. А.Ярцев. «Ивановское». К 225-летию Подольска, П.,2008г.;
9. М.Морозова. Материалы исследований по усадьбе «Ивановское», 2010-2013г.

Ренато Ризалити

*профессор Флорентийского университета,
член Ассоциации славистов Италии
Италия, г.Пистойя*

ГРАФ А.А.ЗАКРЕВСКИЙ СО СВОЕЙ СЕМЬЕЙ ВО ФЛОРЕНЦИИ И ТОСКАНЕ

Я хотел бы начать мой доклад с цитирования отрывка из Путевых воспоминаний о Тоскане княгини Зинаиды Александровны Волконской, написанных в 1829 году:

12-го июня

«Вся Тоскана есть улыбка, все там отвечает взору нашему: мы довольны, мы счастливы. Берега Арно угощают жителей золотыми колосьями, черным виноградом и тучными оливолами. Так на Горациевых пирах столы гнулись под богатыми дарами садов и душистые цветы венчали чаши пенистого Фалерна. Вся Тоскана - Вергилиева эклога. Веселые поселянки, черноглазые, в красивом убранстве, плетут легкие шляпы из соломы, которые им самим служат убором или отправляются в дальние города стран заальпийских...» (1).

Так писала русская аристократка, для которой Италия стала второй родиной. Этот хвалебный пеан отчасти помогает нам понять, почему Закревские и Друцкие-Соколинские оказались именно в Тоскане.

Мы говорим о вопросе, над которым по-разному, но в достаточно сходной манере уже работали по-отдельности два наших коллеги. Гамэр Баутдинов рассмотрел эту тему, основываясь на данных в большей степени из русских источников и печати (2). Лишь в некоторых случаях он воспользовался несколькими свидетельствами, полученными непосредственно в Монтемурло.

Профессор Феличита Аудизио использовала в своей работе в основном итальянские литературные и иконографические источники, аккуратно и кропотливо ею собранные (3).

Является очевидным отсутствие документальных свидетельств, оставленных непосредственными участниками событий, в особенности материалов, которые могли бы рассказать о жизни между Флоренцией и Монтемурло, о различных увлечениях и заботах, круге общения, а также об изменениях, происходивших в их жизни под влиянием как русской, так и итальянской среды. Рассмотрение данного аспекта я и поставил своей задачей.

В сравнении с исследованиями, уже проведенными двумя коллегами и друзьями, мне удалось достичь некоторых успехов в более глубоком изучении вопроса, однако не приходится говорить о решительном прогрессе, ибо он невозможен до тех пор, пока не будут найдены мемуары или письма непосредственных участников событий, способные пролить свет на моменты их жизни, проведенные между Флоренцией и Монтемурло.

На данный момент подобные документы не были найдены: возможно, они никогда не существовали или же, если существовали, были перевезены в Россию, а затем были уничтожены или утеряны в ходе страшных событий XX века, происходивших в России (а также Италии).

Тем не менее, мне все же удалось обнаружить несколько новых документов, относящихся напрямую или косвенно к рассматриваемому вопросу.

Прежде всего, это депеша папского дипломатического представителя в Тоскане, высказывающего свои подозрения в том, что графиня Нессельроде (оставаясь официально замужем за сыном влиятельного министра при дворе Николая I) втайне набирает добровольцев для Гарибальди. Стоит напомнить, что экспедиция войска Гарибальди под командованием Никотеры, в отряде которого был и Л.И. Мечников (географ, историк, социолог, публицист, принимавший активное участие в жизни русской эмиграции в Италии, участник итальянского движения за национальное объединение в 1860-х г.– ред.) отправлялась из Тосканы (4).

Относительно итальянских и иностранных покровителей известно немного. В случае, если это правда, то это могло бы считаться важным доводом в пользу тезиса, выдвинутого десятилетиями назад Джузеппе Берти (5) о тайной заинтересованности России в объединении Италии как ответа России на коварную позицию Австрии во время Крымской войны. Создание объединенной Италии ограничило бы аппетиты Франции в Средиземноморском регионе после завоевания Алжира, а также планы Австрии относительно Балкан.

Бывшая графиня Нессельроде, Лидия Закревская, вероятно, была одной из множества фигур на большой арене, которые, как в эпоху девятнадцатого века, так и в наши дни, играют свою роль, сталкивая англосаксонские державы (и отчасти западноевропейские) с великой славянской мощью, Россией, как тогда и сейчас, в различных частях мира, в том числе Средиземноморье. Прощение царя, которое отец, генерал Закревский в конце концов получил, может быть связано с какой-либо услугой, оказанной им государству ранее. Мы придерживаемся мнения, что между генералом и его дочерью существовала некая, даже политическая связь.

Вследствие этого, по нашему мнению, заслуживает внимания и более глубокого исследования тема, затрагивающая проблему отношений между двумя русскими семьями – Закревскими и Друцкими-Соколинскими, находившимися в Италии, в Тоскане и, в частности, между Флоренцией и Монтемулло.

Зададимся вопросом, почему же именно в этих местах, а никаких других в Италии или других странах. На наш взгляд, тому есть множество причин, и мы постараемся прояснить эту точку зрения. Прежде всего, это климат, и не только как географическое определение, но и как политическая и культурная среда.

Известно, что живописные склоны, покрытые виноградниками и оливковыми рощами, украшенные кипарисами и разбросанными тут и там домиками, всегда находящимися под лучами солнца, - можно найти только у нас, в Тоскане. Но, полагаю, следует учитывать также и экономико-социальный, и политический аспекты.

Мы говорим о 1859-60 годах - поворотном моменте в судьбе, как для Италии, так и для России. В Италии это период зарождения объединенного, независимого государства. Это месяцы, в которые происходит присоединение государств центральной Италии к Сардинскому королевству, и год, в котором Гарибальди благодаря своей дерзкой и успешной военной экспедиции с отрядом из тысячи добровольцев низвергает власть Бурбонов, за тем следует кампания Кавура по освобождению Умбрии и Марке от папских солдат.

В феврале 1861 года парламент провозглашает Виктора Эммануила королем Италии.

Итак, именно в это время Друцкие-Соколинские переезжают сначала во Флоренцию, а затем в 1863 году поселяются в Монтемулло, на вилле Дюпуй в Гальчето. Моя коллега Феличита Аудицио уже осветила тот факт, что довольно быстро был заключен контракт купли-продажи с бельгийскими владельцами, занимавшими виллу.

Странным, однако, является то, что священник прихода Монтемулло запоздал с записью о переходе собственности новым владельцам из России и отразил пребывание русской семьи лишь в 1864 году в подушной переписи.

В последующие годы будет задокументирован переход ещё двух владений в местности Гальчето к новым русским владельцам, Друцким. Первое ранее принадлежало церкви Дель-Кармине во Флоренции (6).

Возможно, данное приобретение было совершено вследствие законов 1864 года о передаче церковной собственности, осуществляемой итальянским правительством в якобинской манере. Затем, в начале семидесятых годов была совершена покупка еще одной виллы, там же в Гальчето.

Это служит доказательством того, что и после смерти генерала Закревского семья предпочитала оставаться в данной местности.

Причина, как нам думается, довольно проста. Пребывание в течение нескольких месяцев в году во Флоренции (преимущественно зимой), а затем, летом, в загородной резиденции, в сельской местности, чем был тогда в большей степени, чем сегодня, Гальчето, напоминало во многом типичный ход жизни русской аристократии в родной стране. И, кроме того, проживание в условиях существовавшего в то время в итальянской сельской местности сельского хозяйства с многочисленными полуфеодальными обычаями весьма походило на жизнь в русской деревне с ее традиционными отношениями между собственниками и крестьянами, между городом и деревней (7).

Поселение Друцких-Соколинских в Монтемурло, то есть в тосканской деревне, неслучайно. Во второй половине девятнадцатого века тому много примеров. Если бы мы посмотрели план области, то увидели бы, что на каждые 5-10 км тосканской сельской местности приходится одна семья русских аристократов: Демидовы в Пратолино (после того, как окрестности Флоренции превратились в город), Друцкие-Соколинские в Монтемурло, баронесса Тизенхаузен в Вальдибране (Пистойя), Василевские (Кутильяно) и так далее. И здесь необходимо вернуться к рассмотрению общего положения дел в Тоскане и Италии в тот особый в истории страны момент.

Это было время широкого распространения идеи национального движения, которое через несколько лет привело к объединению Италии. Это явление притягивало внимание самых просвещенных умов Европы. Италия, еще разделенная на несколько государств, привлекала происходящими в ней процессами. Среди стран, наиболее предрасположенных к Италии, была Россия. Из главных деятелей периода Рисорджименто наиболее интересовал русских Гарибальди. И Гарибальди, после заключения Виллафранкского мира, был временно назначен главой тосканского войска (8). С этого момента постепенно в различных городах Тосканы в пользу отважного генерала Гарибальди происходит «подписка на тысячу ружей» (9).

В это же смутное время во Флоренцию приезжает Лев Толстой, великий литературный гений русского народа. Ему не понравились главные города Италии, за исключением Флоренции. Да, именно Флоренции. Почему же Флоренция стала исключением? Несомненно, на первом плане историко-культурные причины, по которым и по сей день город пользуется большим, даже по сравнению с Римом, интересом у русских (10).

Возможно, за этим интересом скрываются также и другие причины. Не стоит забывать, что во Флоренции Лев Толстой может встретиться с родственницей – двоюродной теткой Аграфеной Закревской, урожденной Толстой. Нам точно неизвестно, где и когда это произошло, однако известно, что во Флоренции писатель встречается на одном обеде с князем Н. А. Долгоруким, князем С. Волконским и одним из братьев Поджио, вернувшимся из Сибири и оставшимся затем во Флоренции (11). Поэтому нельзя исключить возможности того, что эта встреча могла способствовать контактам между Друцкими-Соколинскими и Л.Мечниковым.

Особенность их семейного положения – оба жертвы юридических условностей того времени в области брачного права - сближала их. Впоследствии, события так называемого «голубого салона», организованного Бакуниным в период его пребывания во Флоренции, станут еще одним звеном, связующим, или могущим связать, супругов Друцких-Соколинских с русскими революционерами, находящимися в новой столице единой Италии (12).

В реконструкции ситуации с нахождением русских во Флоренции в период с шестидесятых по восьмидесятые годы, уже осуществленной нами несколько лет назад, мы достигли некоторого прогресса, не считая только что упомянутых фактов об увеличении числа земельных владений семьи Друцких-Соколинских в Монтемурло.

В 1864 году в периодическом издании «La chiacchiera» («Ла Кьяккера»)- досл.перевод разговор, сплетни (13) указывалось на тот факт, что сельский священник недоволен присутствием в его приходе русской семьи, «еретической», как католическая церковь того времени определяла православных. Можно представить, сколько слухов распространялось среди крестьян о господах, исповедовавших другую веру. Но сложно даже вообразить количество пересудов, которые пошли бы в случае, если бы сельский люд узнал о том, что брак господ не был признан даже «еретической» православной церковью!

Русские супруги по прибытии во Флоренцию устанавливают контакты с двумя культурными центрами, имевшими в те дни серьезное влияние, возможно более сильное, нежели сегодня.

Действительно, в книге подписчиков-иностранцев библиотеки «Кабинет Вьесе» находим от 27 дня месяца марта имена Друцких – Дмитрия и Лидии (14).

Следует задаться вопросом, что это может означать, учитывая, что в качестве места проживания ими была указана гостиница «Арно». Во-первых, это говорит о том, что Друцкие желают быть в курсе событий, происходящих в мире и в России, и только в библиотеке «Кабинет Вьесе» могут найти книги, журналы и газеты на русском и других языках, которыми владеют - например, французском.

Данное обстоятельство может указывать на самые различные, в том числе противоречащие моменты. В любом случае, эта подробность довольно ясно демонстрирует, что в то особое с точки зрения политики время их интересы были направлены также и на развитие итальянской и европейской политики, и, возможно, может являться непрямым подтверждением того, что Лидия тайно вербовала добровольцев для Гарибальди.

Не будем забывать, что в Пистойе, относящейся к той же епархии, что и Монтемурло, подписавшихся в поддержку генерала Гарибальди было более 8200 человек, среди них были и богатые собственники, и монастыри, и даже соборные священники.

Факт посещения Друцкими «Кабинета Вьесе» позволяет нам, во-вторых, узнать точный адрес пребывания русской пары – в гостинице «Арно» - до покупки дома во Флоренции на улице Виа дей Банки, 4, в палаццо Мондрагоне (15), как указывает в своем докладе коллега Аудицио.

В-третьих, широко посещаемая библиотека становилась местом встреч самых разных людей, в том числе персон, находящихся под полицейским надзором (и госпожа Лидия легко могла знакомиться и направлять гарибальдийских добровольцев русского происхождения и не только). Возможно, именно здесь Лидия знакомится со Львом Мечниковым, поскольку в журнале регистрации читателей от 22 апреля 1861 года вписаны его имя и адрес – улица Виа Палестро, дом 3503 (Флоренция). Это дата, следующая за 1860 годом, однако не исключающая возможности их встречи (16).

В-четвертых, посещение Друцкими литературного Кабинета позволяет нам сделать заключение о весьма разносторонних интересах супругов и объясняет, почему их дети посещали в университете Болоньи лекции Джозуэ Кардуччи, пламенного патриота, известного также благодаря произведению «Гимн Сагане». Кардуччи в то время воспринимался богобоязненными людьми как разбушевавшийся бес.

На момент записи в библиотеку «Кабинет Вьесе» княжеская пара совершает еще один значительный шаг: в 1861 году вступает в Кружок знати. Однако, на этот раз запись в Кружок носит временный характер (17).

В печатных документах Кружка знати отсутствует запись, относящаяся к 1862 году, но имеются записи с именем князя за 1863 год, затем его имя не значится. Эта непоследовательность, однако, объясняется весьма просто. Отсутствие записи за 1862 год оправдано тем обстоятельством, что Лидия ждала еще одного ребенка.

Учитывая также, что их дочери-первенцу было чуть больше года, можно сделать вывод, что супруг должен был помогать молодой маме в уходе за первым ребенком и подготовлениях к появлению второго.

В последующие годы отсутствие записи наблюдается только в печатном реестре, но не в актах.

Приведенные записи – отсутствующие и присутствующие – могут интерпретироваться по-разному. В то же время является установленным фактом наличие на той же странице реестра Кружка также подписи князя Долгорукого, который неслучайно, как мы уже сказали, в том же 1860 году встречается во Флоренции со Львом Толстым (племянником Аграфены, матери Лидии) и А. Поджио (18).

Таким образом, существуют многочисленные основания склоняться к гипотезе о возможности этих, на первый взгляд, невозможных встреч русских аристократов именно во Флоренции.

Однако коллега Феличита Аудизио, основываясь на данных этих печатных документов, пришла к заключениям, о которых следует здесь упомянуть. Обращаясь к теме «Русские во Флоренции» нельзя не сказать, в первую очередь, о присутствии, почти постоянном, Демидова, хотя и с перерывом в шестидесятых годах.

Несомненно, Друцкие, как справедливо утверждает Феличита Аудизио, не могли не иметь контактов с Демидовыми, хотя бы и нерегулярных. Возможно, не с Анатолием, потому что после 1859 года, будучи крупно скомпрометирован историей с семьей Лорена, тот предпочел жить, до самой своей смерти, в эмиграции, в Париже. Естественно, отношения устанавливаются с Павлом Павловичем, бывшим городским головою Киева, сразу же проявившим щедрость в своих дарах городу Флоренции. Таким образом, именно Аграфена Закревская и ее близкие устанавливали эти отношения (19). Тем временем, Аграфена, начиная с 1864 года, входит в теснейший контакт с эрцгерцогиней Марией, поселившейся на вилле в местечке Кастелло. По какой причине и с какими намерениями – этого так никогда и не удалось выяснить из имеющихся документов ввиду недостаточного ознакомления с последними и недостаточных исследований жизни знатной российской семьи в период конца девятнадцатого и начала девятнадцатого веков.

Но эти последние факты выходят за границы временного периода, который, как считается, относится к более или менее постоянному нахождению генерала Закревского во Флоренции, в Монтемулло, до его кончины в 1865 году.

В настоящем докладе мы попытались преодолеть антиномию, которая возникла у двух русских рецензентов нашей работы о Друцких, прежде всего в анализе, произведенном Гамэром Баутдиновым, и состоящую в противоречии между свидетельствами, оставленными русскими демократами, и результатами деятельности генерала Закревского (20).

Противоречивость образа генерала, однако, преодолевается, если не благодаря ему самому, то стараниями родственников с его молчаливого согласия, именно здесь, в Италии, меж Флоренцией и Монтемулло.

Примечания:

1. Ettore LO GATTO, *Russi in Italia*, - Roma: изд. Riuniti, 1971, - с. 94.
2. Г. А. БАУТДИНОВ, *Закревские: от блеска царского двора до вечного покоя в Тоскане. Италия и русская культура*, ч. 2, - Москва: 2000, - с. 38-60; См. *I Drutskoj in Italija dal 1860 al 1840* (a cura di Felicita Audisio), - Firenze: Le Lettere, 2009
3. Там же, - с. 39-103.
4. L.I. МЕЃНИКОВ, *Memorie di un garibaldino russo* (под ред. R. Risaliti), - Moncalieri: Cirvi, 2011. Antonella Battaglia, *Italian Risorgimento and the European Volunteers in «Academic journal of Interdisciplinary Studies» vol.2.n1, 2013, pag.94.*
5. Полагаю, что в Архиве Министерства иностранных дел России находятся еще не исследованные документы, которые могли бы помочь нам в поиске решения рассматриваемого нами вопроса. Один документ, уже опубликованный, подтверждает нашу гипотезу и касается тайного соглашения, заключенного 3 марта 1859 года в Париже между князем Киселевым и Василевским. См. *Объединение Италии в оценке русских современников*, - Москва: 1961, - с. 59-60.
6. Епископский архив Пистойи, Пьеве-ди-Монтемурло, Подушная перепись, годы 1860-1870 и позднее.
7. Maria Luisa DODERO, *Il mondo delle usad'by: cultura e natura nelle dimore nobiliari russe, 18-19 sec.* (a cura di M.L. Dodero), - Milano: изд. Coffee House, 2007. См. *I Drutskoj in Italia dal 1860 al 1940* (a cura di Felicita Audisio), - Firenze: изд. Le Lettere, 2009, - с. 61.
8. Gustavo SACERDOTE, *La vita di Giuseppe Garibaldi*, - Milano: Rizzoli e C., 1933, - с. 574.
9. L.I. МЕЃНИКОВ, *Memorie di un garibaldino russo*, указ.выше, - с. 321-375.
10. Р. РИЗАЛИТИ, *Русские путешественники во Флоренции в России и Италии*, - Москва, 1996, - с. 147.
11. Franco VENTURI, *Il moto decabrista e i fratelli Poggio*, Einaudi, 1956; См. А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР, *Вблизи Толстого*, - Москва, изд. ГИХЛ, 1960, - с. 141. См. Г. БАУТДИНОВ, *Il generale russo Arsenij Zakrevskij e la sua famiglia dalla corte imperiale alla dimora di Montemurlo* в «Prato Storia e Arte», giugno 1995. №. 86. p. 31.
12. E.H. CARR, *Bakunin*, - Milano: Mondadori, 1977, p. 290 sgg.
13. «La Chiacchiera» anno V. №. 58, 14.5.1864. См. G. NERUCCI, *Corrispondenza politico religiosa. Polemica del tempo che fu*, - Pistoia: Gli Ori, 2006, - с. 110.
14. Научно-литературный Кабинет Вьесе, *Журнал регистрации читателей Кабинета Вьесе*, свод записей за 1820-1926 года, том 05, декабрь 1855 – ноябрь 1862
15. *I Drutskoj in Italia*, указ.выше, - с. 58.
16. *Circolo dell'Unione di Firenze 1852-2002*, - Firenze: Le Lettere, 2002, - с. 240.
17. Научно-литературный Кабинет Вьесе, *Журнал регистрации читателей*. Мечников записывается 22 апреля 1861 года на 15 дней.
18. G. BAUTDINOV, *Gli italiani in Russia*, - Milano: Teti, 1986, - с. 91; См. F. VENTURI, *Il moto decabrista*, указ.выше, - с. 163-164.
19. *I Drutskoj in Italia*, указ.выше, - с. 78.
20. См. Рецензия А. КРАСНОВСКОЙ, М.И. АРЗАКЯН, *Вопросы истории*. 2010. № 3. С. 170-171.

Феличита Аудизио

Профессор Флорентийского университета, со-автор историко-документального исследования «Друцкие в Италии: 1860-1940», Италия, г.Прато

СУДЬБА ПОТОМКОВ ГРАФА А. А. ЗАКРЕВСКОГО

Хроника русской Флоренции середины девятнадцатого века обогатилась еще одной, новой и ранее неопубликованной историей – историей двух знатных семей – Закревских и Друцких-Соколинских, которые, по причине одного семейного события, были вынуждены покинуть родину и перебраться в Италию, избрав местом своего жительства Тоскану и Монтемурло.

Скандал, возникший из-за любовной связи в Париже между Лидией Арсеньевной Закревской (1826-1884) и Александром Дюма-сыном и известный также по опубликованному писателем роману «Дама с жемчугами» (1853), был подогрет бракосочетанием Лидии с князем Дмитрием Владимировичем Друцким-Соколинским (1832-1906) в 1859 году, в то время, как не был еще расторгнут Святым Синодом ее предыдущий брак с сыном министра иностранных дел Карла Вильгельмовича Нессельроде, и положил конец блестящей военно-политической карьере отца – генерала, графа Арсения Андреевича Закревского (1783-1865), министра внутренних дел Российской Империи, губернатора Финляндии и Москвы.

После долгого путешествия по Европе молодые супруги обосновались во Флоренции. Негативные последствия их семейной истории – признание брака незаконным по решению Священного Синода русской церкви и конфискация имущества Закревских по указу царя – побудили князя Друцкого немедленно позаботиться о приобретении недвижимости в Тоскане. Во Флоренции им был куплен (в 1862 году) дворец Мондрагоне; в 1863 году – имение Гальчето в Монтемурло с уединенной сельской виллой для проживания в летний период; в 1865 году – еще один дом во Флоренции по адресу Виа Санта-Репарата, 57.

У Лидии и Дмитрия было двое детей: Маня (1859-1940) и Арсений (1862-1912). Об Арсении мы располагаем лишь небольшим количеством биографических сведений: еще ребенком он был отправлен в Россию для обучения; в 1912 году он скончался в селе Муратовка Пензенской области. От второго брака Арсения с княжной Ольгой Голицыной родились две дочери: Мария Арсеньевна (1911) и Ольга Арсеньевна (1912). Спасаясь от революции, они прожили с матерью некоторое время в Берлине, а затем окончательно поселились во Франции. О Мане, воспитанной в Италии и прожившей там до самой кончины, мы еще поговорим. История двух семей – Закревских и Друцких - разворачивалась преимущественно в Тоскане, переплетаясь с историями многих других семей благодаря родственным связям, образовавшимся через новые браки, и новые знакомства. Параллельно протекала жизнь Катерины Друцкой (1838-1913), сестры Дмитрия, фигуры на первый взгляд незаметной, чье присутствие, однако, в жизни Друцких было постоянным и важным. После смерти Лидии в 1884 году Дмитрий вернется в Россию, будет реабилитирован царем и сможет вернуть все имущество Закревских. Он женился на Варваре Дмитриевне Замятиной, а в 1906 году умер в Пензе.

Событие, о котором больше всего можно получить информации из архивных источников, - это брак Мани с графом Джулио де'Гори-Паннилини (1849-1893), совершенный в 1881 году отцом Владимиром Левицким в капелле посольства на «новой» набережной реки Арно. Свидетелями со стороны невесты были капитан от кавалерии Императорской гвардии в отставке, искусствовед и историк раннего христианства Алексей Федорович фон Фрикен и полковник Императорской гвардии Николай Протасов, близкий родственник Дмитрия.

Оставшись вдовой, Маня повторно выходит замуж в 1898 году за капитана от кавалерии Гульельмо Кутури. Свадебный обряд был совершен в той же капелле при посольстве и тем же священником. Свидетелями со стороны жениха были: Карло Винчи и Уголино делла Герардеска. Последний имел, хотя и не напрямую, отношение к России. Речь идет об Уголино (род. в 1874), чья супруга Варвара Врангель, рожденная в России, приходилась родственницей барону Петру Николаевичу Врангелю, генералу, который в 1919 году реорганизует Белую армию в Крыму. Со стороны невесты свидетелями выступили Карло Фьораванти и Амедео Порро (род. в 1860 году в Одессе), помещик, сын Чезаре и Марии Паста, чей род обосновался в Испании с 1882 года. Семьи Порро и Паста, одни из богатейших собственников в Одессе, принадлежали к классу торговой буржуазии, которая в период с конца XVIII века по начало XIX века поселилась на Украине, занимаясь торговлей зерном.

Постоянным местом жительства Мани, прежде всего в период ее второго замужества, было Гальчето. Здесь же она принимала друзей и размещала приезжавших итальянских и русских родственников: например, Татьяну Друцкую с мужем Энрико Кутури. Эта пара, поженившись в 1914 году в Орле, переехала впоследствии в Италию. В Гальчето в 20-х годах гостили также и другие члены семьи Друцких, бежавшие от революции: губернатор Минска князь Владимир со всей своей семьей.

Маня до 1925 года сумела, хотя и не без трудностей, полностью сохранить доставшуюся от отца собственность. Затем, будучи в стесненных обстоятельствах, продала все имение Гальчето. После недолгого проживания на небольшой собственной вилле в доме номер 37 по улице Виа делла Роббья во Флоренции была вынуждена переселиться в съемную квартиру в бельэтаже палаццо Ридольфини Манчини, расположенного на близлежащей площади Пьяцца д'Адзелио, в доме номер 20, и прожила там до 1940 года, когда, спустя несколько месяцев после смерти супруга, скончалась в возрасте восьмидесяти лет.

Жизнь Мани была долгой. Несомненно, это была умная женщина, знавшая несколько языков, любившая живопись, музыку и литературу. Она посещала (возможно, лишь время от времени) со своей тетей Катериной лекции Кардуччи в университете Болоньи. «Княжна Маня» еще жива в памяти потомков крестьян Гальчето, работавших на Друцких, как высокая, красивая и приятная дама, щедрая и расположенная к детям, в том числе крестьянским - для них она часто устраивала праздники. В октябре она пробовала оливковое масло первого отжима. Любила сельскую местность. По ее заказу из России были привезены сосны и глиняные скульптуры, изображавшие фигуры в традиционной русской одежде и до сих пор украшающие сад. Иногда, по словам крестьян, от глаза которых странности не могли скрыться, она надевала разные по цвету чулки - один красный, другой - синий. Было ли это по моде того времени? Или же данью уважения к цветам родовых гербов?

Талалай Михаил Григорьевич

*кандидат исторических наук,
представитель Института всеобщей исто-
рии Российской академии наук в Италии
Италия, г.Милан*

ЦЕРКОВНЫЙ ПРОЕКТ ЗАКРЕВСКИХ В ТОСКАНЕ

Русские люди такого калибра, такой формации и судьбы как графы Закревские, их дочь и зять, обосновавшись в Италии, не могли не позаботиться о религиозном аспекте их новой жизни за границей.

Известно, что даже в своем особняке в Москве Закревские имели домовую церковь, да и в целом, во время своей государственной деятельности граф Арсений Андреевич много потрудился на церковной ниве. Даже при действии в ту эпоху официальной установки «Самодержавие – Православие - Народность» следует подчеркнуть его личное и деятельное благочестие: кроме разного рода церковных инициатив в России, в контексте нашей темы особенно стоит упомянуть его труды по сооружению исторической православной церкви во имя Пресвятой Троицы в Хельсинки: будучи генерал-губернатором лютеранской преимущественно Финляндии, он всячески помогал там сбору средств, сумев «привлечь» и казну; своими руками он заложил там (в 1825 г.) первый камень в фундамент будущего храма.

Можно с уверенностью предполагать, что вынужденный переезд на постоянное место жительства в католическую страну сопровождался у Закревских также и ностальгией по родному Православию. Вне сомнения, большинство русских в зарубежье действительно чувствовали православие «родной верой», глубоко связанной с их культурой и историей: ярко поведал об этом на страницах своих известных мемуаров граф М.Д. Бутурлин: «Живо помню, как все мы были глубоко тронуты, когда после трех лет почти слышали возглас: «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа» и прочее. Глаза у всех налились слезами».

В целом самыми первыми русскими храмами вообще, действовавшими на территории Апеннинского полуострова, стали именно домовые церкви русских аристократов княгини Е. Голицыной, в замужестве Терци (1817), графа Д. Бутурлина (1818) и Н. Демидова (1823). Уже позднее, после частных инициатив, появились храмы государственные, посольские.

В начале 1860-х гг., к моменту покупки имения Гальчето, в состав которого входила и часовня-ораторий св. Исидора, во Флоренции посольской церкви еще не было. Единственным постоянно действующим, со священниками и причтом был храм св. Николая Чудотворца в имении Демидовых в Сан-Дonato, имевший полугосударственный характер. Но по понятным причинам Закревские посещать эту усадебную церковь не желали.

Весьма вероятно, что речь об устройстве при усадьбе в Гальчето православной церкви велась еще при жизни графа Арсения, однако его неожиданная смерть ускорила эту инициативу: уже через несколько месяцев в Святейший Синод поступает ходатайство из Гальчето – за подписью князя Дмитрия Друцкого, но при явном участии графини Аграфены Закревской – о разрешении на устройство православного храма.

Следует сказать, что прежде появлению каждой новой русской церкви за рубежом предшествовали внимательное и взвешенное рассмотрение инициативы двумя основными ведомствами – МИДом и Синодом. На получение разрешения влияли разные факторы – личность желавшего иметь домовый храм, лояльность, причины постоянного проживания за границей (что в принципе не поощрялось), материальный достаток и возможность содержать храм. Только после соответствующего разрешения из Петербурга, новый храм получал антиминос, клировые ведомости и другие атрибуты, позволявшие ему действовать (русское беженство после 1917 г. в корне изменило эту практику). При этом разрешение давалось отнюдь не всегда.

Лет двадцать тому назад, при работе в Российском Государственном историческом архиве Синодальный фонд, № 797, в руки мне попало одно необыкновенное досье. Суть его состояла в следующем: россиянин, титулованный и богатый, владелец итальянского имения Гальчето, князь Дмитрий Владимирович Друцкой-Соколинский пожелал поставить там за свой счет православную церковь. Однако в столь благочестивой просьбе ему было отказано...

Князь писал в октябре 1866 году, что живет в Италии, близ Флоренции «вынужденный обстоятельствами» – какими именно, не объяснял. В состав купленного им имения входила и родовая капелла прежних владельцев – ей князь намеривался придать, как он писал, «вид византийского храма». Всю утварь и иконостас обещала ему передать в Гальчето из своей домово́й церкви в Москве, его теща – графиня Аграфена Закревская, также жившая теперь с зятем, князем Дмитрием, в Тоскане. Для вящей убедительности князь Друцкой-Соколинский сообщал, что его капелла по сути дела уже стала православной, так как в ее крипте был недавно погребен его тесть граф Арсений Закревский и над его могилой уже шли православные панихиды.

И вот на таком благочестивом письме стояло кратко и небрежно: «Оставить просьбу без последствий»...

Причина отказа была изложена в сопроводительной записке чиновника Синода, курировавшего эти документы. Канцелярским стилем он излагал вещи, вероятно, хорошо известные тогда в высших слоях России – те самые «обстоятельства», которые «вынудили» автора письма покинуть родину. Сообщалось, что князь Друцкой-Соколинский в 1859 г. был повенчан на графине Лидии Арсеньевне Ниссельроде, урожденной Закревской, при жизни ее мужа. 21 декабря 1859 г. Синод признал брак недействительным, распорядившись подвергнуть графиню церковной епитимье на семь лет. Отец Лидии, граф Арсений в 1861 г. обратился через Синод к императору Александру II с просьбой признать развод и новый брак, но монарх отказал.

Надо сказать, что в этой записке история с двоемужеством Лидии была изложена весьма кратко, как и положено, однако тот же Синодальный архив № 797 хранит и основное о нем дело – уже самостоятельное, не связанное с тосканской церковной инициативой. Выписки из этого досье сделал петербургская исследовательница, которая любезно ими поделилась – пока они нигде не опубликованы. История эта имеет важнейшее значение не только в нашей теме, но и в судьбе графа Закревского, поэтому позволю себе ряд деталей.

Синодальное дело имеет почти 100 листов.

С апреля 1859 г. между Обер-прокурором Св. Синода и епархиальным начальством Рязанской губернии началась длительная переписка о незаконном венчании в селе Шишкине Скопинского уезда Рязанской губернии, Лидии Ниссельроде и князя Друцкого-Соколинского, сведения о чем дошли до императора.

Началось расследование, были допрошены пономарь и священник, совершившие обряд венчания, о том, какие документы были предоставлены. Выяснилось, что от Лидии было предъявлено удостоверение от ее отца, которым тот позволял ей вступить во второй брак, именуя ее «бывшей женой гр. Нессельроде». Священник Шишкин, из его объяснения, счел Лидию вдовой, не видя препятствий к новому браку. Поручители - надворный советник Троицкий и помещик Медведев на словах уверили священника, что граф Нессельроде умер в ином государстве и документа об этом выправить невозможно.

О расследовании в январе 1860 года было доложено императору.

Синод постановил второй брак признать недействительным, графиню Нессельроде предать епитимии на 7 лет, священника Шишкина низвели в причетники бессрочно (в обществе ходили слухи, что за венчание он получил крупное пожертвование), пономаря послали на 3 месяца в монастырь. Графу Закревскому грозило даже уголовное наказание, но император в марте 1860 г. «принимая в уважение заслуги генерал-адъютанта А. Закревского, повелел оставить дело относительно него без последствий».

Новая чета, вне сомнения, надеялась на преодоление своего униженного состояния и продолжала действовать: в итоге в феврале 1860 г. Нессельроде разрешили обратиться в Синод о расторжении брака, и через полгода брак был расторгнут.

Еще через полгода в Синод поступает новый текст: в мае 1861 г. в Москве Закревский пишет ходатайство - большую объяснительную записку о судьбе его единственной любимой дочери, о том, что она была несчастна в первом браке и что только для ее счастья, он решил написать ей дозволение на вступление во второй брак. Сейчас дочь в изгнании и он, как отец, просит о прощении и о разрешении ей вернуться.

В июле 1861г. дело было вновь рассмотрено в Синоде. Обер-прокурор Синода дважды докладывал императору о ходатайстве графа, но просьба опального сановника не была удовлетворена...

На этом дело заканчивается.

Как собственно закончилось дело о несостоявшейся постройке православной церкви «византийского вида».

При этом суровость Александра II, как мне кажется, могла объясняться и тем, что именно в тот момент начались трудные реформы и царь-освободитель, возможно, не желал укрепления позиций консервативного Закревского, имевшего репутацию «крепостника».

...Часовня-ораторий св. Исидор по сути обратилась в семейный склеп Закревских. Существовала устойчивая традиция перевозить прах россиян, в особенности, из аристократов, имевших родовые гнезда, на родину. Однако в Гальчето продолжала жить, «вынужденная обстоятельствами», семья графа и его прах остался в Тоскане.

В 1879 г. в часовне похоронили графиню Аграфену, в 1884 г. – княгиню Лидию. Тогдашний настоятель русской посольской церкви о. Владимир Левицкий, их отпевавший и служивший там панихиды, не переставал надеется, что одним русским храмом в Италии будет больше, но этого так не произошло. Тем не менее, в клировых ведомостях, отсылаемых в консисторию в Петербург, он аккуратно прописывал и ораторий в Гальчето – как «предполагаемый к обращению в православный храм».

В 1925 г. при продаже имения ораторий св. Исидора выкупил местный приход, Закревские были перезахоронены на коммунальном кладбище, а в здании была оборудована полноценная приходская церковь св. Марии Магдалины дей Пацци. Пусть ее обращение в православную и не состоялось, но, тем не менее, храм остается мемориалом «русской Италии».

Олейникова Валентина Петровна

*кандидат исторических наук,
член Ассоциации «Максим Горький»
Италия, г. Неаполь*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ XIX СТОЛЕТИЯ В ТОСКАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКРЕВСКИХ, БУТУРЛИНЫХ И ДР.)

Мое выступление посвящено проблеме изучения связей известных в русской истории дворянских родов с Тосканой (Бутурлиных, Закревских, Демидовых и др...). Рассматривается история постепенной ассимиляции и повседневной жизни семейств, связавших себя с центральной Италией. В докладе использованы материалы частных архивов (Италия, Россия).

В начале XXI века, с наступлением эпохи глобализации чрезвычайно вырос интерес к истории пребывания русских за границей. В историографии появились работы, посвященные непосредственно жизни наших соотечественников в Тоскане. Причем стало традицией, рассказывая о пребывании граждан Российской Империи в герцогстве Тоскана, делать акцент на жизни русских во Флоренции. Но «у ног» наших соотечественников лежала вся живописная Тоскана и сегодня памятники культуры, как Флоренции, так и Пизы, Сиены, Ливорно могли бы поведать нам больше о русских, любовавшихся на них, чем мемуары россиян об этих памятниках!¹ «Достопримечательности превра{щались} в зеркало, отражающее всякого, кто заглядывает»² в них.

Естественно, начинать повествование необходимо с тех времен, когда «заглядывающих в итальянские зеркала» были единицы. В архивах сохранились сведения о поисках архитектурного, политического и торгового сотрудничества... Одним из первых примеров данного процесса были инициативы по развитию главного порта государства – Ливорно: герцогство нуждалось в развитии морской торговли и экономики, поэтому коммерсантам, принадлежавшим к некаатолическим религиям, гарантировалась свобода культа, в том числе погребений. Организованное греческое кладбище в Ливорно и поныне остается единственным самостоятельным православным некрополем на итальянской территории. Учрежденное в 1778 г., оно пользовалось покровительством российских властей³.

1 Добужинский М. Воспоминания об Италии. 1920. Цит. по Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001. – С.22. «Сколько людей, сколько поколений, именно тут, в этом месте, где стою, глядели... на такие же закаты, на те же самые мосты, дома и Арно, очаровывались, как и я., тем же очарованием...

2 Шишкин М. Русская Швейцария. – М, 2006. – С.14.

3 На гравюре конца XVIII века, изображающей ливорнийское кладбище, начертано: «Sotto l'alta protezione di S.M. Paolo l'Imperatore di tutte le Russia» («Под высочайшим покровительством Е.И.В. Павла, Императора Всероссийского»).

История же создания колонии наших соотечественников в Тоскане связана с именами нескольких выдающихся семейств Российского государства. Самое почетное место среди них занимают Демидовы¹, ибо заслуги их признаны и в Италии. Первооткрывателем культурных богатств Тосканы был правнук основателя династии заводчиков – Николай Никитич, вступивший в должность посланника России во Флоренции после «парижского периода». В 1810 г. баронесса Елизавета Строганова вслед за супругом переехала в столицу Тосканы, где они взяли в аренду палаццо и купили недвижимость в Сан-Николи². Следуя совету докторов «жить в месте равнинном и влажном», Н.Н. Демидов вскоре перебрался из Пизы во Флоренцию. За 4 года пребывания Николай Никитич превратил этот город в административную столицу своей финансовой империи, создав королевство Сан-Дonato³. Палаццо Серристоры, снимаемый им, представлял пеструю смесь публичного музея с обстановкой русского вельможи⁴.

Вообще, россияне за границей легко сходились с иностранцами, трансформируясь в «граждан мира», знакомых с европейскими языками и культурой. В Италии, к примеру, легко налаживали контакты с приезжими англичанами. Так, прибывшее в Тоскану «для поправки здоровья», семейство графа-эрудита Д.П. Бутурлина привезли с собой домашнего учителя Фрэнсиса Слоуна. Англичанин, благодаря минералогическим познаниям, стал виднейшей фигурой в Тоскане и семья Бутурлиных подружилось со многими уроженцами «туманного Альбиона». Это объяснялось еще и тем, что когда Бутурлины в конце 1817 г. добрались до Флоренции, они обнаружили, что русских здесь было не так уж и много⁵. Семья познакомилась с А.С. Небольсиной, с графинями Шуваловыми, семейством графа В.П. Кочубея, семьей Мальцевых и семейством поверенного при дворе герцога Тосканского генерала Н.Ф. Хитрово, женатого на дочери М.И. Кутузова.

Семья Хитрово, переехав во Флоренцию, поддерживала салонный образ жизни, центром которой была генеральша. Е.М. Хитрово была знакома со всей тосканской знатью, не исключая и самого герцога. Ее салон посещали такие европейские знаменитости, как Жермена де Сталь. Граф Ф.Г. Головкин писал о шумной жизни русского посольства: «Такой образ жизни лишен здравого смысла. По вторникам и субботам у них бывает весь город, и вечера заканчиваются балом или спектаклем. По поводу каждого придворного события устраивает{ся} праздник»⁶. Пиршества закончились обвинением графа в растрате казенных денег. От лишения статуса дипломата спасла распродажа имущества: «Генерал Хитрово переносит свое несчастье мужественно, ... все продает и расплачивается со своими кредиторами»⁷. Сохранив уважение общества, дипломат подорвал свое здоровье. После его кончины в 1819 г. Е.М. Хитрово еще некоторое время жила во Флоренции, но затем отправилась путешествовать.

---

1 Еще во второй половине XVIII в. внук основателя демидовских заводов, младший сын Акинфия Никитича Демидова стал не только главным продолжателем дела, но и одним из первых российских коллекционеров.

2 Комолова Н.П. Русские флорентийцы: меценатство и предпринимательство // Россия и Италия, Вып. 2. – М., 1996. – С. 67-89.

3 Archivio Demidoff (Fondo) F. 2308. Fasc.56; Tonini L. I Demidoff e in Firenze e in Toscana. – Firenze, 1988. В этот период начался разлад между супругами, приведший к возвращению Елизаветы Александровны в Париж, где она умерла в 1818 г.

4 Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. 1897. – Кн.1-2.

5 В это время во Флоренции получил признание О. Кипренский, избранный членом Флорентийской Академии художеств и удостоенный предложения первым из русских написать автопортрет для Уффици.

6 Головкин Ф.Г. Портреты, воспоминания и анекдоты. – М., 1912. – С.123.

7 Там же. – С. 124.

Во Флоренцию же «под конец ... лета 1818 г. прибыл преемник Хитрово – Сверчков, только что женившийся на очень зрелой Елене Дмитриевне Гурьевой – дочери министра финансов. ... У Е.Д. Сверчковой был великолепный контраalto»¹, что было немаловажно для продолжения организации салонной жизни русского «света».

В обучении детей продолжали отдавать предпочтение гуманитарным наукам – иностранным языкам, пению, обучению игре на классических инструментах, рисованию.

С 1819 г. русские стали еще чаще посещать Тоскану, что было вполне объяснимо не только с точки зрения культуры и курортологии, но и потому что Великое герцогство Тосканское всегда отличалось «просвещенной» веротерпимостью. Данная толерантность «при невероятной тогдашней дешевизне провизии и квартир во Флоренции привлекала туда иностранцев, да еще то редкое исключение, что не существовало никакого цензурного запрета иностранных журналов и книг»².

Кто принимал решение осесть навсегда, предпочитали приобретать имения в собственность, подобно Демидовым и Бутурлиным, ибо «бесчисленность вилл, окружающих и поныне Флоренцию, была предметом удивления еще в XVI в.»³. Одной из первых поселилась во Флоренции на собственной вилле Анна Ивановна Толстая, урожденная Барятинская. Об образе жизни княгини свидетельствует письмо ее дяди Ф.Г. Головкина, датированное ноябрем 1816 г.: «Когда я хочу отдохнуть... удаляюсь к Толстым. Они устроились на окраине Флоренции... в глубине роскошного сада... Графиня живет там со своим сыном. У них можно найти простой и вкусный стол, разумную беседу, и я могу там обедать каждый день... Княгиня Гагарина – близкая подруга... Толстой, их связывает католицизм. Они находятся во главе светских дам, отступивших от православной церкви...»⁴.

На вилле «Маргарита» близ Флоренции прошли последние годы княгини Марии Васильевны Воронцовой (1819-1895). После смерти князя Воронцова она вывезла большую часть сокровищ Алушкинского дворца на свою тосканскую виллу, превратив ее, по свидетельствам князя С. Волконского, в «сказочную»⁵.

Свою историю имеет русская колония в Ливорно. Во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) здесь базировался флот Российской Империи. Позднее здесь, в отличие от постоянного флорентийского общества, стали останавливаться те, кто снимал виллы только на лето: князь А.Г. Щербатов и др. Тяжелобольные ездили поклониться иконе Богородицы в монастыре Monte-Nero, посещали Луккские минеральные воды⁶, сделавшиеся фешенебельным летним центром аристократических туристов. Скончавшихся забирали хоронить на родину, но некоторых погребали в Ливорно. На православном кладбище, помимо графа Д. Бутурлина, захоронены лицейские друзья А.С. Пушкина – А. Корсаков и С. Ломоносов, русские дипломаты⁷, а так же муза В.А. Жуковского – знаменитая «Светлана». Будучи несчастлива в личной жизни, Александра Андреевна Протасова-Воейкова много болела и умерла от туберкулеза в Пизе в возрасте 32 лет. Поэт совершил путешествие по Италии спустя 3 года после ее смерти, посетив Ливорно 14 апреля 1833 г.

1 Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. – Кн. 2. – С. 610.

2 Там же. – С. 613.

3 Там же. – С. 628.

4 Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. - М., 2003. - С. 289. Это было начало «русского католического движения»: в 1817 г. во Флоренцию переехали Бутурлины, перешедшие в католичество всем семейством, через несколько лет развернула деятельность З.А. Волконская в Риме.

5 Волконский С.М. Мои воспоминания. Брюссель, 1923. – Т. 1. – С. 201-202.

6 Притяжение тех мест действовало и действует завораживающе на наших соотечественников – именно в Bagno Vignoni А.А. Тарковский снимал «Ностальгию».

7 Toskana. – Firenze, 2003. – P. 89.

С 1829 г. флорентийское некаатолическое кладбище также стало использоваться российской колонией. За время существования «английского» кладбища в 1829-1877 гг. тут было погребено 54 выходца из России... Иногда тут погребали и их слуг¹.

Надо отметить, что с течением времени многие русские дворяне ассимилировались с местными, и об их российской идентичности напоминала лишь русская прислуга² и посещение православных храмов. «Русский наш люд скоро свыкся с местными порядками и даже столом нимало не робел об отсутствии кислой капусты и соленых огурцов, зато весьма по нутру пришлось всеобщее употребление красного столового вина вместо квасу. Не прошло года, как все они болтали уже по-итальянски»³.

В середине XIX в. стал традицией переезд в Италию семейств, попадавших в немилость у светского общества Петербурга, причем не только по идейным причинам. Пример подала старшая дочь Николая I – Мария Николаевна. Граф Строганов – ее второй морганатический супруг – в семье не прижился. После смерти Николая I супружество было признано законным особым Актом, подписанным Александром II, но при этом продолжало оставаться тайным. Спасаясь от злоязычия большого света, чета стала часто выезжать в Италию, где и родились дети. В 1861 г. приобрели во Флоренции у А. Демидова виллу «Квартино». Сын их второй дочери, Евгении, в 1869 г. женился во Флоренции на Дарье Константиновне Опочининой – правнучке великого М.И. Кутузова.

К этому времени были созданы православные храмы двух типов: домовые – в поместьях Бутурлиных (1818) и Демидовых (1822), а также церковь дипломатической миссии в Палаццо Гвиччардини. Но не все «беглецы» получали «дозволение» на устройство домовых храмов. Князь Д.В. Друцкой-Соколинский, желавший открыть церковь в Гальчетто, получил отказ, ибо Синод не признавал семейную жизнь князя законной.

У этого отказа была длинная предистория, ибо женщины семейства Закревских много лет символизировали русский эпатаж в Европе в гендерном аспекте, о чем писали А.Моруа, В.Гюго, О.Бальзак.

Мать Лидии Закревской-Нессельроде, Аграфена Федоровна (1799–1879), урожденная Толстая была «женщина умная, бойкая и имевшая немало приключений»⁴. Уже через пять лет после свадьбы с генералом А.А.Закревским Аграфена Федоровна уехала за границу и в свете перестали ждать ее возвращения. Она стала первой русской, эпатировавшей своим гонором «светской львицы» консервативные нравы Флоренции. А.Я. Булгаков писал: «Желаю, чтобы неправда была, что говорят о Грушеньке; но дело бытовое: все станет от этой избалованной ветреницы. Некому ее унимать... И здесь так много о том же говорят, что я боюсь, чтобы не дошло до Арсения...»⁵. Известно, что во Флоренции Аграфена Федоровна закрутила бурный роман с принцем Л.Кобургским, будущим королем Бельгии и вернулась в Россию по настоянию мужа. В 1823 г. семья Закревских последовала в Финляндию. Через три года, 18 июля 1826 г., у них родилась единственная дочь Лидия, но рамки семейной жизни продолжали тяготить Аграфену Федоровну. Бурная в своих стремленьях, «как беззаконная комета в кругу рассчитанном светил»⁶, являлась она, по выражению А.С. Пушкина, в обществе «мимо всех условий света»⁷.

1 Foresto N. *L'urne de' forti, monumenti e iscrizioni sepolcrali*. – Firenze, 1997. – P. 12–17.

2 Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 2. – С. 633.

3 Там же. – С. 594.

4 Мещерский А.В. Из моей старины. Воспоминания // Русский Архив. Кн. 2. – М., 1901. – №6. С. 239–263.

5 Булгаковы. Переписка. – М., 2010. – Т. 2. – С. 345.

6 Пушкин А.С. Портрет // Собр. соч. А.С. Пушкина: в 10 т. – М., 1959. – Т. 2. – С. 45.

7 Там же.

Дочь, как и мать, стала символом вызывающего поведения, не желающей считаться с условностями высшего света в своем праве любить, точнее, предаваться своим страстям. В 1847 г. Лидия вышла замуж за графа Д.М. Нессельроде, а в апреле 1859 г. граф А.А. Закревский был уволен с должности генерал-губернатора Москвы из-за скандала, вспыхнувшего вокруг имени любимой дочери. В 1853(9) г. она вышла замуж за князя Д.В. Друцкого-Соколинского, не разведясь с первым мужем. Чета бежала за границу – сначала в Бельгию, потом в Англию, а затем в Италию и вынуждена была остаться в Тоскане¹. Поведение дочери сыграло неблагоприятную роль в карьере отца. После отставки Закревский с супругой в 1861 г.(?) уехал во Флоренцию, где провел остаток жизни в семье дочери, скончавшись в 1865 г.² Аграфена Федоровна к этому времени успокоилась, коллекционировала живопись и декоративно-прикладное искусство. Летом она жила в Ливорно³, а на зиму переезжала во Флоренцию, где умерла в 1879 г.⁴

В этот период русская колония в Тоскане пополнялась новыми именами. В ноябре 1868 г. переехали во Флоренцию и молодожены Достоевские, где «нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами»⁵. Остановились они на левом берегу Арно, в Casa Фабиани, что напротив палаццо Питти. Пребывание в этом доме было ознаменовано не только завершением романа «Идиот», но и, как свидетельствовала Анна Григорьевна, «... мы вскоре убедились, что... мы можем вновь надеяться иметь ребенка... мы каждый день ходили... в Giardino Boboli (сад, окружающий дворец Питти), где, несмотря на январь, цвели розы»⁶. Пребывание четы омрачалось недостатком дружеского общения: «Кругом все были чужие... и это полное отъединение от людей было подчас тяжело»⁷. Анна Григорьевна, научившись говорить по-итальянски, стала переводчиком при супруге, постоянно погруженном в творчество. Отсутствие времени для изучения итальянского, на наш взгляд, повлияло на формирование чувства изолированности писателя, наложив отпечаток на концовку «Идиота», негативно характеризующую мир русских европейцев: «Все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово»⁸.

В феврале 1878 г. Надежда фон Мекк предоставила П.И. Чайковскому свою виллу Бончини⁹. Через десять лет, в 1890 г. Чайковский вновь вернулся в Тоскану, но «не путешествовать, а писать»¹⁰ «Пиковую даму». В дневнике же композитора нашли отражение не только записи о ходе работы над оперой, но и пометки о вечерних прогулках и посещениях театров. Ежевечерние бдения Петра Ильича, судя по отчетности, напоминали времяпровождение простых смертных: «Шлялся по кофейням», «Как всегда шлялся и пьянствовал».

1 Крыкова И.В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке. URL: <http://Anali-culturolog.ru>. Друцкая-Закревская послужила прототипом героини романа А. Дюма «Дама с камелиями». Часть исследователей истории женского движения считают Дюма автором термина «феминизм».

2 Банников А.П., Сапожников С.А. Собиратели и хранители прекрасного. – М., 2007. – С.197. Предположительно в 1859-61 гг., выехала А.Ф., граф дважды посещал семью дочери во Флоренции в 1862 и 1864 гг. Погостив у них в 1864г. он отправился лечить ноги в Чехию, потом опять в том же 1864г. вернулся во Флоренцию и уже с этого момента остался в Италии навсегда.

3 Муханов В.А. Дневники // Русский архив. 1897. – С. 83.

4 Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989. – С. 326-456.

5 Достоевская А.Г. Воспоминания. – М., 1981. – С. 206.

6 Достоевская А.Г. Воспоминания. – М., 1981. – С. 206.

7 Достоевский Ф.М. Идиот. – М., 1955. – С. 661

8 Там же. – С. 206.

9 Чайковский М.И. Жизнь П.И. Чайковского. – Лейпциг, 1902. – Т.3. – С. 45-67. Во Флоренции был закончен «Евгений Онегин», созданы «Орлеанская дева» и «Итальянское каприччио».

10 Цит. по Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. - М. 2001. - С. 108

Вообще, по свидетельству С. Волконского, «одно время во Флоренции жило довольно много русских. В 1883 г. жизнь была очень веселая, беззаботная»¹.

В это же время, благодаря деятельности священника В. Левицкого, началось строительство первого официального церковного здания в Италии²... Таким образом, в духовном отношении, «Русская Флоренция» совершила значительную трансформацию: от поиска католических идеалов к возвращению в православное лоно.

Завершая наш экскурс, хотелось бы резюмировать, что Тоскана не могла не очаровывать россиян, ибо «русский, не привыкший среди своей бедной родной обстановки встречать такие чудеса, чувствует {вовал} себя увлеченным»³. Но все же несмотря на красоты Тосканы, не все из русских семей оставались там навсегда. Известно, что после смерти Лидии Друцкой-Соколинской (Закревской) ее супруг князь Дмитрий Владимирович Друцкой-Соколинский вернулся в Россию и поселился в Пензенской губернии. Туда же переехал и внук графа А.А.Закревского - Арсений.

Разнообразные впечатления русских от флорентийской жизни, в том числе и негативные, отразила мемуаристика. Но как бы ни жаловались русские «флорентийцы» на несносную скуку городской жизни, затяжные дожди с коварными комарами и пренебрежительное отношение местных жителей к памятникам своей старины, Флоренция всегда оставалась центром притяжения, ибо «...русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог»⁴.

---

1 Волконский С.М. Воспоминания. – М., 2004. – Т. 1. – С. 204.

2 Хотя, в самом конце XIX в., в 1889-1899 гг., во Флоренции открылась еще одна частная русская церковь – в доме Анны Новицкой, урожденной графини Адлерберг.

3 Гревс М. Очерки флорентийской культуры, 1903-1905. Цит. По Вялова С.О. К творческой биографии И.М. Гревса // Из истории рукописных и старопечатных собраний: Исследования. Обзоры. Публикации. – Л., 1979. – С. 125-141.

4 Достоевский Ф.М. Подросток//Собр. сочинений в 15 томах. - Л.,1990.,-Т. 8, - С. 377

Ванда Гасперович

*старший научный сотрудник Римского
университета ЛА САПЬЕНЦА, президент Центра
российской культуры в Риме,
Италия, г.Рим*

РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ В РИМЕ В XVIII -XIX ВВ. И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Самое старое кладбище у Пирамиды в Риме в разные периоды имело разные названия: сначала английское, потом протестантское, а иногда и «кладбище мастеров искусств».

Уже с конца XVIII века здесь имеют право быть похороненными представители всех вероисповеданий за исключением католиков. Некатолическое кладбище у Пирамиды в Риме относится к самым старым и интересным кладбищам в мире. Оно находится в районе Тестаччо у подножия Авентинского холма. А само слово «тестаччо» происходит от латинского слова *testae*, то есть черепков, которые выбрасывали после того, как в порту на берегу Тибра опустошали глиняные амфоры от вина и оливкового масла. Со временем так образовался восьмой, не исторический холм Рима. Регламенты католической церкви и власти Ватиканского государства (а Рим до 1870г. принадлежал Ватикану,) многие годы сопротивлялись тому, чтобы в Вечном городе Риме были захоронены, как они называли, «еретики», то есть люди другой веры: протестанты, православные и евреи. По этой причине их хоронили вне городских стен, рядом с площадью дель Пополо у т.наз. Муру Торто вместе с ворами и проститутками. Кстати, еще в XIX веке в архивных документах всех иностранцев из Англии, из Швеции, из Германии и из России называли просто «протестантами» или «схизматиками», тогда как итальянцев из других итальянских городов - иностранцами (*forestieri*). Римский район Тестаччо уже с начала XII века был свидетелем разных народных игр - соревнований свиней, быков и ослов (*giochi popolari*) и соревнований лошадей разных пород, так называемых, «аристократических игр» (*giochi aristocratici*). Нередко зрителями в аристократических играх были сами Папы и кардиналы. В 1256 году Тестаччо уже называли *Monte del Palio*.

В XVIII и XIX веках территорию эту называли «*I prati del popolo romano*», то есть «полями римского народа». Сюда со всего города прибывали римляне в своих народных костюмах, они веселились, танцевали, организовывали пикники. Это происходило обычно в октябрьские праздники, после уборки винограда. Все римляне знают, что означает «*ottobrate romane*», их празднуют осенью и теперь в Римских замках (*Castelli romani*). Что касается истории самого кладбища, то совершенно недавно выяснилось, что в 1716 году Папа Клемент XI выдал разрешение на захоронение на этой территории придворных семьи Стюартов, которая, как известно, нашла в Риме свое убежище. Год спустя здесь был захоронен некий доктор Артур (*Arthur*). В 1720 и 1723 годах свой последний упокой здесь нашли еще 4 англичанина. Итого, с 1716 и до 1822 года на кладбище было уже захоронено около 90 человек. Это были преимущественно граждане Англии, Шотландии и Северной Америки.

В 1738 году здесь был захоронен 25-летний студент из Оксфорда -Лангтон. Его останки с фамилией на медной табличке были найдены только лишь в 1928 году в ходе раскопок рядом с Пирамидой Цестия.

Необходимо рассказать о самой Пирамиде. Она была построена претором и трибуном Каем Цестием (Caio Cestio) в 12 г. д.н.э. для семейного склепа. Уже впоследствии, в первой половине III века, в период правления императора Аврелия была построена городская стена города Рима, а сама Пирамида оказалась в нее включенной. Рядом с Пирамидой находятся ворота Св.Павла и древняя консульская дорога Остиенсе. В 1803 году на кладбище захоронили Вильгельма (Guglielmo) фон Гумбольда, сына посланника Пруссии при Святейшем Престоле. Дипломат закупил здесь несколько квадратных метров земли для всей своей семьи.

В начале XIX века вся территория кладбища была открытым местом без ограждений и нередко здесь среди могил можно было увидеть стада овец. Кстати, на старых гравюрах, представляющих эту часть кладбища, можно увидеть элегантных дам с зонтиками, гуляющих, среди захоронений скульпторов, художников, поэтов и дипломатов, а рядом с ними овечек, спокойно щиплющих травку.

Просьбам дипломатов, а среди них был Посол России - Италинский, которые требовали официального разрешения хоронить здесь своих граждан, а также построить ограждение, кардинал Консальви, секретарь Римского Папы, многократно отказывал. Официально не-католическое кладбище было открыто указом Папы Пия VII в 1821 году после энергичного протеста палаты Лордов в Лондоне. Этот факт был действительно большим скандалом тех времен. Все уже понимали, что ввиду развития международных отношений в Европе, обмена мастеров искусств между европейскими странами и Римом в Вечный город направлялось все больше студентов и туристов. Ведь конец XVIII и начало XIX веков это был настоящий «взрыв», Гран Тура: все направлялись посмотреть, изучить, а иногда и купить в Риме какие-то интересные древности или картины. Случалось, что некоторые из туристов и мастеров искусств по разным причинам умирали в этом городе.

Теперь, когда официальное разрешение уже было дано, Ватикан потребовал уважать распоряжения: на кладбище было запрещено устанавливать на могилах кресты, а среди могил сажать кипарисы и высокие деревья. Кстати, те кипарисы, которые уже росли, были срезаны. Это хорошо открывало всем вид на древнюю Пирамиду. Кроме этого, чтобы избежать возможных протестов со стороны римлян-католиков, было приказано проводить похороны исключительно ночью при освещении факелов и в абсолютной тишине.

Долгие годы старая или как ее называют «Древняя» часть (Parte Antica) кладбища была ограждена низкой стеной и только лишь в 1950 году русский князь Алексей Друцкой щедро, за свой счет, велел построить более высокую стену, которая стоит и поныне. Его имя и фамилия выгравированы перед могилой английского поэта Китса.

Остальные части этого исторического кладбища разделяются на Старую часть (Parte Vecchia) - где находятся захоронения с 1822 года до 1850гг. и I, II и III зоны, где хоронили иностранцев со второй половины XIX века до сегодняшнего времени.

Самыми первыми русскими захороненными в Древней части были: Вильгельм фон Гротте, скончавшийся в Риме в возрасте 24 лет (1791г.) -- дворянин из Риги, кавалер Императорской Гвардии Екатерины II и заведующий императорскими конюшнями (саркофаг) и графиня Анна Александровна Чернышева, урожд. Исленьева, умершая в Риме в 1794г. На оставшейся на кладбище мраморной плите написано: «тело детьми перевезено в Отечество в 1795г.». С тех пор останки графини покоятся на кладбище Александро-Невской Лавры в С.-Петербурге.

В XIX веке здесь были похоронены известные английские поэты Джон Китс и Перси Шелли, прусский государственный деятель О. фон Бюлов, сын немецкого поэта Август Гете, и многие, многие другие. По разным причинам здесь были похоронены Антонио Грамши - основатель итальянской коммунистической партии, физик Бруно Понтекорво и социолог-социалист Антонио Лабриола. В последние годы здесь были также захоронены некоторые известные поэты современной Италии.

К изображению района Тестаччо и его живописного кладбища часто обращались как западные, так и русские художники и писатели. В разных книгах об искусстве можно встретить картины и акварели Гюбера Робера, Джакомо Кваренги, А.Ж.Б Тома, Г.Гете, Г.Стендаля, Ахилле и Бартоломео Пинелли и многих других европейских художников, посвященные Пирамиде и кладбищу. Русские могилы и район Тестаччо были запечатлены художниками Ф.Бруни, А.Ивановым, К.Брюлловым и М.Лебедевым. На некатолическом кладбище Тестаччо нет отдельной части для русских православных и других выходцев из России. Русские могилы разбросаны по всей территории этого романтического места. Среди 4.000 захоронений разных стран, во всех зонах здесь похоронено свыше 800 россиян, в их числе и выходцы из России немецкого происхождения.

Тут можно увидеть могилы представителей известных русских аристократических семей, таких как Романовых, Романовских, Шереметьевых, Ферзен, Чернышевых, Полторацких, Мещерских, Кочубеев, Вяземских, Раевских, Чернышевых, Врангелей, Енгальчевых, Трубецких, Долгоруких, Урусовых, Мусин-Пушкиных, Волконских, Строгановых, Юсуповых, Сомовых, Сологубов, Голицыных, Бярятинских, Шаховских, Солдатенковых, Дурасовых, Толстых, Друцких-Соколинских и многих других незнакомых нам всем россиянам. Помню, что в 1999 г. на кладбище Тестаччо я познакомилась с князем Андреем Друцким-Соколинским, который из Брюсселя приехал в Рим, чтобы навестить своих близких, здесь захороненных. Он очень хорошо говорит по-итальянски и прекрасно помнит русский язык. Но о его корнях мы говорили очень мало и в практике я до недавнего времени ничего не знала о его семье. Обо всем узнала только недавно. Итак, князь Андрей в 90 г.г. побывал на родине своих предков, в городе Орле. Результатом этой поездки стало издание в России воспоминаний в 3-х томах его отца, кн. Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского (1880-1943). Автор мемуаров скончался в Риме и похоронен со своими близкими здесь на некатолическом кладбище. О судьбах Закревских и Друцких-Соколинских рассказано подробно в книге «Друцкие в Италии».

А в Риме захоронены следующие лица из их семьи:

Баранович, ур. княжна Друцкая-Соколинская, Елена Андреевна, С.-Петербург 30.I.1889-Рим 1963, вдова артиллерии полковника Виктора Львовича Барановича, вместе с матерью княгиней М.Н. Друцкой-Соколинской, братом князем В.А. Друцким-Соколинским, невесткой княгиней Т.В. Друцкой-Соколинской, княгиней Л.А. Друцкой-Соколинской и княжной Т.В. Друцкой-Соколинской.

Кроме аристократов здесь можем найти имена русских художников, скульпторов, археологов и архитекторов, скончавшихся в Риме: К.Брюллова, Г.Ковригина, Ант. Иванова, К. Григоровича, В.Модестова, В. Штернберга, А.Риццони, С. Иванова (брата художника), А.Белобородова, Г.Пранга, П.Ставассера, П.Орлова и М.Маркова. Могилы трех последних пансионеров не сохранились. Их останки захоронены в общей могиле - костнице при Аврелиевой стене.

Упоминания о погребениях на Тестаччо неоднократно встречаются в письмах русских путешественников и в воспоминаниях. Итак, князь П.А.Вяземский, потерявший дочь в Риме в 1835 году, писал так своему сыну: «Тело ее, предали земле на иностранном кладбище (14)26 марта.

Если тебе придется быть когда-нибудь в Риме, ты в нем не будешь совершенно чужой, а найдешь родную могилу и слезы наши, которые и нас сроднили навсегда с Римом».

Присмотр за могилой Прасковьи, крестницы Пушкина, после отъезда Вяземских из Италии взяла на себя, как мне кажется, княгиня Зинаида Волконская. Возможно, что это она заказывала памятную плиту для дочери поэта. Как нам кажется, надпись на плите на старо-церковном языке -ошибочна. Посещал могилу Прасковьи Вяземской вместе с княгиней и Н.Гоголь, так писавший поэту Вяземскому 25 июня 1838 года:»Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин.Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут, между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка... Потом я был еще один раз с одним москвичем, знающим Вас - и вновь уверился, что эта могила не сирота...».

Мемуаристка М.С.Сабина сообщает о своем брате Василии: «Его похоронили (в 1858 году) на Cimitero dei Protestanti, близ Пирамиды Цестиуса. Недалеко от его могилы покоится прах Брюллова и сына Гете... Русские художники в Риме его провожали и пели на его похоронах: Иванов, Плешанов, Ксенофонтов, Вениг и еще другие, имен которых я не знаю».

Воспоминания о посещении кладбища оставил И.Е.Репин, особенно впечатленный надгробием княжны М.А.Оболенской: «Не могу не упомянуть о памятнике Оболенской на лютеранском кладбище в Риме, работы Марка Антокольского. После долгого перерыва я увидел эту статую-оригинал на месте и был поражен ее красотой, поэзией и задушевностью».

Проникновенные строки о кладбище написал писатель Михаил Осоргин: «Заглядывая иногда на кладбище у черепичной горы Тестаччо, где под сенью пирамиды Кая Цестия вырастает в землю надмогильная плита Шелли, где у дверей склепа сидит девушка, изваянная Антокольским, где плакучее деревцо склонилось над именем Пашкова и где спит много маленьких, никому неведомых людей, - я бродил глазами меж черных кипарисов, отыскивая незанятый клочок земли, который можно откупить заранее. Мне казалось - и сейчас кажется - покойным и гордым лежать здесь, далеко от родины кровной, в центре родины великой культуры. Здесь заезжий сородич прочтет на мраморной плите имя, - прочтет вслух и, может вспомнит или запомнит; после вместе с именем кладбища, пирамиды и странной, голой горы из античных черепков, - мелькнет в его памяти и надпись по-русски, навеки оставшаяся в Вечном Городе, поскольку, конечно, сама вечность - не условна. Быть связанным с Римом - хотя бы узами смерти - мне всегда казалось честью». Так писал Михаил Осоргин. Но, увы. Желание писателя не сбылось. Он скончался во Франции и был похоронен 27 ноября 1942 года на кладбище в Шабри.

Похожие мысли выразил в одном из своих писем Николай Гоголь, обожавший Рим, по крайней мере в первые годы своего пребывания. Он писал, что здесь в Риме, даже воздух кажется «божественным». «Целой верстой здесь человек ближе к божеству». Вероятно поэтому он видел это божество в искусстве, прежде всего в произведениях Рафаэля. Не могу не рассказать о своей личной борьбе с бывшим директором кладбища. Это было время, когда я, совместно с российскими коллегами - историками, готовила издание книги о русских захоронениях в Риме. Я часто пребывала на кладбище и замечала многое из того, что там происходило. Прежде всего ликвидировалось много старых могил, как русских, так и английских и немецких, исчезали старые статуи, другие переносились на новые могилы. Таким образом не стало могил друзей Гоголя, знакомых Пушкина. И никто не обращал внимания на то, что это были люди, которые вошли в историю: художники, скульпторы, писатели, аристократы, декабрист Чернышев. Это правда, что их захоронения еще с XIX века не были оплачены. Но не смотря на это считаю, что такие исторические могилы необходимо сохранять для новых поколений.

Большие положительные изменения наступили с 2008 года, когда по решению Комиссии Послов директором назначили англичанку Аманду Тэрсфильд (Amanda Thursfield). Как она сама мне призналась, менять пришлось многое. Было нелегко, но благодаря волонтерам, а это преимущественно англичане, американцы и греки, удалось организовать информационное бюро, где даются информации туристам.

Периодически печатается бюллетень, в котором рассказывается о людях здесь похороненных. Он дается бесплатно и издается на английском и итальянском языках. «А недавно, благодаря нашей поддержке,- говорит директор - наш коллега, историк Nicholas Stanley Price написал на английском языке книгу об истории кладбища и о судьбах самых известных людей, здесь захороненных. Теперь она переводится на итальянский язык и вскоре ее увидят итальянцы, которые посещают это самое красивое кладбище в мире. Хочется подчеркнуть, что до моего прихода самыми частыми посетителями здесь были иностранцы из разных стран Европы, теперь же все больше итальянцев, которые интересуются историей нашего кладбища. Должна также сказать, что все чаще мы здесь видим русских, как туристов, так и тех, которые проживают в Риме».

«Одной из сложных проблем является для нас «spelling» (транскрипция русских фамилий) – продолжает Директор. - На нашем сайте можно найти информации на тему каждого лица, здесь похороненного. Что касается русских фамилий, иногда случаются ошибки, постепенно мы стараемся их устранять».

Гуляя по кладбищу, можно было заметить много отреставрированных памятников и могильных плит, прежде всего это могилы англичан и немцев. К сожалению, из-за так называемых «атмосферных агентов», цветов и растений лет через пять камень травертин, который чаще всего используется для памятников, опять станет темным.

За последние годы разные иностранные фонды профинансировали реставрацию многих памятников. Также Посольство Российской Федерации, благодаря спонсорам, помогло реставраторам, сотрудничающим с кладбищем, в обновлении памятника художнику Карлу Брюллову, а также могильных плит дипломатов - посла Николая Муравьева (1850-1908), тайного советника и посла в Италии Анатолия Крупенского (1850-1923) и действительного статского советника, камергера Высочайшего Двора Николая Поггенполя (1865 - 1916). Со своей стороны Русская Православная церковь профинансировала реставрацию 3-ей общей могилы Русской церкви и могилу княжны Марии Александровны Чернышевой, которая в завещании оставила свою виллу на виа Палестро русскому православному приходу и церкви во имя Святителя Николая Чудотворца. В будущем планируется реставрация нескольких могильных плит русских священников, работавших в Риме при Посольстве России в XIX и в начале XX веков.

«Многие родственники, - продолжает директор - по разным причинам, не оплачивают могил своих близких. Нередко их просто уже нет, или же они живут далеко и не могут приехать в Рим. В таких случаях мы сами ухаживаем за этими могилами, а иногда и реставрируем. Многие из этих могил находятся под охраной и являются историческими».

И в заключение несколько моих личных соображений. В далеком уже 1999 году, узнав о том, что директор кладбища хочет ликвидировать могилу Прасковьи Вяземской, дочери поэта и крестницы великого Пушкина, и продать это место, я взяла на себя обязательство реставрировать ее на свои средства. Каждый месяц в течение 2 лет я оплачивала реставрацию, пока не узнала, что переплачиваю в 7 раз больше, чем это стоит в действительности. По совету Посольства РФ я остановилась с оплатой. И что в результате?

В 2003 году плита снова стала почти черной. В связи с этим, хотела бы предложить следующее: несомненно найдется в России какой-нибудь предприниматель, который пожелает помочь в сохранении русской истории и поможет спасти могилы русских, которых

все мы знаем и которые вошли в историю? Ведь в недалеком прошлом, под Парижем, в Сент-Женевьев-де-Буа, спонсоры нашлись, и русское кладбище было спасено. А ведь там захоронения начались только в 1924 году.

В 2001 году в ходе экскурсии по кладбищу вместе с бывшим Министром культуры господином Швыдковым и его заместителем господином Хорошиловым мы осматривали самые интересные с исторической точки зрения могилы и сделали небольшой список. К сожалению, все осталось на бумаге, правительство поменялось, а могилы стали все более заброшенными. Хотелось бы заново составить список, уже более короткий и предложить в будущем рассмотрение реставрации этих исторических плит и памятников.

1. Могила (плита) ПОЛИНЫ ВЯЗЕМСКОЙ, дочери поэта, крестницы А.С.Пушкина (+1835)
2. Могила (художественно оформленная плита) в плохом состоянии СОФИИ РАЕВСКОЙ, урожд. Константиновой, внучки ученого М.Ломоносова, супруги генерала Н.Раевского, героя 1812 года, матери Марии Раевской-Волконской, последовавшей в Сибирь за мужем, хорошей знакомой А.С.Пушкина (+1844).
3. Плита на стене около дирекции (могила не сохранилась) гр. ЗАХАРА ЧЕРНЫШЕВА, декабриста, члена Южного Общества, друга А.С.Пушкина (+1862).
4. Прекрасный памятник М. Антокольского посвященный княжне МАРИИ ОБОЛЕНСКОЙ, дочери Московского губернатора, сенатора, генерала от артиллерии, (+1873).
5. Могила (плита) ФЕДОРА КОМИССАРЖЕВСКОГО, оперного певца, артиста в миланской ЛА СКАЛА и в Императорской опере в Петербурге, профессора Московской консерватории, гарибальдийца (+1905).
6. Могила (плита) ПОЛТОРАЦКОЙ ЕЛЕНЫ, вдовы библиографа и библиофила, почетного члена Императорской Публичной библиотеки, друга А.С.Пушкина, Сергея Полторацкого (+1908).
7. Могила ДАЛЬ ЮЛИИ (плита и памятник с микро мозайкой), дочери врача, писателя, близкого друга А. Пушкина (+1863).
8. Могила-саркофаг (плита) БАЛАБИНОЙ МАРИИ, ученицы, а потом хорошей знакомой Н.Гоголя в Риме. Существует интересная переписка между ними на тему искусства и обычаев римлян (+1901).
9. Могила-саркофаг (плита) ТЕПЛОВОЙ ЕКАТЕРИНЫ, графини, вдовы декабриста Захара Чернышева, (+1878).
10. Могила (плита) МАНСУРОВА ПАВЛА, дипломата, отставного действительного статского советника, члена кружка «Зеленая лампа», друга А.Пушкина. Известна переписка между ними. (+1881).
11. Памятная плита у Аврелиевой стены в I зоне БУТЕНЕВОЙ АЛЕКСАНДРИНЫ, дочери Российского полномочного министра и чрезвычайного посланника при Ватикане, тайного советника Аполлинария Бутенева (+1851).
12. Могила (вертикальная плита с профилем-барельефом) ШТЕРНБЕРГА ВАСИЛИЯ, художника, пансионера Императорской Академии Художеств, автора жанровых картин и пейзажей (+1845).

В заключение хочу сказать, что сохранение этого самого красивого исторического кладбища в мире в огромной мере зависит от нас. И если не мы, россияне, иммигранты из России и люди русского происхождения сами не будем помнить свою родную историю, заботиться о ней и уважать ее - то это, несомненно, отразится на уважении других национальностей по отношению к нам. Да и мы сами в таком случае, давайте зададим себе вопрос: Какой пример мы подаём подрастающему поколению? И будет ли сохранена история нашей Родины в будущем?...

Библиография

- Nylander C. The people at the Pyramid, Roma 1992, p.236
Beck-Friis J. Il cimitero acattolico di Roma. Malmo 1997, p.8
Kauchtschischwili N., L'Italia nella vita e nell'opera di P.A.Vjazemskij, Milano 1964, p.293
Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская пушкиниана. М.1991
Из записок М.С. Сабониной, Исторический архив.1897. Кн.І стр. 57
Репин И.Е. Далекое близкое. М.-Л.1949.С.452
Осоргин М. Пиппо, Пересвет. Кн.І. 1921.С. 62-63
Stendhal H, Viaggio italiano, Roma. 1987
Г.А. Баутдинов, Закревские и Друцкие: между Россией и Италией// Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы, Вып.17(33), Спб.-М.2012

Museo federale di formazione professionale – filiale GBOU VPO
«Università Statale di metalmeccanica (MAMI)»
Podol'sk

Amministrazione della Provincia di Firenze
Comune di Montemurlo
Associazione «Centro di lingua e cultura russa» di Firenze
Azienda fiorentina «Fontanka»

*Raccolta dei materiali della conferenza
scientifica russo-italiana
«Ritratto storico del conte Arsenij Andreevič Zakrevskij
(1786 – 1865) allo specchio del tempo»*

**18-19 marzo 2014
Firenze, Italia**

Podol'sk, Russia

2014

Materiali della conferenza scientifica russo-italiana «Ritratto del conte Arsenij Andreevič Zakrevskij (1786-1865) allo specchio del tempo», 18-19 marzo 2014, Firenze, Italia / Curatore O.G. Počekina. Red.: T. A. Tarkhanova, O. D. Kazatskaja, O. G. Počekina. - P.: FMPO, 2014- p. - 98 c.

Recensori:

Kozlov V.F., dottore in scienze storiche, professore, titolare della cattedra di storia regionale ed etnografia dell'Istituto storico-archivistico dell'Università statale russa di studi umanistici.

M. G. Talalaj, dottore in scienze storiche, rappresentante dell'Istituto di storia generale dell'Accademia russa delle scienze russa in Italia

La conferenza scientifica russo-italiana ha avuto luogo nella cornice del progetto storico-culturale «Russia-Italia. Le svolte del destino del conte A. A. Zakrevskij». La conferenza è stata organizzata dal Museo federale di formazione professionale – filiale dell'Istituto di istruzione federale e statale di alta formazione «Università statale di metalmeccanica di Mosca (MAMI)» di Podol'sk in collaborazione con l'Associazione fiorentina «Centro di lingua e cultura russa», sotto il patrocinio dell'Amministrazione della Provincia di Firenze e il Comune di Montemurlo (provincia di Prato).

Nell'ambito della parte pratica della conferenza è stata organizzata un'escursione «Gli Zakrevskij e i Drutskoy - Sokolinsky in Toscana», durante il quale ha avuto luogo un evento di grandissimo rilievo. Su iniziativa del proprietario dell'ex villa dei Drutskoy-Sokolinsky a Galceto, signor Vasco Fanti, con la partecipazione del Comune di Montemurlo nella chiesa di Santa Maria dei Pazzi, dove per tanti anni giacquero le spoglie dei membri della famiglia Zakrevskij è stata apposta una lapide commemorativa in onore del conte A. A. Zakrevskij, la prima all'estero dedicata alla memoria del governatore generale di Mosca.

La conferenza è stata realizzata con il contributo del Ministero degli Affari Esteri ed il Ministero della Cultura della Federazione Russa e con il sostegno della Fondazione «Russkij Mir», ZAO «Promsberbank» e gruppo delle compagnie “Podolskaja jilishnaja initsiativa».

Il Museo federale di formazione professionale – filiale dell'Università di Metalmeccanica nella città di Podol'sk ringrazia il presidente del Centro di lingua e cultura russa di Firenze, V. V. Sergeeva, per il considerevole contributo nella preparazione e realizzazione della conferenza scientifica russo-italiana.

Nella raccolta di materiali della conferenza scientifica russo-italiana sono inclusi i saluti degli organizzatori e dei principi Drutskoy-Sokolinsky, le relazioni dei partecipanti alla conferenza ed i materiali fotografici. La relazione di Mara Visonà, professoressa dell'Università degli studi di Firenze, coautore della ricerca storico-artistica sulle ville di Montemurlo dal titolo «Montemurlo, villeggiatura e residenze di nobili famiglie» sarà aggiunta in un secondo momento. I materiali della conferenza sono pubblicati nelle versioni concesse dagli autori. La raccolta è realizzata in versione elettronica in lingua russa ed italiana.

I materiali della conferenza possono essere raccomandati agli storici, agli insegnanti, agli etnologi ed agli specialisti dei rapporti culturali russo-italiani, ma anche agli alunni ed agli studenti degli istituti di istruzione per un approfondimento della conoscenza della storia patria.

Gentili signore e signori,

sono lieta di dare il benvenuto ai partecipanti della prima conferenza scientifica russo-italiana dedicata ad una delle eminenti personalità militari e statali della Russia della prima metà del XIX secolo, il generale governatore conte Arsenij Andreevič Zakrevskij. Sono certa che il nostro forum scientifico si svolgerà ad alto livello, in quanto ci prenderanno parte gli scienziati rinomati russi e italiani.

In Russia non è abbastanza noto il percorso della vita di Zakrevskij, soprattutto il suo ultimo periodo, quello italiano. La necessità di dare una valutazione moderna al suo contributo nel destino della Russia e dell'Europa, ed il desiderio assoluto di presentare agli italiani la figura del conte Zakrevskij, hanno avuto un ruolo determinante nella decisione di condurre assieme agli specialisti italiani una conferenza scientifica in Toscana, dove Arsenij Andreevič Zakrevskij trovò rifugio nell'ultimo periodo della sua vita.

La figura del conte Zakrevskij, in forza delle ragioni politico-sociali, per lunghi decenni fu valutata in Russia in modo contraddittorio. In maniera fortemente critica fu percepito dall'opinione pubblica liberale il suo rifiuto della riforma della servitù della gleba del 1861 e la politica da lui condotta quando occupava il posto di generale governatore di Mosca.

La contemporanea scienza storica russa sta riesaminando le proprie opinioni sulla complessità e la contraddizione della personalità di Zakrevskij, i cui meriti in campo militare e le alte cariche pubbliche ricoperte sono innegabili.

Mi auguro che il nostro scambio di opinioni ci consenta di entrare in profondità nell'universo del conte e nel contesto della storia russa della prima metà del XIX secolo, per allargare la comprensione odierna su questa eminente personalità che, senza dubbio, appartiene tanto alla Russia, quanto all'Italia.

T. A. Tarkanova,

*direttrice del Museo Federale russo di formazione
professionale–
filiale dell'Università di Metalmeccanica di Podol'sk,
responsabile del progetto*

Saluti ai partecipanti della conferenza

Dal lontano Belgio manda un caro saluto a tutti i delegati del congresso fiorentino dedicato al conte Zakrevskij il principe novantacinquenne Andrej Vladimirovič Drutskoy-Sokolinsky, al quale, con suo enorme dispiacere, l'età e le debolezze senili non hanno permesso la personale partecipazione a questo progetto eccezionale. Sono certo che mio figlio Aleksandr saprà sostituirmi con dignità.

Sebbene il conte Zakrevskij non sia un diretto parente della nostra famiglia, tuttavia saprete, se avete letto il lavoro magistrale "I Drutskoy in Italia" della professoressa F. Ausidio, quanto fossero legate le nostre famiglie.

Fulcro d'unione della mia famiglia con quella di Zakrevskij fu la tenuta di Galceto, acquisita all'inizio degli anni 1860 dal principe Dmitrij Vladimirovič Drutskoy-Sokolinsky, fratello carnale di mio nonno Andrej Vladimirovič; si tratta della tenuta che visiterete domani. Durante l'infanzia, capitava spesso di far visita con la mia famiglia alla figlia di Dmitrij, nipote del conte Zakrevskij, alla zia Manja, come la chiamavamo da bambini. Ricordo che ogni volta, entrando nella lussuosa sala d'ingresso, mi impressionava la figura del cavaliere con l'antica armatura di ferro che era stata posizionata, e spero che vi si trovi tutt'oggi, in bella mostra nell'angolo della sala.

Dopo il suo ritiro dalla carica di governatore militare di Mosca, il conte Zakrevskij passò solo gli ultimi anni della vita a Galceto e, purtroppo, non poté godere appieno della calorosa vita familiare; egli voleva molto bene a Dmitrij che, a sua volta, provava per lui un infinito rispetto e con lui aveva avuto lunghe conversazioni.

Riflettendo sugli ultimi anni del servizio statale del conte, mi colpiscono sempre due fatti: in primo luogo il suo amore sconfinato per la figlia Lidia per la quale decise, alla fine della sua pluriennale e brillante carriera, di violare la legge sottoponendosi a una dura pena; in secondo luogo la rigidità e l'inesorabilità delle autorità che punirono senza la minima indulgenza questo eminente dignitario, benemerito uomo di stato che era stato vicino a tre imperatori russi. Mi sembra che ai nostri tempi, in cui in tutti i campi della vita politica e sociale regna il mercantilismo e il culto del compromesso, tale inesorabilità delle autorità nell'impiego della legge meriti una particolare attenzione. Malgrado tante voci, spesso senza obiettività, del potere assoluto dell'illegalità e degli abusi nella Russia imperiale.

Galceto fu venduto nel 1925 dal marito di Maria Dmitrievna, che era allora l'unica proprietaria della tenuta. Nonostante la stretta parentela di mio padre con Maria Dmitrievna, nella mia famiglia sono state conservate in ricordo di Galceto solo alcune icone antiche e qualche cartella in pelle in cui il conte teneva i documenti di servizio.

Mi piace pensare che la storia dello stato imperiale e la vita dei suoi grandi rappresentanti continuino a interessare gli storici russi ed europei e gli etnologi.

Con particolare calore ringrazio tutti coloro che hanno partecipato alla brillante organizzazione del congresso e anche il governo russo e quello italiano che hanno avviato questa preziosa collaborazione per la realizzazione di questo progetto.

Il principe Andrej Vladimirovič Drutskoy-Sokolinskij

marzo 2014, Bruxelles

Con il vostro permesso vorrei aggiungere due parole. Sono pittore di professione. Nel mio lavoro sono molte le cose che hanno influenzato e che influenzano, ma il racconto e la fiaba hanno avuto un ruolo molto importante nelle mie opere.

Questo è legato al fatto che i racconti hanno occupato un posto speciale nella mia infanzia. Intendo non solo i libri per bambini che ci leggevano, ma anche il fatto che tutto quello che a noi bambini raccontavano del passato russo, specialmente del passato della nostra famiglia e della vita degli antenati lontani e vicini, veniva da noi percepito come una fiaba e non come un fatto reale. Tutte le persone e i gli avvenimenti esistevano nella sfera dell'astratto, senza legame con il presente o con qualche narrazione storica. Dopotutto il potere comunista ci aveva cancellati tutti dalla storia e ci ricordava solo per ingiuriarci. Il legame tra passato e presente del paese era interrotto. Anche in occidente erano pochi coloro che si interessavano alla storia della Russia prima della rivoluzione. Quando ci fecero vedere con gioia le fotografie degli album di famiglia che si erano conservate, le persone rappresentate ci apparivano come personaggi di fiabe, come gli eroi della nostra stessa fiaba di famiglia. Tra queste bellissime figure una particolare impressione era suscitata dal ritratto del conte Zakrevskij. Forse avrete già visto le riproduzioni di questa fotografia nei libri della professoressa Audisio, ma ho comunque portato con me l'originale di questo grosso album di famiglia e sarò lieto di mostrarvelo.

Poi siamo cresciuti e le fiabe si sono dissolte. Con il cambio di governo e l'apertura della Russia è iniziato un cauto processo di rivalutazione del passato e di assimilazione della propria storia.

In sostanza le nostre fiabe di famiglia cominciarono a essere incluse in una narrativa storica russa comune. Per la nostra famiglia il momento più importante di questo processo divenne la pubblicazione in Russia delle memorie di mio nonno V. A. Drutskoy-Sokolinsky. Direi che anche il progetto dedicato al conte Zakrevskij è senza dubbio un altro passo verso la conoscenza del proprio passato. Aspetto il momento in cui la figura del conte Zakrevskij dalla fiaba nei miei occhi si trasferirà nel libro di storia e da immagine non materiale si trasformerà in una del tutto reale, magari addirittura in monumento di pietra.

Il principe Aleksandr Andreevič Drutskoy-Sokolinsky

Davydov Mikhail Abramovič

ricercatore principale dell'Istituto di economia dell'Accademia Russa delle Scienze, dottore in scienze storiche, professore presso l'Università nazionale di ricerca "Scuola superiore di economia" (NIU) Russia, Mosca

IL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ IN QUALITÀ DI STATISTA

Non vorrei ridurre la mia relazione a un elenco degli incarichi del conte Arsenij Andreevič Zakrevskij e poi dichiarare che era un grande uomo.

Vorrei delineare i contorni della sua vita insolita, trascorsa in un tempo straordinario, esempio di come una persona possa aver preso le redini del proprio destino, determinato dalla nascita e dall'educazione.

Nel 1802, all'età di 16 anni, Zakrevskij cominciò il servizio come ignoto sottufficiale, uno dei migliaia, e nel 1813, a 27 anni divenne generale di divisione e uno dei sette generali-aiutanti di campo dell'imperatore della Russia¹.

Questa carriera davvero brillante risulta ancora più stupefacente dato che Arsenij Andreevič era figlio di un piccolo proprietario terriero e non aveva alcun legame con la corte o con le vicinanze della corte.

Era il tipico self-made-man.

Tre fattori, suppongo, gli avessero permesso di fare carriera.

- 1) L'alta classe della sua personalità.
- 2) La lotta titanica con Napoleone e altre cinque guerre condotte dalla Russia all'inizio del XIX sec. che sconvolsero i tradizionali canoni russi della carriera, gli stereotipi abituali di avanzamento nel servizio. Gli ufficiali valorosi e di talento in quest'epoca ebbero di gran lunga molte più possibilità di crescita. Avanzarono persone che in altre condizioni sarebbero state condannati a vegetare nelle guarnigioni provinciali.

- 3) Per un ufficiale meritevole era molto importante trovare il suo generale. Per Zakrevskij questo fu il conte N. M. Kamenskij, astro nascente russo dell'esercito, a cui aveva salvato la vita durante la battaglia di Austerlitz nel 1805². E da quel momento divenne il suo inamovibile aiutante e inseparabile compagno di viaggio.

Fu al suo fianco in molte battaglie delle campagne negli anni 1806-1807 con Napoleone, nelle guerre con Svezia e Finlandia del 1808-1809, con la Turchia sul Danubio nel 1810, prendendo sempre direttamente parte ai combattimenti e rimanendo una volta in servizio a seguito di una pesante contusione.

Nel 1810 Zakrevskij era maggiore e cavaliere degli ordini del valore più prestigiosi dell'esercito.

---

1 I dati sulla carriera di servizio del conte A. A. Zakrevskij sono forniti da: Mikhajlovskij-Danilevskij A. I. Imperator Aleksandr i ego spodvijniki. Galleria militare del Palazzo d'Inverno. San Pietroburgo, 1848-1849. t.6. № 34. Zakrevskij, conte A. A.

2 Nikolaev. Istorija 17-go pehotnogo Arkhangelogorodskogo polka. SPb, 1900. p.255

Gli aiutanti non sempre godono del rispetto dei colleghi. Zakrevskij aveva questo rispetto del quale scrivono in accordo i suoi ufficiali di battaglia¹. Era indubbiamente valoroso, semplice e benevolo verso le persone, indipendentemente della loro posizione.

Nel maggio del 1811, il generale N. M. Kamenskij all'età di 33 anni all'improvviso si ammalò gravemente e morì in circostanze misteriose. I contemporanei dicevano che fosse stato avvelenato.

Dopo tanti anni Zakrevskij collocò nel suo podere "Ivanovskoe" un obelisco in memoria del caro comandante, che per lui era diventato come un secondo padre.

Fu Zakrevskij a portare ad Alessandro I la notizia della morte di Kamenskij e le sue carte.

L'imperatore incontrò Zakrevskij con molta benevolenza, lo nominò aiutante di campo del ministro della guerra M. B. Barclay de Tolly e fu trasferito nella guardia. Barclay apprezzò subito le qualità pratiche del nuovo aiutante di campo. A marzo del 1812 fu nominato direttore della Cancelleria speciale (segreta) presso il ministro della guerra, ovvero direttore dello spionaggio militare russo.

Con tale incarico fu mandato con Barclay a Vilnius nel Primo esercito occidentale.

Il 24 giugno Napoleone passò attraverso Nièmen e cominciò la Guerra patriottica del 1812. Zakrevskij arrivò con l'esercito fino a Tarutino.

Dopo Borodino, Barclay scrisse all'imperatore che il colonnello Zakrevskij era uno degli ufficiali, "più eccezionali, con suoi pregi personali, il suo coraggio provato, la sua instancabile gelosia verso il servizio e il suo autentico talento militare", che aveva dimostrato di "servire non in base a qualche ragione di interesse personale ma per vera fedeltà alla Patria.

Sua Maestà possiede un ufficiale che, se si presentasse il caso, presterebbe allo stato i maggiori e i più importanti servizi."²

Alessandro I nominò Zakrevskij suo assistente-aiutante di campo.

Per aver preso parte alle battaglie del 1813, Zakrevskij ottenne il grado di generale maggiore e lo zar lo nominò suo generale-aiutante di campo. Questo era un grande onore.

Così, per 11 anni Zakrevskij fece il percorso da sottufficiale a generale, sapendo in questo conquistare il rispetto e a volte anche l'amicizia dei colleghi di ogni rango, anche quella di due nemici mortali, Barclay de Tolly e Ermolov.

Inoltre si comportò in modo molto indipendente, entrando molto velocemente in conflitto con il fratello dello zar Principe Konstantin Pavlovič e Arakčeev.

Terminò la guerra nel 1814, in Francia.

Nel 1815 Zakrevskij divenne generale di turno dello Stato maggiore (in seguito Stato generale) dell'esercito russo, nella formazione del quale ebbe un ruolo molto importante. Questa era una carica illustre e di responsabilità: sotto diretta subordinazione di Zakrevskij si trovavano due dipartimenti, di ispezione e auditoriato, le colonie militari e il corpo dei corrieri di stato.

Il capo di stato maggiore era il principe P. M. Volkonskij, del quale fu amico per tutta la vita. Zakrevskij di fatto dirigeva gli affari dello stato maggiore durante i costanti allontanamenti del suo capo.

Già in questa carica emergeva quello che può essere chiamato "stile Zakrevskij", la sua eccezionale capacità di ottimizzare il lavoro di quegli enti che lui dirigeva.

Zakrevskij fu molto spesso accusato di formalismo e pedanteria. Nella lingua russa contemporanea queste accuse del XIX sec. si traducono più o meno così: egli cercò di obbligare i funzionari a svolgere quelle mansioni per le quali ricevevano uno stipendio, niente di più.

---

1 Volkonskij S. G. Zapiski. Irkutsk, 1991. Vostochno-Sibirskoe knijnoe izdatelstvo, str.112,145,167; Ermolov A. P. Zapiski 1798-1826. Moskva. Vysshaja shkola 1991. P.214; Bulgarin Faddej. Vospominanija. Moskva. Zakharov. 2001. p.139

2 Stoletije voennogo ministerstva. 1802-1902. SPb. 1904, t.2, libro 2. p.453

Il dipartimento di ispezione era a suo modo un “reparto dei quadri” dell’esercito russo. Amministrava realmente tutto il complesso personale del numerosissimo esercito russo e del suo completamento.

Il contesto in cui Zakrevskij si era trovato entrando in carica non gli si confaceva assolutamente. Dopo aver creato per i subordinati delle condizioni di vita e di quotidianità accettabili, Zakrevskij elaborò per loro delle regole, e controllava severamente che fossero rispettate. Allo stesso tempo non si dimenticava di stimolare i funzionari. Il risultato fu che l’efficienza del lavoro del dipartimento crebbe rapidamente¹.

Fu inaccettabile la situazione nel Dipartimento di auditorato, che dirigeva il sistema della giustizia militare della Russia. All’inizio del 1816 aveva 237 casi irrisolti, per i quali erano stati reclusi 413 imputati, molti dei quali da 3 a 6 anni aspettavano una decisione riguardo alla loro sorte etc.

Con severe misure disciplinari combinate agli incentivi, Zakrevskij ottenne risultati impressionanti. Negli anni seguenti il numero dei casi irrisolti scese a 10-15.² L’ordine stabilito da Zakrevskij, nonostante il cambio dei capi, si conservò fino alla fine del regno di Nicola I.

Un ruolo molto importante nel rafforzamento della legalità nell’esercito russo lo ebbero i libri pubblicati da Zakrevskij “Breve estratto sulle leggi che regolamenta la dirigenza nella preparazione e nella decisione delle questioni militari-giudiziarie” (1818) e “Codice della legalizzazione russa delle questioni militari-giudiziarie” (1820).³

Complessivamente l’attività di Zakrevskij permise di mettere notevolmente in ordine la giustizia militare russa.⁴

Una sfera molto significativa dell’attività di Zakrevskij furono i reparti delle colonie militari, ovvero la cura della vita quotidiana e dell’istruzione di 50-60 mila allievi, più noti come cantonisti militari. Ai bambini si insegnava con il metodo lancasteriano di mutuo insegnamento e le loro condizioni di vita migliorarono.⁵

Nella sua carica di generale di servizio, Zakrevskij fece molte cose utili per l’esercito russo.

Alessandro I apprezzava l’energia di Zakrevskij e nel 1821 gli conferì il titolo di generale di brigata.

Il 30 agosto 1823 Zakrevskij, in modo totalmente inaspettato per tutti e anche per se stesso, fu nominato governatore militare di Finlandia e comandante del distaccamento finlandese. Zakrevskij, che non conosceva le lingue straniere, per tutti gli 8 anni subì il peso della sua permanenza in Finlandia, nella “mia Siberia” come diceva a volte.

La strategia di Alessandro I dopo l’annessione della Finlandia alla Russia nel 1809 era del tutto razionale. Voleva che i finlandesi sentissero da soli che la Russia era un sovrano migliore della Svezia e con una lunga serie di misure seppe raggiungere l’obiettivo. “I circoli dirigenti della Finlandia di quel tempo ritenevano che la Finlandia, cambiando madre patria avrebbe chiaramente vinto. Ritenevano che i funzionari avrebbero dovuto quanto prima apprendere la lingua russa e cercarono di favorire questo”.⁶

Tuttavia Alessandro I temeva la crescita di atteggiamenti a favore degli svedesi da parte dei finlandesi e mandò Zakrevskij ad “avvicinare” Finlandia e Russia.

Zakrevskij, come sempre, iniziò con il ripristino della disciplina tra i suoi subordinati. “La

---

1 Sbornik russkogo istoricheskogo obshestva (RIO) SPb, 1891, t.78, pp.332-334

2 Stoletije voennogo ministerstva. 1802-1902. SPb. 1914, t.12, libro 1. (2) p.28

3 Sbornik RIO, t.78, p.366

4 Stoletije voennogo ministerstva. 1802-1902. SPb. 1914, t.12, libro 1. (2) pp.137-138

5 Sbornik RIO, t.78, p.334,342

6 Jussila Osmo i drughie. Politicheskaja istorija Finljandii1809-2009. Moskva, Ves’ mir 2010 pp.41-42

cancelleria del nuovo governatore militare lavorava fino alle dieci di sera. Lo stesso Zakrevskij stupì tutti con la sua insolita perseveranza nel lavoro... il lavoro ferveva.”¹

Tuttavia Zakrevskij entrò giustamente nella storia della Finlandia come un attivo russificatore. Toccherà soltanto un momento più pungente della sua dirigenza.

Nel 1825 Zakrevskij deferì alla Finlandia il giuramento al nuovo imperatore nella forma generale prevista per le normali province russe, che non teneva conto della particolare condizione del Granducato di Finlandia nella composizione dell’Impero russo. Facendo deferire ai finlandesi il giuramento nella generale forma russa, Zakrevskij considerava la particolare posizione del Granducato di Finlandia come già annullata nella composizione dell’impero e comunicò il fatto all’imperatore.

Tuttavia Nicola I prese un’altra decisione. La Finlandia prestò giuramento per la seconda volta, oramai “in forma speciale” e conservò la sua condizione di autonomia.

Zakrevskij fino alla morte non si dette pace per essersi fatto sfuggire la possibilità di una fusione totale della Finlandia con la Russia.²

È inutile incolpare proprio Zakrevskij di questa politica. Anche in questo caso agì come il tipico (e non il peggiore!) rappresentante dell’aristocrazia russa, ovvero correggendo la particolarità della sua personalità.

Zakrevskij con grande piacere avrebbe trasformato la Finlandia in una comune provincia russa, così come il suo migliore amico A. P. Ermolov avrebbe fatto lo stesso con la Georgia. Così come gli inglesi si consideravano superiori agli irlandesi e agli scozzesi, i nobili russi si consideravano “superiori ai khokhol ”(P. D. Kiselev), ovvero gli ucraini, per non nominare caucasici e finlandesi.

Tuttavia Nicola I non permise di far questo né a lui né ai suoi successori.

Sebbene nel 1826 lo zar, con l’attiva partecipazione di Zakrevskij, cambiò il sistema di direzione della Finlandia, rafforzando le posizioni del governatore militare, contemporaneamente crebbe l’importanza del Senato che cominciò a decidere una serie di questioni importanti senza una preventiva presentazione all’imperatore.

Così, in maniera paradossale, Zakrevskij, “che si era guadagnato nella storia della Finlandia la fama di “fervente russificatore” contribuì in modo significativo al consolidamento della singolare amministrazione della Finlandia”.³

Dal giugno 1826 Zakrevskij fu nominato membro della Corte penale suprema con i decabristi. Tuttavia seppe sfuggirvi: se ne andò a Mosca “per motivi familiari” e vi rimase fino alla fine del lavoro del tribunale.

Difficilmente questo suo agire fu casuale.

I decabristi per lui erano indubbiamente dei delinquenti dello stato. Tuttavia fu molto umano con quelli che i primi mesi scontarono la pena nelle fortezze finlandesi.

Nell’aprile 1828 Nicola I nominò Zakrevskij ministro degli interni, lasciandogli la gestione della Finlandia.

Riguardo al breve incarico di ministro di Zakrevskij si ricorda innanzi tutto quella che è considerata la sua battaglia persa con il colera. Credo sia una semplificazione.

Nicola I avvertì Zakrevskij che il ministero era in grande confusione.⁴ Zakrevskij svelò subito grandi prevaricazioni, furti e appropriazioni indebite con cui i predecessori del ministero avevano accordato contro di lui, specialmente il principe V. M. Kočubej e la sua cerchia.

---

1 Borodkin M. M. Istorija Finlandii: vremja imperatora Aleksandra I. SPb, 1909. p.553

2 Suni L. V. Velikoe kniajestvo Finljandskoe. Pervye shagi avtonomii. Petrozavodsk. Ed. PetrGU. 2009. pp.44-46.

3 Jussila Osmo etc. ... p.45

4 Sbornik RIA, t.78, p.534

Come al solito, iniziò con il costringere i funzionari a rapportarsi diversamente alle proprie mansioni di servizio. Portò in Russia le famose tabelle identificative, sulle quali ogni funzionario che arrivava, compresi i suoi sostituti, doveva appendere il suo numero regolamentare, non consentendo in questo modo ritardi e assenze per ragioni futili.

Contemporaneamente regolarizzò e ridusse i lavori di segreteria. Iniziò un'elaborazione del personale del ministero e un'intera serie di progetti che si conclusero durante l'incarico del suo successore. Insistette sull'aumento dello stipendio dei funzionari, che considerava la condizione più importante per un incremento del rendimento del lavoro degli organi del ministero, ma questo si realizzò solo in seguito.¹

Nel 1829 Zakrevskij divenne generale di fanteria e nel 1830 fu elevato a conte del Granducato di Finlandia.

Poi iniziò la prima grande epidemia di colera in Russia, malattia di cui si sapeva poco. I medici russi allora non sapevano neanche dire se fosse contagiosa o meno.²

Zakrevskij, a mio avviso, agì sulla situazione, dimostrò un grande coraggio personale ma non poté sconfiggere l'epidemia, poiché fu vittima della non conoscenza comune, della mancanza di esperienza etc. Era considerato che la quarantena portava solo milioni di perdite all'industria e al commercio.

Un'osservazione: negli anni 1829-1831 a causa del colera morirono circa 100 mila persone e, sembra che il governo avesse dovuto trarre delle conclusioni.

Ma negli anni 1846-1847 una nuova epidemia portò via 116 mila persone e nel 1848 altre 668,1 mila. Solo allora il Dipartimento di medicina del Ministero degli Affari Interni stabilì definitivamente che il colera veniva diffuso dagli uomini e non dal vento e che era favorito da condizioni non igieniche e dalla cattiva alimentazione e che la quarantena "probabilmente sarebbe stata utile".³

Zakrevskij dette le dimissioni e fu allontanato.

C'è tuttavia un fondamento nell'affermare che la quarantena fosse un comodo pretesto e che la causa delle dimissioni vada cercata più a fondo. Noi sappiamo con fermezza che tutta la schiera dei ministri si rapportava a lui in maniera negativa. Le dimissioni furono precedute da due conflitti diretti con l'imperatore e da almeno uno con l'onnipotente Benckendorff.⁴ Zakrevskij era sicuro di sé.

Dopo 16 anni a riposo, negli anni 1848-1859 ci fu il periodo di servizio moscovita, il più complicato e spiacevole per il nostro protagonista, secondo i biografhi.

Spaventato dalla rivoluzione in Europa, Nicola I nominò il sessantacinquenne Zakrevskij governatore militare di Mosca con poteri straordinari.

Durante questo incarico perseguì furiosamente tutto ciò che prendeva per liberalismo e lasciò alla maggior parte dei contemporanei un cattivo ricordo di sé.

Portò a Mosca alcuni dei metodi di gestione "finlandesi". Può darsi che con l'età si accentuarono alcuni tratti negativi del suo carattere. Per giunta, l'abitudine a un potere enorme non ha mai giovato a nessuno.

Più tardi disse: "Nessuno conosce le istruzioni impartitemi dall'imperatore Nicola, che vede segnali di rivoluzione ovunque. Mi ha rifornito di carte bianche firmate di suo pugno che io gli ho restituito complete. Erano questi i tempi e la volontà dell'imperatore..."⁵

1 Andrianov C. A. Ministerstvo vnutrennih del, 1902-1902. Istoricheskij ocherk. SPb. 1903. pp.51-52

2 V. sopra, p.80

3 V. sopra, p.81

4 Korff Modest. Zapiski. Moskva. Zakharov. 2003. pp.444-446; Sbornik RIA, t.78, p.541

5 Citazioni da: Baljazin V. Imoeratorskie namestniki pervoprestolnoi .1709-1917. Moskva. Tverskaja, 13. 2000. p.326

Zakrevskij, essendo stato a riposo, non aveva notato quanto fosse cambiata la Russia.

Nicola I vietò a Puškin di stampare “Il cavaliere di bronzo”; tuttavia la più recente letteratura socialista si vendeva abbastanza liberamente in Russia e si leggeva.

Per questo alla fine degli anni 1840 a Mosca, l’allora capitale intellettuale della Russia, Zakrevskij non si scontrò con i nobili spaventati dalle pene dei decabristi ma con le persone della nuova generazione, occidentalisti e slavofili, che dal punto di vista della libertà interna dell’individuo prendevano le distanze da lui più o meno come la sua generazione di nobili russi “mai frustati” le prendeva dalla generazione di M. I. Kutuzov, che aveva attivamente cercato una collocazione ai favoriti di Ekaterina II, cosa inaccettabile per Zakrevskij e per i suoi amici.

Non trovarono una comprensione reciproca.

Tirando le somme, posso dire che in ogni carica Zakrevskij portò “con sé nella gestione, nonostante la mancanza di istruzione universitaria, molta diligenza, buona fede e onestà e, soprattutto, un carattere energico, che giungeva non di rado alla ribellione, nel suo ignorare il servilismo verso i più forti”.¹

Così comunicò apertamente all’imperatore Alessandro II di essere contrario alla liberazione dei contadini e, come si sostiene, frenò la preparazione della riforma del governo di Mosca.

In tutti gli incarichi, notiamo da parte di Zakrevskij la dimostrazione di alte qualità umane. Non aveva esitato a mettere la felicità della figlia più in alto delle cariche ufficiali e le aveva organizzato il matrimonio che gli era costato il ritiro dal servizio.

Caro fu, credo, il parere del decabrista, generale S. G. Volkonskij, che aveva conosciuto nel 1810: “Zakrevskij, anche in relazione al fatto che per me è stato un così caro conoscente, e in suo onore, devo dire che per tutto il periodo del suo servizio, nonostante l’ottenimento di riconoscimenti di alto livello, rimase sempre ugualmente cordiale verso i vecchi conoscenti e sempre pronto a servirli; agì sempre con quell’uguaglianza che poche persone conservano dopo aver acquisito importanza.

Io questo l’ho provato personalmente su me stesso non solo nel corso del mio servizio, durante il quale più di una volta mi accadde di aver a che fare con lui, ma anche per il mio ritorno dall’esilio nel 1856.

Allora egli era governatore militare di Mosca e, nonostante la differenza di importanza che c’era tra noi nella società e nonostante la mia precedente disgrazia, mi accolse come un vecchio compagno, mi dette consigli con il cuore per difendermi dalle molte dicerie e antipatie di molte persone e, infine, mi difese dalle false accuse che mi erano state rivolte. Potrei parlare a lungo per esprimere il livello di gratitudine nei confronti di questo, tanto più che molti altri miei contemporanei non fecero lo stesso”.²

Zakrevskij fece una vita lunga e complicata e rimase nella storia non solo come un “persecutore del liberalismo”.

Vorrei concludere la mia relazione con una breve storia che probabilmente dice più sull’eroe della nostra conferenza rispetto alle lunghe digressioni.

Una volta Zakrevskij vide una caricatura che gli aveva fatto un ufficiale di servizio ma non si offese e disse affettuosamente: “Non è niente, disegna pure la mia caricatura”. Con stupore da parte dell’ufficiale, la sua carriera non venne interrotta e nel servizio di turno seguente Zakrevskij chiese interessandosi: “Dunque, ti sei armato delle matite per farmi i ritratti?”.

---

1 Korff Modest ... str.444

2 Volkonskij S. G. Note... str.112-113

Koslov Vladimir Fotievič

*titolare della cattedra di storia regionale ed etnografia
dell'istituto storico-archivistico dell'Università statale russa di
studi umanistici,
dottore in scienze storiche, professore,
Presidente degli etnografi russi e della Società etnografica di
Mosca,
Russia, Mosca*

CONTRIBUTO STORICO DEL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ ALLO SVILUPPO DI MOSCA. 1840–1850

Il conte Arsenij Andreevič Zakrevskij (1783–1865) fu nominato governatore militare di Mosca negli anni dei tumultuosi sconvolgimenti di molti stati europei. Le rivoluzioni invadevano il plurinazionale impero Austro-Ungarico, dove gli ungheresi e gli stati italiani si ribellavano al giogo austriaco. La Francia e gli stati germanici furono territorio di consistenti rivoluzioni sociali. Milioni di europei furono vittime della rivoluzione del 1848-1849. Era chiaro che le autorità della Russia temessero l'Europa rivoltosa. Difficile immaginare cosa ne sarebbe stato dell'Impero russo, con la sua pluralità di nazioni e ordinamenti, se la rivoluzione fosse divampata nel suo territorio. La memoria storica dei russi ha conservato ricordi delle rivolte “cieche e spietate” di S. Razin e E. Pugačëv dei secoli XVII–XVIII. In questo contesto, la nomina alla carica di governatore militare di Mosca di A. A. Zakrevskij, eroe della Guerra patriottica del 1812, valoroso, determinato e dalle idee conservatrici, era totalmente spiegabile e giustificata.

Il conte Zakrevskij divenne padrone assoluto dell'antica capitale della Russia, seconda città dell'Impero russo che, a metà del XIX secolo, contava circa quattrocentomila abitanti. Al tempo a Mosca si trovavano più di 860 imprese industriali: metalmeccaniche, di filatura di panno, lana e seta, mattonifici, imprese chimiche etc. Molte di queste erano localizzate nelle zone centrali e densamente popolate della città e provocavano un forte inquinamento all'ambiente circostante, l'insorgere di incendi e un ammassamento inopportuno dei lavoratori. Furono queste le prime cose a cui prestò attenzione il nuovo eletto governatore, e presto su sua richiesta nel giugno 1849, il Comitato dei ministri vietò la costruzione a Mosca e dintorni di nuove imprese industriali. Queste misure contribuirono notevolmente a migliorare l'ecologia della grande città. Su disposizione di Zakrevskij fu limitato anche l'afflusso a Mosca di lavoratori e iniziò una lotta risoluta alla vita di strada. Nel 1852 il Senato emanò un decreto sulla diminuzione dell'accattonaggio a Mosca. Il conte Zakrevskij era severo con i fabbricanti. Su sua disposizione, nel 1849 venne proposto ai proprietari di manifatture, fabbriche e industrie di emettere il salario in denaro e non in merce, di comunicare anticipatamente ai lavoratori il valore dei prodotti e di non abbassare il salario fino al termine del contratto. Grazie a questa e ad altre innovazioni (tra cui l'istituzione da parte del governatore militare di un Comitato speciale per la supervisione di fabbriche e industrie), diminuirono le tensioni sociali, migliorò la vita dei lavoratori e la città si fece più pulita e meno pericolosa.

Negli anni 1840–1850, Mosca divenne il centro più importante di tutta la Russia per l'industria leggera. Il più grande lanificio di Mosca di E. Gučkov si trovava nel quartiere Lefortovo ed era composto da 22 edifici in cui lavoravano circa tremila persone. Nel quartiere Presnja c'era il cotonificio dei Prokhorovyj mentre a Khamovniki la drapperia dei Ganešinyj.

All'epoca di Zakrevskij, a Mosca si sviluppò anche il sistema di formazione professionale. Nel 1850 in città si contavano 10 scuole tecniche e statali e altrettante scuole industriali. Nel 1855 presso la Società moscovita dell'agricoltura fu aperta una scuola di seticoltura.

Zakrevskij, che amava la severità e l'ordine, concentrò la maggior parte della sua attenzione sull'urbanizzazione della città, sullo sviluppo del commercio e dei trasporti. Durante il suo mandato fu restaurato l'acquedotto di Mytiščì. Negli anni 1840 a Mosca 25 piazze e 16 mercati erano luogo di commercio. I più noti erano Okhotnorjadskij, Smolenskij, Nemetskij e Poljanskij. Le mura del monastero di Ivanovskij ogni 29 agosto ospitavano una enorme fiera che riuniva i mercanti e i compratori provenienti da tutta la provincia di Mosca.

Negli anni 1840–1850 a Mosca si scatenò per due volte un'epidemia di colera, terribile per l'epoca. Lo stesso Zakrevskij, durante il primo anno di gestione delle province, si trovò a combattere con le conseguenze del colera del 1848. Sei anni dopo il colera si abbattè nuovamente su Mosca ma fu fermato con misure drastiche. A metà secolo, a Mosca c'erano 63 ospedali, il più grande dei quali era l'Ospedale militare di Lefortovo che contava 1540 posti letto.

A metà del XIX secolo, un grosso problema per Mosca in quanto maggiore città russa fu quello delle strade e dei mezzi di comunicazione. Negli anni '40 si contavano dodicimila vetture a ruote (varie tipologie di carrozze) e altrettante slitte e mezzi invernali. Iniziarono a spostarsi le diligenze tra Mosca e Nižnyj Novgorod. I primi anni di governatorato di Zakrevskij videro anche la costruzione della prima ferrovia che collegava Mosca con San Pietroburgo, la Capitale del nord. Le autorità di Mosca parteciparono alla decisione del luogo di costruzione dell'edificio della stazione e della dogana della ferrovia Nikolaevskij (arch. K. Ton), delle stazioni e delle linee sul territorio provinciale. La ferrovia principale fu trionfalmente aperta al traffico regolare dei treni il 1° novembre 1851.

Durante i primi anni del governatorato di Zakrevskij, Mosca fu adornata di altri due magnifici edifici. Nel Cremlino, negli anni 1838-1850 su progetto di K. Ton, fu costruito il grande Palazzo del Cremlino con i suoi enormi saloni. Il palazzo divenne la residenza moscovita della famiglia dell'imperatore e luogo di cerimonie di gala. Nel 1851 fu conclusa la costruzione anche dell'edificio museale più grande della Russia, l'Armeria del Cremlino (arch. K. Ton). Sotto Zakrevskij nel 1856 fu ricostruito l'edificio del teatro Bolšoj, che era stato distrutto da un incendio nel 1853. Infine, il conte Zakrevskij, in quanto governatore militare, divenne per la sua carica il presidente della Commissione per la costruzione a Mosca della Cattedrale di Cristo Salvatore. Un'imponente cattedrale, monumento alla vittoria della Guerra patriottica, la cui costruzione ha richiesto 44 anni: dal 1839 al 1883. Fu terminata proprio verso la fine del governatorato di Zakrevskij.

Mosca ortodossa fu arricchita negli anni di A. A. Zakrevskij da due decine di monasteri, chiese parrocchiali e private. Come ornamento della via Tverskaja furono costruiti, tra il 1849 e il 1855, un alto campanile a forma piramidale e la cancellata del monastero Strastnoj. Fu costruita anche la basilica del monastero Alekseevskij. È noto il ruolo attivo di Zakrevskij negli anni 1849-1850 nell'organizzazione degli aiuti per gli ortodossi serbi che vivevano allora sul territorio dell'impero Austro-Ungarico. A causa delle rivolte degli ungheresi furono incendiati o saccheggianti 115 chiese ortodosse. E in Russia fu deciso di organizzare una raccolta di fondi. Su appello di A. A. Zakrevskij, sottoscritto per un breve periodo dai moscoviti, furono raccolti soldi, suppellettili delle chiese, icone, testi liturgici e mandati ai serbi della medesima religione.

Non siamo a conoscenza dei gusti artistici e delle preferenze del conte riguardo all'architettura, ma nel periodo in cui fu alle dirigenze di Mosca si costruirono edifici e chiese in stile russo o russo-bizantino.

Mosca ai tempi del conte Zakrevskij era una città dall'alta cultura spirituale e capitale dell'intellettualità russa. Nel 1849 a Mosca si contavano 4 ginnasi maschili statali e circa 30 istituti didattici. All'Università di Mosca, fulcro dell'istruzione

rusa, nel 1848 studiavano 1168 persone. In questa Università tra l'altro insegnava storia generale il talentuoso allievo dello storico T. N. Granovskij, P. N. Kudrjavtsev, che nel 1850 scrisse la sua grande opera "Il destino dell'Italia dalla caduta dell'Impero Romano occidentale alla sua ricostituzione da parte di Carlo Magno".

Furono molti i noti moscoviti contemporanei a Zakrevskij: la figura spirituale del Metropolita Filarete (Drozdov), gli attori del Piccolo teatro M. Ščepkin e P. M. Sadovskij, il compositore A. A. Aljab'ev, l'attore V. A. Tropinin, gli scrittori V. A. Žukovskij, N. V. Gogol', A. S. Khomjakov, K. S. Aksakov, I. V. e P. V. Kireevskij, il drammaturgo A. N. Ostrovskij, lo storico M. P. Pogodin, il filantropo e "santo" medico F. Haass etc. Zakrevskij amava le opere di A. N. Ostrovskij. Nel 1853 assistette alla prima di "Non ti sedere sulla slitta altrui" al Piccolo teatro. Nel 1852 fu presente ai funerali di N. V. Gogol'. E nonostante il rapporto della parte di intelligenza artistica con la personalità del generale severo e rigido fosse tutt'altro che semplice, nei difficili anni 1840-1850 la cultura moscovita ebbe un fervido sviluppo. Particolare attenzione Zakrevskij la prestò al rafforzamento nel popolo della memoria della Guerra patriottica del 1812, alla quale egli prese attivamente parte. (A questo tema sarà dedicata la relazione della mia collega N. M. Polunina) Il conte, in quanto veterano e vero ufficiale russo, prese molto a cuore le avversità e le difficoltà sorte a Mosca dalla guerra di Crimea. Durante gli anni 1853-1855, le autorità di Mosca organizzarono una raccolta di donazioni per i bisogni dell'esercito. Nel gennaio 1854 dall'edificio del Maneggio i moscoviti fecero partire per la guerra in Crimea i reggimenti di Vladimir, Suzdal', Uglič e altri. A Mosca e nella provincia di Mosca tra il 1853 e il 1855 furono creati 12 gruppi di reclutamento e si formarono delle squadre di milizie popolari. La guerra richiedeva dalla società civile moscovita delle ingenti somme di denaro. La città organizzava delle offerte per tutte le squadre militari che la attraversavano.

La difesa eroica di Sebastopoli attirò l'attenzione di tutti i moscoviti. Ne piansero anche gli eroi avendo saputo alla fine di agosto 1855 dell'abbandono di Sebastopoli da parte delle nostre truppe. Su proposta di Zakrevskij a Mosca furono invitati gli equipaggi navali militari e i moscoviti cercarono di dimostrare la tradizione della loro ospitalità e accoglienza. Migliaia di cittadini incontrarono con esultanza gli eroi di Sebastopoli. E il conte Zakrevskij organizzò un pranzo nella residenza del governatore militare. Tutte le spese per il trasferimento e il supporto degli eroi di Sebastopoli vennero sostenute dai noti imprenditori e mecenati moscoviti V. A. Kokorev e K. T. Soldatenkov.

Nel 1855 muore l'Imperatore Nicola I, sostenitore di Zakrevskij. Il conte prende parte all'organizzazione dell'incoronazione solenne del nuovo imperatore Alessandro II. Ai contemporanei rimasero nella memoria la cerimonia del Cremlino, la festa popolare e la luminaria della città. La preparazione alle riforme che era iniziata non era gradita a Zakrevskij. Questo lo aveva capito anche il nuovo imperatore liberale. E dopo 11 anni al servizio nella Capitale, il conte A. A. Zakrevskij fu ritirato dal servizio. Ebbe inizio una nuova epoca del governo di Mosca.

Bibliografia:

1. Moskovskij vedomost'. 1849–1859
2. Istoričeskij vestnik. 1885. №6.
3. Sbornik Imperatorskogo russkogo istoričeskogo obshestva, T.73. SPb, 1890.
4. Istorija Moskvvy. V 6, t. T.3-4. Moskva, 1954.
5. Baljazin V. N. Imperatorskie namestniki pervoprestolnoi. 1709–1917. Mosca, 2000.
6. Kozlov V. F. Moskva - Serbii. Iz istorii russko-serbskih sviazei XVII - nachal XX v. Moskva, 2001.
7. Moskovskaja vlast'. Upravlenie Moskvvoi v XII-XVII: Istoriko-biograficheskij spravocchnik / Avtory. K. A. Aver'janov, A. V. Karandeev, I. N. Mukhin, E. N. Mukhina. Mosca, 2010.
8. Vas'kin A. A. "Serdse russkoe, tverdst' anglijskaja, a akkuratnost' nemetskaja...". O vidnom gosudarstvennom dejatele Rossii grafe Arsenij Andreevič Zakrevskij (1783–1865) // Moskovskij Žurnal. 2013. №10.
9. Polunina N. M. Vo glave pervoprestolnoi. Pervye litsa moskovskoj vlasti za tri veka. 709–2009. Mosca, 2013.

Polunina Nadežda Mikhailovna

*storico, ricercatrice del Museo Storico Statale,
Russia, Mosca*

VILLA PADRONALE “STUDENETS” DEL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ - MONUMENTO ALLA GUERRA PATRIOTTICA DEL 1812

La Guerra Patriottica del 1812 ha lasciato una traccia indelebile nella storia della Russia. Secondo l'opinione di alcuni storici, bisogna considerare le guerre napoleoniche al pari della Prima guerra mondiale, poiché fu coinvolta l'intera Europa, si protrassero per lunghi anni durante i quali furono distrutte centinaia di città e centri abitati e arrecarono innumerevoli sofferenze alla popolazione. Contro la Russia intervenne tutta l'Europa continentale e, sebbene era stata costituita una coalizione anti-napoleonica, al soldato russo toccarono in sorte la maggior parte delle tribolazioni. L'esercito russo diede prova di un'eccezionale resistenza, coraggio ed elevato spirito combattivo. Nella primavera del 1814 le truppe russe conquistarono Parigi e, ricoperte di gloria, fecero ritorno in patria. Il trionfo della Russia nella vittoria contro Napoleone è immortalato da diversi ed innumerevoli monumenti.

Mosca, alle porte della quale ebbe luogo la sanguinosa battaglia di Borodino e sopravvisse all'incursione e alla profanazione della città da parte delle truppe occupanti, fece molti sforzi per la commemorazione dell'impresa gloriosa dell'esercito-liberatore e dei suoi comandanti. Fra questi monumenti ce ne sono alcuni molto famosi, come ad esempio l'Arco di Trionfo, l'edificio del Maneggio, il Giardino di Alessandro e la grotta «Rovine», il ponte di Borodino, i monumenti scultorei dedicati a Mikhail Illarionovič Kutuzov e Pjotr Ivanovič Bagration, oltre alla maestosa Cattedrale di Cristo Salvatore situata sulle rive del fiume Moscova. Elencando i monumenti dedicati alla guerra del 1812 ne dimentichiamo ancora uno eretto da un privato sulla sua proprietà e a proprie spese, ovvero il memoriale costruito da Arsenij Andreevič Zakrevskij. Purtroppo, i monumenti di questo memoriale, ad esclusione di una piccola parte, sono andati distrutti con il passare del tempo. Tuttavia, si è conservato il luogo e dei singoli frammenti del memoriale che fanno sperare nella ricostruzione dei preziosi resti di uno tra i più modesti, ma anche tra i più commoventi monumenti di Mosca dedicati a quest'importante avvenimento.

Ma prima di porre la questione della ricostruzione del memoriale è necessario fornire l'informazione autentica su di esso per rispondere a queste domande: in che anni fu costruito il memoriale nella villa padronale Studenets, quali monumenti includeva, quali architetti e scultori presero parte alla sua creazione, quali furono i motivi che incentivarono la creazione del memoriale nella tenuta privata. Attualmente i materiali studiati non consentono di rispondere in maniera soddisfacente a tutte le domande poste, ma permettono di fare alcune supposizioni.

Le informazioni sui monumenti della villa Studenets si trovano prima di tutto nelle opere sulla storia dell'architettura di Mosca. Purtroppo, nella letteratura dedicata alla vita e all'attività di Zakrevskij, simile materiale è molto scarso. Nella letteratura etnografica su Mosca si possono trovare informazioni sulla tenuta Studenets, tuttavia esse sono spesso discordanti e non di rado sono ricche di dettagli di fantasia, come la notizia secondo cui nel parco era stato seppellito il cavallo di Zakrevskij, sulla tomba del quale l'inconsolabile padrone aveva fatto costruire un padiglione funerario con al centro una stele decorata dal profilo di Diana cacciatrice.

Il ruscello Studenets ha dato il nome alla villa padronale ed all'omonimo pozzo, ancora noto nel XIV secolo in tutta Mosca per la sua magnifica acqua. Fra tutte le questioni non ancora risolte dai ricercatori, la più incomprensibile riguarda i motivi che hanno incentivato la costruzione del memoriale nella tenuta privata. Le cause sono da ricercare non solo nella tradizione esistente all'epoca di costruire memoriali nelle tenute russe, ma anche nella biografia personale di Zakrevskij (servizio di ufficiale militare) e nei tratti peculiari del suo carattere (profondo amore per la patria). Arsenij Andreevič Zakrevskij (1786–1865) partecipò a tutte le guerre e a tutte le grandi battaglie che la Russia condusse tra il 1805 ed il 1814. Due volte rimase ferito e contuso; nella battaglia di Austerlitz salvò dalla prigionia il comandante del reggimento il generale N. M. Kamenskij; trascorse tutto il periodo della Guerra patria del 1812 e delle campagne estere del 1813-1814 al fianco dell'esercito russo; prese parte alla battaglia campale di Borodino. All'età di 30 anni ottenne il titolo onorifico di generale aiutante dell'imperatore Alessandro I. A coronamento della carriera militare il ritratto del generale Zakrevskij si trova nella Galleria militare del Palazzo d'Inverno di San Pietroburgo fra i ritratti dei valorosi eroi della Guerra patria. Zakrevskij fu un patriota ardente, uomo per natura onesto e disinteressato. Il bene della Patria era molto importante per lui e lo ha ripetutamente dimostrato nel servizio civile e militare. «Servire la patria» fu il principale leitmotiv della sua vita. Il suo innato e riconoscente ricordo andò a coloro con cui gli capitò di sopportare assieme il peso del percorso militare e a coloro con i quali lo accomunava la vicinanza delle idee. «Il cuore grato» è idoneo alla costruzione dei memoriali!

La costruzione di monumenti dedicati a diversi avvenimenti o in ricordo di singole personalità era tipica della cultura padronale del XVII-XIX secolo e Zakrevskij era a conoscenza di questa tradizione poiché frequentava le tenute degli amici. I primi memoriali del XVII secolo nelle tenute nei dintorni di Mosca erano dei templi, conformemente alla tradizione antica russa, dall'inizio del XVIII secolo, all'epoca dell'imperatore Pietro il Grande, la tradizione cambiò avendo adottato dall'Occidente la consuetudine di celebrare le vittorie con delle costruzioni mondane come monumenti piramidali, obelischi, colonne e sculture allegoriche. Sotto la guida dell'imperatrice Caterina II, a seguito della vittoriosa guerra russo-turca del 1768-1774 che aprì alla Russia uno sbocco sul Mar nero, molti monumenti furono eretti nelle ville padronali alla periferia di Mosca. Lo stesso accadde dopo la vittoria dell'armata russa su «le dodici lingue».

Gli studi dei monumenti della Guerra patria del 1812 mostrano che nella tenuta Studenets venne costruito uno tra i più originali memoriali. La sua descrizione fu fatta dai contemporanei di Zakrevskij, ovvero da suoi conoscenti che visitarono più di una volta la villa padronale, Fedor Fedorovič Vigel' (1786-1856) e Aleksandr Jakovlevič Bulgakov (1781-1863).

Secondo le memorie di F. F. Vigel' risalenti al 1828, Studenets all'epoca acquistò grande fama fra gli abitanti di Mosca e lui stesso vi si recava quasi ogni domenica: «Tutti gli altri porticati erano abbandonati, si spopolavano. Il nuovo proprietario effettivamente aveva abbellito bene questo posto: dal grande cancello partiva un dritto, lungo e largo viale per le carrozze affiancato da due stretti viali pedonali laterali che conducevano fino alla casa principale al di sopra dello stesso fiume. Su entrambe i lati di questo viale c'erano tre isole quadrangolari ugualmente grandi divise l'una dall'altra da fossati riempiti con limpida acqua corrente e collegati da ponti di legno. Ognuna di queste isole era dedicata alla memoria di un eroe alle cui dipendenze aveva servito Zakrevskij: Kamenskij, Barklai, Volkonskij e altri. Al centro di ognuna, tra i folti alberi, si trovava un tempietto o un monumento intitolato ai militi: straordinaria la proporzione del nuovo stile che ricorda qualcosa del fronte. La stessa meticolosità con la quale tutto è stato disposto è come se fosse stata presa in prestito dagli abitati militari di Arakčeev».

Ulteriori informazioni sul memoriale si possono estrapolare dalla corrispondenza dei fratelli Bulgakov. Aleksandr Jakovlevič scriveva regolarmente da Mosca a Pietroburgo al fratello Konstantin Jakovlevič (1782-1835). Ecco le citazioni delle lettere dal 1826 al 1829:

2 luglio 1826: «Ti scrivo queste righe dalla casa di Zakrevskij. Non mi lasciano scrivere, prima entra uno, poi un altro e Zakrevskij chiama in giardino. La sera è splendidamente tranquilla. Questo giardino è proprio Venezia, mis en jardin [fattasi giardino – N. P.]; su di un'isola c'è un glorioso monumento al principe Volkonskij con l'iscrizione “Al principe P. M. Volkonskij in segno della mia amicizia e del mio rispetto”. Che tipo questo Zakrevskij! C'è un monumento al conte N. M. Kamenskij, ma non l'ho visto, non ho ancora visitato tutto il giardino».

Anno 1828: «Il conte Fedor Andreevič [Tolstoj, padre della moglie di Zakrevskij, Agrafena Fedorovna – N. P.] mi ha mostrato la casa; è stata rifinita bene, ad esempio è affrescata perché i mobili ancora non ci sono, eccetto i libri nello studio di A. A. [Zakrevskij – N. P.] dal quale c'è una vista stupenda. Questa casa sarebbe bello averla nel centro della capitale, è ben disposta, spaziosa e tutti ne ammirano l'ordine».

8 luglio 1829: «Pare che oggi sia partito di buon ora alla volta del caro Zakrevskij, ma sono tornato a casa tardi. Mi sono presentato in dacia alle 8 e mi hanno detto che lui dormiva, così ho iniziato a vagare per il meraviglioso giardino, absolutment Venise en jardin [assolutamente Venezia fatta giardino – N. P.], ho visto tutto e sono contento che dopo il decotto [infuso di erbe medicinali – N. P.] ho passeggiato molto ... Zakrevskij in persona mi ha mostrato tutto, mi ha persino portato alla fucina ed in cantina! Dopo aver camminato ancora per il giardino, mi ha condotto sull'isola Lidin in onore della figlia e lì ha piantato per me un castagno, lui stesso ha scavato la buca ... Come se non bastasse la casa, la classe, la pulizia, la simpatia, il gusto ed il fascino!!!».

Le testimonianze riportate dimostrano che il memoriale era disposto su sei isole artificiali, su ognuna delle quali erano situati i monumenti, tra cui c'erano i busti di personaggi noti alla storia della Russia alle cui dipendenze Zakrevskij aveva prestato servizio. Fra loro ricordiamo il principe generale feldmaresciallo Mikhail Borisovič Barklaj de Tolli (1761-1818); il chiarissimo principe e generale di fanteria Pjotr Mikhailovič Volkonskij (1776-1852) ed il conte generale di fanteria Nikolaj Mikhailovič Kamenskij (1776-1811).

Per ultimo Zakrevskij innalzò il monumento nella tenuta di Ivanovskoe nei pressi di Podol'sk. Il prosatore Boleslav Mikhailovič Markevič, che in gioventù aveva prestato servizio nella cancelleria del generale governatore, scrisse in seguito: «al primo suo superiore da tempo deceduto, che lo aveva tirato fuori dalle oscure file militari avviando la sua carriera, eresse nel giardino del suo amato potere proprio sotto le finestre del suo ufficio un monumento di bronzo con l'iscrizione: “Al mio benefattore”».

E' altresì noto che nella tenuta Studenects si trovava un busto dedicato allo statista generale di fanteria Aleksej Petrovič Ermolov (1777-1861), con il quale Zakrevskij condivideva le opinioni sulla storia del paese e sul suo stato attuale. Probabilmente i monumenti non avevano un «nome» oltre alla loro denominazione. Come si nota dalla corrispondenza, una delle isole il proprietario l'aveva dedicata a sua figlia Lidia, nata nel 1823. Ma da che cosa era occupata la sesta isola?

E' possibile che su di essa si trovasse il monumento, conservatosi sino ai giorni nostri e noto come Colonna toscana. A suo tempo la colonna bianca di ordine toscano con base cubica e rivestita di pietra calcarea era decorata: sullo zoccolo c'erano due intagli avviticchiati da nastri e spade di pietra bianca, sul basamento si trovavano ghirlande di pietra con foglie di lauro e sulla cima della colonna era raffigurato un angelo con una spada. La colonna si è conservata e attualmente si trova sull'isola ma è molto danneggiata.

Nel giardino della tenuta si trovava anche un altro monumento che figura nelle piantine come «Padiglione di pietra nel giardino». Molto importanti per ricostruire la storia della villa padronale sono le piantine conservate nei fascicoli «di proprietà E. I. V. della cancelleria secondo le istituzioni dell'imperatrice Maria» e certificate dal sigillo. E' possibile che sia proprio questo padiglione che F. F. Vigel' chiamava “tempietto”. Di questo padiglione non rimane niente, ma nel 1904 la costruzione esisteva ancora e ce ne dà la prova una fotografia pubblicata sul giornale «Mir

Isskustva» (Il Mondo dell'arte). Sarà forse questo il padiglione che era stato successivamente identificato come il «sepolcro» del cavallo di Zakrevskij?

Pertanto il memoriale poteva esser costituito da quattro busti e dalla Colonna toscana collocati sulle isole, a cui si aggiungeva il padiglione di pietra situato in giardino. Attualmente nel parco si sono conservate altre due costruzioni che per la loro architettura fanno anch'esse parte del memoriale. Il padiglione di pietra eretto sul pozzo è stato costruito a forma di ottaedro in stile impero, più stretto in alto e sormontato da una cupola. Le pareti del padiglione erano state rifinite nello stile tipico dell'epoca dell'imperatore romano Augusto. I canali sulle quattro facciate erano stati realizzati a forma di maschere leonine. La forma ottagonale è detta in latino «ottagono», per questo il padiglione del pozzo è passato alla storia con questo nome. Seppur privato delle grandezze del passato (non ci sono più le maschere leonine e la cupola) e spostato dal suo luogo originario e persino ruotato di 90 gradi, cionondimeno l'Ottagono è molto significativo.

In stile antico erano stati costruiti i cancelli d'entrata principali, decorati con semifigure di soldati in armatura. I cancelli non sono andati perduti, anzi, sono stati ristrutturati nel 1990 per conservarne i tratti peculiari, e testimoniano l'antico splendore della tenuta commemorativa.

Adesso che le caratteristiche principali del memoriale sono state descritte, ci occuperemo del suo creatore. Gli storici dell'architettura sono concordi nel supporre che la casa padronale di Studenets sia stata realizzata su commissione di Zakrevskij dall'architetto Domenico Giliardi (1785-1845), celebre architetto moscovita di origine svizzera che operò nella prima capitale (Mosca) dal 1813 al 1832, prediligendo per le sue costruzioni lo stile impero italiano. Per la realizzazione della maggior parte dei suoi progetti, l'architetto si avvale della collaborazione del suo allievo Afanasij Grigor'evič Grigor'ev (1782-1868). Con ogni probabilità Giliardi e Grigor'ev progettaron il parco, i canali, le isole con gli elementi celebrativi ed il cancello principale, mentre è tuttora ignoto chi sia stato lo scultore dei busti di Studenets.

La tenuta appartenne a Zakrevskij dalla fine del 1818, che la ottenne come dote dalla moglie e la possedette per non più di 16 anni. Si può supporre che i lavori di ristrutturazione della tenuta iniziarono all'indomani dell'ottenimento dei diritti di proprietà da parte di Zakrevskij. Nel 1826 il memoriale esisteva ancora ed egli amava mostrarlo ai suoi ospiti, ma nel 1834 la tenuta passò in altre mani.

Nel 1831 Zakrevskij rassegnò le dimissioni e forse questo evento segnò il destino della casa di campagna: il proprietario decise di separarsi dalla tenuta di Studenets, il cui mantenimento richiedeva non poche risorse. Dalla corrispondenza dei fratelli Bulgakov del settembre 1832 apprendiamo sulla vendita della villa padronale quanto segue: «Tanti auguri di cuore a Zakrevskij per questa vendita felice. Dio gli ha aiutato. Spendendo la somma di 400 mila rubli, persino un riccone come Demidov vuole avere la dacia secondo il suo gusto e non secondo quello di qualcun altro. Ciò che piace a Zakrevskij può darsi che non piaccia a Demidov, per esempio, i monumenti a Kamenskij, Volkonskij e Ermolov sono cari al cuore del grato e affezionato Zakrevskij, ma può essere che Demidov li rimuova ... Sono estremamente felice che Zakrevskij abbia venduto così bene la dacia che gli avrebbe fatto spendere ancora tanto».

Chi divenne proprietario della villa padronale e del suo complesso commemorativo?

Essa fu acquistata dal noto mecenate e benefattore Pavel Nicolaevič Demidov (1798-1840). Nella storia divenne famosa l'istituzione del premio di Demidov, che era consegnato dall'Accademia delle scienze; egli fu noto anche a Pietroburgo in qualità di benefattore per aver costruito una casa di cura per i lavoratori ed il primo ospedale per i bambini in tutta la Russia. Demidov acquistò la tenuta di Studenets non per andarci a vivere, bensì per compiere l'ennesimo atto di beneficenza, all'inizio del 1834, infatti, egli donò la villa padronale allo stato. Contrariamente alle preoccupazioni di A. Ja. Bulgakov, Demidov non distrusse il memoriale costruito da Zakrevskij anzi, non è escluso che egli acquistò la tenuta proprio a causa di esso per offrirlo allo stato. Purtroppo, però, il destino successivo della villa padronale e del memoriale fu ben triste.

La villa fu ceduta come opera di beneficenza al Dicastero dell'imperatrice Maria Fedorovna, che era presieduto dalla moglie dell'imperatore Nicola I, Aleksandra Fedorovna. Nel 1835 l'imperatrice concesse l'autorizzazione alla Società degli amanti del giardinaggio di aprire nella villa una scuola di cultura «con lo scopo di formare degli ottimi giardinieri». La scuola di giardinaggio del Dicastero dell'imperatrice Maria Fedorovna, come si chiamava ufficialmente, rimase attiva fino al 1917 e provvide alla formazione di non pochi esperti giardinieri che lavorarono in tutta la Russia.

Lo stesso parco in tutti quegli anni era rimasto, così come in passato, il posto delle passeggiate del pubblico moscovita, sebbene nessuno si preoccupò del memoriale, così come è stato dimostrato. Nel 1904 le sue costruzioni furono semidistrutte, ma i busti erano già spariti, così che nell'articolo illustrativo pubblicato in quell'anno sul giornale «Mir iskusstva» (Il mondo dell'arte) e relativo alla cultura di «Studenets», sono stati indicati solo due monumenti: l'Ottagono ed il «padiglione di pietra nel giardino».

Nel 1932 l'ex villa padronale Studenets fu proclamata parco della cultura e del riposo «Krasnaja Presnja» e così da allora. Nel 1941 all'epoca dell'offensiva fascista alla città di Mosca, il parco fu vittima di un'esplosione che danneggiò la Colonna toscana, la quale fu però ricostruita nel 1960 ma senza iscrizioni. Si può supporre che il testo dell'iscrizione non si sia conservato.

Attualmente si considera il parco, con la sua superficie di 16,5 ettari, monumento dell'arte di parchi e giardini (decisione del Comitato esecutivo della città di Mosca del 2 gennaio 1979, articolo 3, comma 18.3). Il suo fondamentale valore è costituito dalla singolare pianificazione del parco, dal sistema dei canali e dalla conservazione degli alberi secolari. Ogni anno più di 500 mila moscoviti visitano il parco che è tra i più antichi della capitale. Da qualche anno ai parchi di Mosca si dedica molta più attenzione e si vuol sperare che arrivi anche l'ora che ricostruiscano nel parco il complesso commemorativo in ricordo della Guerra patria del 1812, eretto dall'illustre uomo russo Arsenij Andreevič Zakrevskij.

Bibliografia:

- Veleckaja E. A., Pokrovskaja Z. K., D. I. Giliardi. M.: Moskovskij rabočij, 1980.
- Bulgakov A. Ja., Bulgakov K. Ja. Pis'ma: V 3 t., M.: Zaharov, 2010.
- Vigel' F. F., Zapiski, M.: Zaharov, 2000, pp.523-527, 548, 550-551.
- Markevič B. M. Četvert' veka nazad. Pravdivaja istorija. //On že, Poln. Sobr. Coč.: V 11 t. M.: Izdanie Sablina, 1912, t.4, pp. 195-196.
- Moskva sto let nazad. Spravočnik po istorii gorodskogo upravljenja. M.:Izd-vo ob"edinenija «Mosgorarhiv», 1997, p.138.
- Pamjatniki arhitektury Moskvy. Okrestnosti staroj Moskvy (sever I severo-zapad). M.:2004.
- Polunina N. M.Vo glave Pervoprestol'noj. Pervye lica moskovskoj vlasti z atri veka. 1709-2009. Illjustrirovannyj istoriko-biografičeskij slovar'. M.: OOO «VITO», 2013. PP. 262–273.
- Poljakova G. A., Putnikov V. A.Parki Moskvy: ekologija i florističeskaja karakteristika. M.:GEOS, 2000. pp. 161–163.
- Studeneckaja škola cadovodstva // Mir iskusstva. 1904. № 7.
- Šilov D. N.Gosudarstvennye dejateli rossijskoj imperii.1802-1917. Biografičeskij spravočnik. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2001. Pp. 276–279.
- Černjavskaja E. N. Memorial'nie ob"ekty v sostave podmoskovnyh usadeb:istoriko-tipologičeskij analiz// Russkaja usad'ba: Sb. Ob-va izučenija russoj usad'by. Vyp. 5 (21). M., 1998. pp. 72-79.
- Pfister Alessandra, Angelini Piervaleriano. Gli architetti Gilardi a Mosca. La raccolta dei disegni conservati in Ticino. Mendrisio Academy Press. Mendrisio, 2007.

Tarkhanova Tamara Aleksandrovna

*dottore in scienze pedagogiche,
direttrice del Museo federale russo di formazione
professionale,
Russia, Podol'sk*

IL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ - PROPRIETARIO DELLA RESIDENZA “IVANOVSKOE” NEI PRESSI DI MOSCA

Il nome del conte Zakrevskij è strettamente legato a due luoghi storici: la residenza “Ivanovskoe” in Russia e la villa Galceto in Italia, dove egli trascorse gli ultimi anni della sua vita.

“Ivanovskoe” fu ereditata dalla consorte del conte Zakrevskij, Agrafena Fedorovna Zakrevskaja, figlia di Fedor Andreevič Tolstoj – senatore, noto bibliofilo e collezionista –, ed era la tenuta più vicina a Mosca tra quelle di sua proprietà.

La residenza si trovava nei pressi della città di Podol'sk sulla pittoresca riva del fiume Pahra.

La villa padronale deve la sua fama al padre di Agrafena, il conte Fedor Alekseevič Tolstoj, ma lo sviluppo della vita padronale di Ivanovskoe è legato alla famiglia Zakrevskij.

La tenuta con l'enorme casa padronale, il parco e le costruzioni di servizio (dependances) occupava all'incirca 200 desjatine di terra (antica misura di superficie russa pari a 1,09 ettari), senza contare le fattorie distanti e le case coloniche. Nel settembre del 1821 nella vita dei Zakrevskij ebbero luogo due avvenimenti importanti legati alla tenuta nei pressi di Mosca. In onore del trentesimo anniversario del servizio militare del suo amico, il generale Ermolov (Aleksej Petrovič), Zakrevskij diede un grandioso ballo con la partecipazione dell'orchestra militare, le cannonate ed i fuochi artificiali. Il secondo evento fu la morte della madre di Agrafena Fedorovna, Stepanida Alekseevna Tolstoj (Durasova). Nel novembre del 1821 il podere di Ivanovskoe venne definitivamente affidato dai Tolstoj alle cure della figlia e del genero, e ciò diede a Zakrevskij la possibilità di eseguire grandi ristrutturazioni nella tenuta di Podol'sk.

La fondamentale miglioria di Ivanovskoe ebbe inizio presumibilmente attorno agli anni '40 del XIX secolo e proseguì fino agli anni '50, quando il conte occupò il posto di generale-governatore della città di Mosca. La radicale ricostruzione interessò la parte centrale della casa principale dove venne costruito il terzo piano e per gli interni furono acquistate rifiniture in stile impero. Sul frontone della facciata dell'edificio principale fu apposto lo stemma dei Tolstoj-Zakrevskij. Alle dependances fu aggiunto un secondo piano e furono unite alla casa principale da un passaggio di un piano, oltre alla costruzione di una cappella di famiglia e di un teatro. Secondo le memorie di Jurij Bahrušin dal bagno personale della contessa partiva un passaggio sotterraneo che portava direttamente al fiume Pahra e conduceva ad una grotta di pietra. In segno di rispetto al primo comandante generale Nikolaj Mihajlovič Kamenskij, che era stato salvato da Zakrevskij all'epoca della battaglia di Austerlitz, il conte eresse nel parco della tenuta un sarcofago di marmo con l'iscrizione «Al conte N. M. Kamenskij, mio benefattore».

Dietro il padiglione del giardino fu tracciato il frutteto e furono costruite delle serre di pietra per gli aranceti. All'entrata del cortile principale furono installati dei propilei in stile impero e un recinto di pietra con inferriate di metallo, e fu così che il complesso padronale acquistò un unico stile armonico.

L'edificio principale della residenza ed il padiglione in giardino conservano lo stesso aspetto ancora oggi, mentre, purtroppo, i lavori di ristrutturazione della serra di melangolo (chinotto) furono interrotti negli anni 90 del XX secolo in concomitanza al collasso dell'Unione Sovietica ed alla conseguente sospensione del loro finanziamento.

Gli interni della residenza al tempo degli Zakrevskij erano molto sfarzosi, oltre al costoso mobilio, ai tappeti, agli oggetti artistici ed al vasellame, infatti, il conte mise insieme una vasta biblioteca che, dopo la morte di Zakrevskij, fu trasportata a Mosca e messa in vendita, cosicché la rinomata collezione fu smembrata e finì in numerose collezioni private. A noi è giunto solamente il

catalogo composto da 193 pagine nelle quali è inclusa la denominazione di 1540 dei tremila tomi. La biblioteca padronale rispecchiava i molteplici interessi del suo proprietario ed era composta da pubblicazioni di tematica militare, di marineria e persino di medicina, specialmente in relazione alla lotta al colera.

Arsenij Andreevič non si limitò a ricostruire la tenuta, ma assunse un ruolo attivo nella riorganizzazione del villaggio di Ivanovskoe dove si contavano 15 case coloniche abitate da 140 contadini servi della gleba, oltre all'attività di una fabbrica di panno nella quale lavoravano 313 persone. La fabbrica era stata costruita dai contadini del villaggio di Ivanovskoe e produceva panno per l'esercito e la flotta, qui vi lavoravano non solo i servi della gleba di Ivanovskoe, ma anche quelli del villaggio di Kutuzovskij, parte dei quali appartenevano anch'essi a Zakrevskij. La fabbrica era dotata di una macchina a vapore, sette apparati, sei incannatrici e numerose altre macchine.

Zakrevskij dedicava molta attenzione alla vita dei contadini: costruì per loro una scuola, un ospedale e si adoperò molto affinché non si ubriacassero. I contadini di Zakrevskij vivevano in piccole case dotate di tre finestrelle, ugualmente costruite per tutti, ricoperte di ferro e dipinte di giallo. Il villaggio era pulito le case erano doppiamente circondate da siepi e recinti. La lunga strada del villaggio era lastricata e adornata di alberi, mentre per il conte era stato costruito un dritto viale che conduceva fino alla strada maestra, affinché egli non vedesse cosa facevano i suoi mužiki. Di notte non era possibile raggiungere il villaggio. I contadini non erano ridotti in miseria e si sentivano protetti dal padrone. Addirittura il villaggio di Ivanovskoe era decantato in tutto il distretto. Il giornalista moscovita ed etnografo del XIX secolo Aleksej Jarcev descrive così la vita della tenuta: « ... Ivanovskoe ... era prospero, lì vivevano felici non solo nella casa signorile, ma anche nel villaggio, strettamente collegato alla villa padronale ... I contadini di Ivanovskoe, come raccontano gli anziani, incontravano sempre con felicità la famiglia del conte. I mužiki erano riverenti con il signore e gli offrivano pane e sale, mentre le contadine offrivano altri doni provenienti dalla campagna. Il conte accettava con benevolenza i doni e li ricopriva di offerte pecuniarie, offrendo talora anche cento rubli. In estate non di rado il conte visitava il villaggio, sbirciava nelle isbe e si interessava dell'economia domestica: quando trovava una isba pulita si congratulava molto con la laboriosa padrona di casa per l'ordine, mentre sgridava i negligenti.»

La residenza di Ivanovskoe era celebre per i suoi grandiosi balli e banchetti. Qui amavano recarsi i compagni d'arme di Zakrevskij, i generali Davydov, Ermolov e Orlov. Le feste, la caccia, le rappresentazioni teatrali e le serate musicali passavano sempre allegramente ed erano molto sontuose. L'anima del divertimento era la contessa Agrafena Fedorovna. Era lei l'organizzatrice di spettacoli casalinghi nei quali lei stessa recitava ed ai quali erano invitati a partecipare dilettanti dell'aristocrazia moscovita: il signor Novosil'cev, il principe Obolenskij, Golicyn, Dolgorukov e la talentuosa principessa Ščerbatova. Zakrevskij amava in particolare quando il principe Abamelik si cimentava nella rappresentazione dello stesso Arsenij Andreevič. «Il conte rideva fino alle lacrime e confessava sinceramente che la rappresentazione era verosimile».

Negli anni 50, quando i Zakrevskij furono invitati dagli artisti moscoviti e dal regista del Malyj Teatr, la fama del teatro domestico di Ivanovskoe era giunta fino al teatro di Mosca. Agli spettacoli del teatro della residenza si incontrava «tutta Mosca» ed era possibile anche incontrare i poeti Denis Davidov e Pjotr Vjazemskij. A Ivanovskoe si recarono anche i Gran Principi Nikolaj Nikolaevič (il futuro Nicola II) e Mikhajl Nikolaevič. In onore della visita dei membri della famiglia imperiale venne organizzata una festa con un gran programma che includeva il pranzo, una rappresentazione teatrale, un ballo, la cena, le luminarie ed i fuochi d'artificio. In tale occasione venne rappresentato il vaudeville di una piece teatrale del principe A. A. Šahovskij «Il poeta cosacco», messo in scena dal regista del Malyj Teatr (Piccolo Teatro) Sergej Solov'evyč. Lo spettacolo ebbe un così gran successo che venne ripetuto a Mosca nella casa del generale governatore militare Zakrevskij. I proventi ricavati dallo spettacolo furono devoluti dagli organizzatori al ricovero infantile di Mosca, la cui principale organizzatrice fu Agrafena Fedorovna Zakrevskaja.

Mi piacerebbe indirizzare la Vostra attenzione sul fatto che la vita padronale del conte non era confinata nei limiti della stessa tenuta.

Zakrevskij compì anche molte buone azioni per lo sviluppo della città di Podol'sk. «Nel 1851, con il supporto dell'attuale governatore generale conte Arsenij Andreevič Zakrevskij, la città fu abbellita da numerose abitazioni di pietra, da un bellissimo parco dotato di numerosi divertimenti e, durante l'estate, in giorni prestabiliti si suonava dell'ottima musica, veniva allestita una piccola galleria per le danze e si riunivano gli abitanti della cittadina, i proprietari terrieri dei dintorni e da Mosca si marciava in fila per alleggerire il lungo viaggio di quanti desideravano visitare Podol'sk», con queste parole descriveva Podol'sk Karl Nistrem nell'«Indice dei paesi e degli abitanti del distretto del governatorato di Mosca». Nel novembre del 1852 il generale governatore di Mosca Arsenij Andreevič Zakrevskij ordinò di inviare il celebre architetto moscovita Mikhajl Bykovskij a Podol'sk per esaminare i danni della Chiesa della Resurrezione affinché gli facesse un rapporto sulla situazione.

Zakrevskij si prese cura anche del vicino villaggio di Dubrovitsy nel distretto di Podol'sk (oggi divenuto una cittadina), l'abbellimento del quale da allora si manifesta nella meravigliosa bellezza della cattedrale della Beata Vergine del Segno, simbolo dell'epoca petrina. Nel settembre del 1850 a Dubrovitsy arrivarono, accompagnati dal conte Zakrevskij, i figli dello zar, i grandi principi Nikolaj Nikolaevič e Mikhajl Nikolaevič Romanov. Sulla parete vicino alla porta ovest della cattedrale di Dubrovitsy si trova una targa di rame con l'iscrizione seguente: «La cattedrale della Beata Vergine del Segno è stata eretta nel 1690, restaurata nel 1850 e benedetta dal Metropolita di Mosca Filareto alla presenza di Sua Signoria il Generale Governatore Militare di Mosca, conte Arsenij Andreevič Zakrevskij (1786-1865) ...». Per lungo tempo, grazie al sacerdote locale Ioann Bulkin ed al conte Zakrevskij, sull'altare della cattedrale era conservata un'icona unica, scritta su un drappo e raffigurante la decapitazione di Giovanni Battista.

Nonostante nel periodo in cui il conte visse nella residenza «Ivanovskoe» caddero i 17 anni della sua destituzione – dal 1831 al 1848 –, la vita di Zakrevskij fu molto impegnata e sottomessa ad un ordine severo. Egli si svegliava ogni giorno alle 6 del mattino, si occupava dei suoi possedimenti e si dedicava attivamente alla corrispondenza. Pur essendo stato destituito, Zakrevskij non smise di pensare alla situazione nella Russia. Nelle lettere agli amici spesso esprimeva la sua opinione sui problemi della vita russa poiché, essendo una personalità su scala nazionale, Zakrevskij non poteva rimanere al margine nelle questioni riguardanti il destino del paese.

Il responsabile della nuova virata che subì il destino del conte Zakrevskij fu il conte Karl Nesselrode, il cui figlio, Dmitrij Karlovič, nel 1847 sposò la figlia di Arsenij Andreevič, Lidia Zakrevskaja. Sotto la sua protezione, nel maggio del 1848, Nicola I decise di richiamare il conte Zakrevskij all'attività statale e lo nominò generale governatore militare di Mosca.

Cari partecipanti alla conferenza, in lingua russa la parola «padrone» ha un vasto significato. A. A. Zakrevskij, senza dubbio, era un autentico padrone delle sue numerose proprietà, «amministratore» di Mosca, ma non era padrone del suo destino, segnato dagli slanci improvvisi e cadute.

Bibliografia:

1. Bahrušin Ju., Vospominanija, Mosca, 1994;
2. Graf A. A. Zakrevskij, Podol'sk, FMPO, 2012;
3. Drutskoy-Sokolinsky D., Iz moih vospominanij o grafe A. A. Zakrevskom, Rus. arkhiv, 1901, č. 1;
4. Lazarev R., Jurnal «Podol'sk», №2-3 (11-12), 2011;
5. Mjasnikova O., U istokov teatralneyh traditsij usad'by Ivanovskoe, rukopis', 1995;
6. Puteshestvuem po usad'bam Podolija. Kulturologičeskij maršrut: Ivanovskoe–Polivanovo–Dubrovitsy–Ivanovskoe, Podol'sk, FMPO, 2009;
7. Ukolovy E. e V., «Vladel'tsy, gosti i teatralnaja jisn' usad'by Ivanovskoe», «Russkaja usad'ba» № 15(31), Mosca, 2009;
8. A. Jarcev, «Ivanovskoe», K 225-letiju Podol'ska, Podol'sk, 2008;
9. M. Morozova, Materialy issledovanij po usad'be «Ivanovskoe», 2010-2013.

Renato Risaliti

*professore dell'Università degli studi di Firenze,
membro dell'Associazione Italiana degli Slavisti
Italia, Pistoia*

IL CONTE A.A.ZAKREVSKIJ COI SUOI FAMILIARI A FIRENZE E IN TOSCANA

Vorrei iniziare la mia relazione ricordando quanto scriveva nel 1829 la principessa Zinaida Aleksandrovna Volkonskaja nei suoi Ricordi di viaggio sulla nostra Toscana:

12 giugno

“Tutta la Toscana è un sorriso. Tutto risponde al vostro sguardo: siamo contenti, siamo felici. Le rive dell’Arno offrono agli abitanti le spighe d’oro, l’uva nera e le succolente olive. Così ai banchetti oraziani le tavole si piegavano sotto i ricchi doni dei giardini e i fiori profumati coronavano le coppe del frizzante Falerno. Tutta la Toscana è un’ecloga di Virgilio. Le allegre contadine degli occhi neri, con le belle acconciature, intrecciano la paglia e preparano quei leggeri cappelli che servono essi stessi di ornamento, o vengono spediti in città lontane dei paesi d’oltralpe...” (1).

Questo è quanto scriveva una nobildonna russa che finì per adottare l’Italia come sua seconda patria. Questa peana ci spiega in parte perché i Zakrevskie e i Drutskoj-Sokolinskie finirono per venire a trascorrere i loro giorni proprio da noi in Toscana.

Si tratta di un tema già affrontato separatamente da due colleghi che lo hanno affrontato in maniera diversa, ma abbastanza convergente: Gamer Bautdinov ha affrontato l’argomento ricorrendo prevalentemente alle fonti russe e a stampa (2). Solo in certi casi si è servito di alcune testimonianze che ha raccolto in loco a Montemurlo.

Felicità Audisio si è affidata prevalentemente alle fonti letterarie e iconografiche italiane che è con grande e certosina cura riuscita ad assemblare (3).

Come si vede c’è un grande assente: le fonti documentarie dei diretti interessati soprattutto per quanto riguarda la loro vita tra Firenze e Montemurlo gli interessi di vario genere di cui si nutrivano e le persone con cui si incontravano e poi quali eventuali evoluzioni ci sono state nei loro interessi nelle loro relazioni sia con l’ambiente russo che italiano. Questo è l’aspetto su cui mi prefiggo di riflettere.

Rispetto alle ricerche già compiute dai due colleghi e amici sono riuscito a raggiungere alcuni progressi e approfondimenti, ma non ho raggiunto un progresso deciso e questo non si raggiungerà finché non saranno ritrovate memorie o lettere dei diretti interessati che parlino della loro vita tra Firenze e Montemurlo. Per ora questi documenti non sono stati trovati: forse non sono mai esistiti o se sono esistiti può darsi che se furono riportati in Russia e poi sono andati distrutti o smarriti nel corso delle grandi tragedie del secolo XX che ha colpito la Russia (ma anche l’Italia).

Tuttavia, posso affermare che qualche nuovo documento diretto o indiretto sono riuscito a trovarlo.

In primo luogo, un dispaccio di un diplomatico pontificio in Toscana che dichiara di sospettare che la contessa Nesselrode (perché sposata ancora ufficialmente col figlio del potente ministro di Nicola I, Nesselrode) avrebbe reclutato segretamente volontari per Garibaldi. Non si dimentichi che una spedizione garibaldina guidata da Nicotera partì dalla Toscana (4). Ne fece parte L. I. Mečnikov – geografo, storico, sociologo, pubblicitista che era un membro attivo della vita degli aristocratici russi in Italia e anche del Risorgimento italiano degli anni 60 dell’ottocento.

Su questo punto quello dei favoreggiatori italiani e stranieri non si sa molto, se dovesse risultare vero sarebbe un elemento non indifferente a favore della tesi avanzata decenni fa da Giuseppe Berti (5) di un interesse russo segreto a favore dell'Unità italiana come restituzione di favori avvelenati da parte della Russia in seguito alla posizione austriaca durante la guerra di Crimea. La creazione dell'Italia unita sarebbe stata una limitazione alle mire della Francia nel Mediterraneo dopo la conquista dell'Algeria e delle mire austriache nei Balcani.

La ex contessa Nessel'rode cioè Lidia Zakrevskaja sarebbe stata una delle tante pedine del grande gioco che nell'Ottocento come oggi contrappongono le potenze anglosassoni (e in parte europee occidentali) alla grande potenza slava, la Russia allora come oggi, in numerosi settori del mondo fra cui il Mediterraneo allora come oggi. Il perdono che il padre, il generale Zakrevskij ottenne, può ritenersi collegato a qualche servizio a suo tempo prestato al suo paese. Noi siamo dell'opinione che fra il generale e sua figlia qualche legame anche politico si fosse creato.

E' per questo motivo che riteniamo degno di attenzione che abbiamo chiesto di ampliare il nostro tema al problema del rapporto fra le due famiglie russe: i Zakrevskie e i Drutskoj-Sokolinskie che si ritrovano sì, in Italia, ma in una regione particolare dell'Italia la Toscana e in particolare fra Firenze e Montemurlo.

Ci si deve chiedere perché proprio in questi luoghi e non in altri paesi o in altre regioni dell'Italia.

Secondo noi ci sono numerose ragioni che cercheremo di chiarire: in primo luogo il clima da intendersi non solo in senso geografico, ma anche politico e culturale.

E' risaputo che i dolci declivi della Toscana ricoperti di vigneti, uliveti ed arricchiti di cipressi e dalle ville sparse, in posizioni in cui batte sempre il sole li si può trovare solo qui da noi. Ma credo che vada considerato anche l'aspetto economico sociale e politico del problema.

Siamo nel 1859-60, l'anno della svolta (del destino) sia in Italia che in Russia. In Italia è l'anno della svolta verso l'unità e l'indipendenza del paese. Sono i mesi delle annessioni degli stati dell'Italia centrale al Regno Sardo e l'anno in cui Garibaldi con un'impresa audace e di successo coi suoi Mille riesce a piegare la resistenza borbonica cui fa seguito l'iniziativa cavouriana per sconfiggere i soldati pontifici in Umbria e nelle Marche.

Nel febbraio 1861 il parlamento proclama Vittorio Emanuele II re d'Italia.

Ebbene, in questi mesi i Drutskoj-Sokolinskie si trasferiscono prima a Firenze e poi nel 1863 prendono dimora nella villa Dupouy a Montemurlo. Già la collega Felicita Audisio ha messo in luce che i Nostri concludono abbastanza rapidamente un contratto di compravendita coi proprietari belgi che occupavano la villa.

E' strano, però, che il parroco della chiesa di Montemurlo tardi ad attribuire il passaggio di proprietà ai nuovi padroni russi. Solo nello stato delle anime del 1864 registra i nuovi proprietari. Negli anni successivi registrerà il passaggio di proprietà ai nuovi proprietari russi, i Drutskoj di altri due poderi. Il primo fino a quel momento era stato della chiesa del Carmine di Firenze (6).

L'acquisto forse è una conseguenza delle leggi di devoluzione dei beni ecclesiastici del 1864 compiuta in modo giacobino dal governo italiano e poi all'inizio degli anni Settanta in un altro podere.

Questa è la dimostrazione che anche dopo la morte del generale Zakrevskij il luogo scelto è di loro gusto.

Il motivo secondo noi è abbastanza semplice perché vivendo una parte dell'anno a Firenze (prevalentemente d'inverno) e d'estate in piena campagna come era allora molto più di oggi Galceto, ricreavano le condizioni tipiche del modo di vita che la nobiltà russa viveva nel proprio paese. Non solo, ma il rapporto di mezzadria allora esistente con numerosi usi semifeudali faceva sembrare la campagna italiana assai simile a quella russa nel rapporto fra proprietari e contadini, fra città e campagna (7).

L'insediamento dei Drutskoj Sokolinskij a Montemurlo cioè nella campagna toscana non è il solo caso. Nella seconda metà dell'Ottocento si osservano diversi casi. Se si facesse un quadro si vedrebbe che ogni 5-10 km si ha un insediamento di nobili russi nelle campagne toscane: i Demidov a Pratolino (dopo che i dintorni di Firenze si urbanizzavano), i Drutskoj-Sokolinskij a Montemurlo, la baronessa Tiesenhausen a Valdibrana (Pistoia), i Vasil'evskie (Cutigliano) etc. etc. Ma a questo punto è necessario ritornare alle condizioni generali della Toscana e dell'Italia in quel particolare momento storico.

In quel momento era in fase di completa espansione il moto nazionale che portò in pochi mesi all'Unità d'Italia. Questo fenomeno attraeva le menti più illuminate dell'Europa. L'Italia, ancora divisa in vari stati attraeva per la novità dei processi in corso. Fra i paesi che più attraevano l'Italia c'era la Russia. Fra gli esponenti del Risorgimento che più attraevano i Russi c'era Garibaldi e Garibaldi dopo la pace di Villafranca viene nominato temporaneamente capo delle forze armate toscane (8) e di lì a poco nelle varie città toscane viene fatta una sottoscrizione a suo favore per dare al prode generale Garibaldi un milione di fucili (9).

Ebbene, in questi tempi tumultuosi viene a Firenze Leone Tolstoj, il grande genio letterario del popolo russo. A lui non erano piaciute le principali città italiane che visitò ad eccezione di Firenze. Già, Firenze. C'è da chiedersi perché Firenze fa eccezione? Sicuramente, in primo piano i motivi storico culturali per cui ancora oggi la città è preferita dai russi forse persino a Roma (10).

Probabilmente in questa preferenza si celano anche altri motivi. Non bisogna dimenticare che a Firenze Leone Tolstoj può incontrare una parente, una cugina di secondo grado Agrafena Zakrevskaja ma nata Tolstoj. Dove e quando non lo sappiamo con certezza assoluta, però sappiamo che a Firenze lo scrittore ha incontrato a un pranzo il principe N.A. Dolgorukij, il principe S. Volkonskij e uno dei fratelli Poggio reduce dalla Siberia e che si stabilirà a Firenze (11). Non si può quindi affatto escludere che questo sia stato uno dei tramiti di contatto fra i Drutskoj-Sokolinskij e L. Mečnikov.

La loro particolare condizione matrimoniale, vittime ambedue delle convenzioni giuridiche matrimoniali dell'epoca li rendeva affini. Successivamente, le vicende del cosiddetto "salotto blu" che Bakunin organizzò durante il suo soggiorno fiorentino è un altro anello che lega o avrebbe potuto legare i coniugi Drutskoj-Sokolinskij ai rivoluzionari russi presenti nella nuova capitale del Regno di Italia (12).

Nel quadro che abbiamo ricostruito anni fa sui russi a Firenze dagli anni Sessanta agli Ottanta abbiamo compiuto alcuni progressi oltre a quelli testé ricordati sull'aumento delle proprietà terriere di Drutskoj Sokolinskij a Montemurlo.

Già il periodico locale "La chiacchiera" nel 1864 (13) aveva messo in risalto il fatto che il pievano non vede bene la presenza di una famiglia russa cioè "eretica" come si definivano allora nel linguaggio cattolico gli ortodossi. Si può immaginare quanti commenti potessero fare i contadini dei loro signori fedeli di un'altra religione per non dire cosa avrebbero pensato se avessero saputo che il loro matrimonio non era stato riconosciuto valido anche dalla chiesa ortodossa cioè "eretica"!

Gli sposi russi appena arrivati a Firenze prendono contatto con due istituzioni culturali che ebbero notevole influenza allora forse assai più di oggi.

Infatti, nel registro dei frequentatori stranieri del Gabinetto Vieusseux troviamo nel marzo, giorno 27, la firma dei due Drutskie Dimitrij e Lidia (14).

Bisogna chiedersi cosa può significare questo tanto più che mettono come luogo di abitazione l'Hotel Arno. In primo luogo, questo significa che vogliono rimanere aggiornati su quello che succede nel mondo e in Russia perché solo nel Gabinetto Vieusseux possono trovare libri, riviste e giornali in russo e in altre lingue che conoscevano come il francese.

Questo particolare può significare tante cose, anche diverse e contrastanti. In ogni caso questo fatto dimostra più che a sufficienza che in quel particolare momento politico gli interessi sono orientati anche verso l'evoluzione della politica italiana e europea e forse una conferma indiretta che Lidia reclutava segretamente volontari per Garibaldi.

Si pensi che a Pistoia, la stessa diocesi in cui si trova Montemurlo i sottoscrittori pro generale Garibaldi furono oltre 8.200 fra cui i ricchi proprietari e conventi e persino canonici della cattedrale.

La frequentazione del Gabinetto Vieusseux ci fornisce, in secondo luogo, l'indirizzo esatto di dove si stabilirono i due russi, l'albergo Arno prima di comprare la casa in via dei Banchi, 4 nel palazzo Mondragone (15), come ha ricordato nel suo saggio l'Audisio. In terzo luogo, è una istituzione di larga frequentazione dove possono farsi gli incontri più diversi, anche con persone soggette a sorveglianza poliziesca (dove la signora Lidia avrebbe potuto benissimo avvicinare e indirizzare i volontari garibaldini di origine russa, ma non solo). Forse è proprio qui che Lidia ha conosciuto Lev Mečnikov perché il libro dei soci del Gabinetto Vieusseux riporta la sua iscrizione il 22 aprile 1861 e di essere residente in Via Palestro 3503. Un periodo, è vero successivo al 1860 ma comunque indicativo di una possibilità (16).

In quarto luogo, questa frequentazione letteraria dimostra che i loro interessi sono assai ampi in ogni senso e questo spiega perché poi i loro figli vadano all'Università di Bologna alle lezioni di Giosuè Carducci che oltre ad essere stato un fervente patriota, si era anche reso famoso per l'Inno a Satana. All'epoca Carducci dalle persone timorate era recepito come una sorta di diavolo scatenato.

Al momento della iscrizione dei due principi al Gabinetto Vieusseux, costoro compiono anche un altro passo molto qualificante: l'iscrizione al Circolo dei Nobili. Questa volta l'iscrizione fu solo registrata come provvisoria (17).

Nei documenti a stampa del Circolo dei Nobili, manca l'iscrizione per l'anno successivo, mentre risulta che il principe si iscrive ancora nel 1862-63 poi mancano anni ulteriori. Queste apparenti incongruenze si spiegano abbastanza bene. L'assenza per il 1862 si spiega perché Lidia è in attesa di un altro figlio.

Se poi si tiene presente che la primogenita aveva poco più di un anno è evidente che la madre doveva essere aiutata dal marito per seguire l'allattamento della figlia e la gravidanza del secondo figlio.

Per gli anni successivi l'assenza di iscrizione è solo nel libro a stampa, ma non negli atti.

Anche queste presenze e assenze possono essere interpretate in modo diverso. Rimane intanto accertato che nella stessa pagina c'è anche la presenza al Circolo del principe Dolgorukij che non a caso, come abbiamo già detto, nello stesso anno 1860 si incontra a Firenze con Leone Tolstoj (cugino di secondo grado di Agrafena, la madre di Lidia) e A. Poggio (18).

Esistono quindi indizi numerosi che fanno propendere per l'ipotesi di incontri, a prima vista impossibili, fra questi nobili russi proprio a Firenze.

Ma la collega Felicita Audisio sulla scia di questi documenti a stampa ha fatto altre constatazioni che qui è bene riprendere. Col tema dei Russi a Firenze non si può non ricordare, in primo luogo, la presenza quasi continua dei Demidov, ma con l'intervallo degli anni Sessanta.

Certamente i Droutskoj, come sostiene giustamente Felicita Audisio, non possono non avere avuto contatti con i Demidov, sia pure sporadici. Probabilmente non con Anatolio perché dopo il 1859, essendosi molto compromesso con i Lorena preferisce emigrare fino alla morte a Parigi. Naturalmente i contatti prendono corpo con Pavel Pavlovic l'ex governatore di Kiev. Si mise subito in luce per alcuni atti di grande liberalità verso la città di Firenze. Sarà quindi Agrafena Zakrevskaja e i suoi familiari a stabilire questi rapporti. (19) Intanto Agrafena stabilirà a partire dal 1864 un contatto di altissimo livello con la Granduchessa Maria che aveva fissato la sua dimora in una villa presso la località Castello. Per quale motivo e con quali intenti non è mai stato chiarito sulla base dei documenti, data la scarsa conoscenza dei documenti e delle ricerche sulla famiglia imperiale russa tra fine Ottocento e inizio Novecento.

Ma questi ultimi fatti esulano dal periodo considerato relativo alla presenza più o meno continua del generale Zakrevskij a Firenze Montemurlo che si concluderà con la sua morte nel 1865.

Con questa relazione abbiamo cercato di superare l'antinomia che due recensori russi del nostro lavoro sui Drutskoj soprattutto nell'analisi fatta da Gamer Bautdinov fra quanto era stato affermato e tramandato dai democratici russi e i risultati dell'azione del generale Zakrevskij (20).

Osservazione valida ma che viene superata se non direttamente da lui, dai suoi familiari (con il suo implicito consenso) proprio qui in Italia fra Firenze e Montemurlo.

Note:

1. Ettore LO GATTO, Russi in Italia, Roma, Ed. Riuniti, 1971, p. 94.
2. G.A. BAUTDINOV, Zakrevskie: otbleska car'skogo dvora do večnogo pakolja v Toskane in Italija i russkaja kul'tura, č. 2, Moskva, 2000, pp. 38-60; Cfr. I. Drutskoj in Italija dal 1860 al 1840 (a cura di Felicita Audisio), Firenze, Le Lettere, 2009
3. Op. cit., p. 39-103.
4. L.I. MEČNIKOV, Memorie di un garibaldino russo (a cura di R. Risaliti), Moncalieri, Cirvi, 2011. Cfr. Antonella Battaglia, Italian Risorgimento and the European Volunteers in «Academic journal of Interdisciplinary Studies» vol.2.n1, 2013, pag.94.
5. Credo che nell'Archivio del Ministero degli Esteri russo ci siano dei documenti non ancora ritrovati e indagati che potrebbero avvicinarci alla soluzione del nostro interrogativo. Un documento già pubblicato suffraga la nostra ipotesi e riguarda l'accordo segreto firmato a Parigi fra il conte Kiselev e Walewski il 3 marzo 1859. Cfr. Ob'edinenie Italii v ocenke russkich sovremennikov, Moska 1961, pp. 59-60.
6. Archivio Vescovile Pistoia, Pieve di Montemurlo, Stato delle anime 1860-1870 e sgg.
7. Maria Luisa DODERO, Il mondo delle usad'by: cultura e natura nelle dimore nobiliari russe, 18-19 sec. (a cura di M.L. Dodero), Milano, Coffee House, 2007. Cfr. I Drutskoj in Italia dal 1860 al 1940 (a cura di Felicita Audisio), Firenze, Le Lettere, 2009, p. 61.
8. Gustavo SACERDOTE, La vita di Giuseppe Garibaldi, Milano, Rizzoli e C. 1933, p. 574.
9. L.I. MEČNIKOV, Memorie di un garibaldino russo, citato, pp. 321-375.
10. R. RISALITI, Russkie putešestvenniki vo Florencii in Rossija i Italija, Moskva 1996, p. 147.
11. Franco VENTURI, Il moto decabrista e i fratelli Poggio, Einaudi 1956; Cfr. A.B. GOLDENWEIZER, Vblizi Tolstogo, Moskva, GICHL, 1960, p. 141. Cfr. G. BAUTDINOV, Il generale russo Arsenij Zakrevskij e la sua famiglia dalla corte imperiale alla dimora di Montemurlo in "Prato Storia e Arte" n. 86, giugno 1995, p. 31.
12. E.H. CARR, Bakunin, Milano, Mondadori, 1977, pp. 290 sgg.
13. "La Chiacchiera" anno V, n. 58, sabato 14.5.1864. Cfr. G. NERUCCI, Corrispondenza politico religiosa. Polemica del tempo che fu, Pistoia, Gli Ori, 2006, p. 110.
14. Gabinetto scientifico letterario Vieusseux, Il libro dei soci del Gabinetto Vieusseux, un firmamento di firme 1820-1926, vol.05, Dicembre 1855 – Novembre 1862
15. I Drutskoj in Italia cit., p. 58.
16. Circolo dell'Unione di Firenze 1852-2002, Firenze. Le Lettere, 2002, p. 240.
17. Gabinetto scientifico letterario Vieusseux, Il libro dei soci Mecnikov si iscrive per 15 giorni in data 22 aprile 1861.
18. G. BAUTDINOV, Gli italiani in Russia, Milano Teti, 1986, p. 91; Cfr. F. VENTURI, Il moto decabrista cit., pp. 163-164.
19. I Drutskoj in Italia cit., p. 78.
20. Cfr. Recensione di A. KRASNOVSKAJA, M.I. ARZAKAJAN, Voprosy istorii N. 3, 2010, pp. 170-171.

Felicità Audisio

*professore dell'Università degli studi di Firenze,
coautrice della ricerca storico-documentale I
Drutskoj in Italia: dal 1860 al 1940.
Italia, Prato*

IL DESTINO DEI DISCENDENTI DEL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ

La Firenze dei Russi a metà Ottocento si arricchisce di una nuova storia, quella del tutto inedita di due famiglie appartenenti alla nobiltà, gli Zakrevskij e i Drutskoj Sokolinskij, che a causa di un evento familiare furono costrette a lasciare la terra di origine e scelsero di vivere in Italia, fissando la loro residenza a Firenze e a Montemurlo.

Lo scandalo provocato dalla relazione amorosa parigina di Lidia Arsenievna Zakrevskaja (1826-1884) con Alexandre Dumas (figlio), reso noto anche dalla pubblicazione del romanzo dello scrittore, *La dame aux perles* (1853), e rinnovato dalle nozze di Lidia con il principe Dmitrij Vladimirovič Drutskoj Sokolinskij (1832-1906), celebrate nel 1959, quando ancora non era stato sciolto dal Santo Sinodo il suo precedente matrimonio col figlio del ministro degli Affari Esteri Karl Wilhelmovič Nesselrode, determinò la fine della luminosa carriera politico-militare del padre, il conte generale Arsenij Andreevič Zakrevskij (1783-1865), ministro degli Interni dell'impero russo, governatore della Finlandia e della città di Mosca.

Dopo un lungo viaggio attraverso l'Europa, gli sposi si stabilirono a Firenze. Gli sviluppi negativi della faccenda matrimoniale – la sentenza di illegittimità del matrimonio emessa dal Sinodo della chiesa russa e la confisca dei beni degli Zakrevskij per ordine dello zar – indussero il principe Drutskoj a provvedere subito a investimenti immobiliari in Toscana. A Firenze acquistò (1862) il Palazzo di Mondragone; nel 1863 la tenuta di Galceto a Montemurlo, con villa appartata di campagna per la dimora estiva; nel 1865 il palazzo di Via Santa Reparata 57.

Lidia e Dmitrij ebbero due figli: Mania (1859-1940) e Arsenij (1862-1912). Per Arsenij disponiamo solo di pochi scarni dati biografici: ancora bambino fu mandato in Russia per compiere la propria educazione; morirà nel 1912 a Muratovka provincia di Pen'za. Dal secondo matrimonio di Arsenij, con la principessa Ol'ga Golicyna, nacquero due figlie: Marija Arsenievna (1911) e Ol'ga Arsenievna (1912). Scampate alla rivoluzione vissero per qualche tempo a Berlino con la loro madre per poi trasferirsi definitivamente in Francia. Di Mania, che fu educata in Italia e che qui visse fino alla morte diremo di seguito. La storia delle due famiglie Zakrevskij e Drutskoj, che si svolse di prevalenza in Toscana, intesse nella trama altre storie per via di nuove parentele formatesi a seguito di matrimoni e grazie a nuove amicizie. Procedendo in parallelo, Caterina Drutskaja (1838-1913), sorella di Dmitrij, è figura ancillare e in penombra, ma presenza importante e costante nella vita familiare dei Drutskoj. Morta Lidia nel 1884, Dmitrij tornerà in Russia. Riabilitato dallo zar, recupererà tutti i beni degli Zakrevskij, si risposerà con Varvara Dmitrievna Zamiatina. Morirà nel 1906 a Pen'za.

L'evento più documentato dalle fonti archivistiche è costituito dal matrimonio di Mania col conte Giulio de' Gori Pannilini (1849-1893), celebrato nel 1881 dal padre Vladimir Levitskij nella cappella dell'Ambasciata sul Lungarno nuovo. I testimoni per la sposa furono il capitano di cavalleria della Guardia imperiale in congedo e storico dell'arte del primo cristianesimo Aleksej Fëdorovič von Fricken e il colonnello della Guardia Imperiale Nikolaj Protasov, stretto parente di Dmitrij.

Rimasta vedova, Mania si risposerà nel 1898 col capitano di cavalleria Guglielmo Cuturi. Il matrimonio religioso fu officiato nella medesima cappella dell'Ambasciata e dal medesimo prete. Testimoni dello sposo furono: Carlo Vinci e Ugolino della Gherardesca. Per il secondo è possibile esplicitare un qualche rapporto con la Russia, anche se per via indiretta. Si tratta di Ugolino (n. 1874), la cui moglie, Varvara Wrangel, nata in Russia, era imparentata col barone Pëtr Nikolaevič Wrangel, il generale che nel 1919 riorganizzerà l'Armata bianca in Crimea. Per la sposa, i testimoni erano invece Carlo Fioravanti e Amedeo Porro (n. Odessa, 1860), possidente, figlio di Cesare e di Maria Pasta, la cui famiglia risulta essersi stabilita a Signa nel 1882. I Porro e i Pasta erano tra i più ricchi possidenti di Odessa, esponenti di quella borghesia mercantile che tra fine XVIII e inizi XIX si era stabilita in Ucraina per il commercio del grano.

La dimora fissa di Mania fu, soprattutto durante il secondo matrimonio, il Galceto: luogo anche di ricevimento per gli amici, e di soggiorno per tutti i suoi parenti russi e italiani: Tatiana Drutskaja con il marito Enrico Cuturi. I due giovani sposatisi nel 1914 in Russia a Orël, si stabilirono poi in Italia. E al Galceto sarebbero stati ospiti negli anni '20 anche altri membri della famiglia Drutskoj, profughi dalla rivoluzione: il principe Vladimir, governatore di Minsk, con tutta la sua famiglia.

Mania, fino al 1925, era riuscita, pur con difficoltà, a mantenere integra la proprietà donata dal padre. Poi, pressata da necessità, mise in vendita l'intera tenuta del Galceto, e dopo una breve residenza in un villino di proprietà in via della Robbia 37, dovette trasferirsi in affitto al piano nobile del Palazzo Ridolfini Mancini nella vicina Piazza d'Azeglio, al n. 20, ove la morte la colse, ottantenne, pochi mesi dopo quella del marito, nel 1940.

Una lunga vita quella di Mania. Era sicuramente donna colta che parlava più lingue, amava la pittura e la musica, la letteratura: frequentava, ma forse saltuariamente, con la zia Caterina le lezioni del Carducci all'Università di Bologna. Come 'principessa Mania' è ancora viva nella memoria dei discendenti dei suoi fittavoli e mezzadri del Galceto, che ce la tramandano come donna alta, bella e gentile, generosa, amante dei bambini, anche di quelli dei contadini, per i quali allestiva feste in villa. Gustava l'olio di ottobre, di prima spremitura, amava la campagna e aveva fatto venire dalla Russia dei pini, così come delle statue di terracotta in abito dalla foggia russa che ancora abbelliscono il giardino. Talvolta – ricordano i contadini, cui non sfuggivano certe stravaganze – indossava una calza rossa e una blu: omaggio alla moda del tempo? o piuttosto ai colori delle insegne di famiglia?

Talalaj Mikhail Grigorievič

*candidato in scienze storiche,
rappresentante dell'Istituto di storia generale
dell'Accademia Russa delle Scienze in Italia.
Italia, Milano*

PROGETTO DELLA CHIESA DEGLI ZAKREVSKIJ IN TOSCANA

Persone del calibro, formazione e destino dei conti Zakrevskij, della loro figlia e genere trasferitisi in Italia non potevano non prendersi cura dell'aspetto religioso della loro nuova vita all'estero.

Era noto che anche nella villa padronale di Mosca gli Zakrevskij avessero una chiesa privata e che durante la sua attività statale il conte Arsenij Andreevič si fosse dato molto da fare in campo ecclesiastico. Anche nell'agire secondo il motto ufficiale dell'epoca "Autocrazia - Ortodossia - Nazionalità", va sottolineata la sua personale e attiva devozione: oltre a iniziative ecclesiastiche di vario genere in Russia, nel contesto da noi trattato merita di essere ricordato il suo impegno nella costruzione della storica chiesa ortodossa della Santissima Trinità a Helsinki. Essendo stato governatore militare della Finlandia a maggioranza luterana, cercò di organizzare una raccolta di fondi sapendo anche come attirare l'erario; con le sue mani pose (nel 1825) la prima pietra delle fondamenta della futura chiesa.

Si può presupporre con certezza come il trasferimento forzato di luogo abitativo degli Zakrevskij in un paese cattolico fosse accompagnato dalla nostalgia per l'Ortodossia. Senza dubbio la maggioranza dei russi all'estero sentiva veramente l'ortodossia come la "fede nativa", profondamente legata alla loro cultura e storia. Di questo argomento scrisse brillantemente nelle pagine delle sue note memorie il conte M. D. Buturlin: "Ricordo vivamente come tutti noi fummo vivamente toccati quando dopo tre anni sentimmo l'esclamazione «Benedetto il regno del Padre, del figlio e dello Spirito Santo» etc. I nostri occhi si riempirono di lacrime".

Complessivamente, le primissime chiese russe attive nel territorio della penisola appenninica divennero proprio le chiese private degli aristocratici russi, della principessa E. Golitsyna, che prese il cognome Terzi dopo il matrimonio (1817), del conte D. Buturlin (1818) e di N. Demidov (1823). Più tardi, dopo le iniziative private, comparvero le chiese statali e dell'ambasciata. All'inizio degli anni 1860, al momento dell'acquisto della tenuta di Galceto, del cui complesso faceva parte anche la cappella-oratorio di S. Isidoro, a Firenze non c'erano ancora chiese presso le ambasciate. L'unica, costantemente attiva, con i preti e i funzionari era chiesa di S. Nicola il Taumaturgo nella tenuta dei Demidov a San Donato ed era di tipo semi-statale. Ma per ragioni comprensibili gli Zakrevskij non volevano frequentare questa chiesa poderale.

È assai probabile che il discorso della costruzione nel podere di Galceto della chiesa ortodossa fosse vivo già al tempo del conte Arsenij, tuttavia la sua morte improvvisa accelerò questa iniziativa: già qualche mese dopo nel Santo Sinodo arrivò una petizione da Galceto, firmata dal principe Dmitrij Drutskoy ma con l'evidente partecipazione della contessa Agrafena Zakrevskaja, riguardo al permesso di costruzione della chiesa ortodossa.

C'è da dire che la costruzione di ogni nuova chiesa russa all'estero veniva preceduta da un'attenta e soppesata valutazione dell'iniziativa da parte di due enti principali: il Ministero degli Affari Esteri e il Sinodo. L'ottenimento del permesso dipendeva da diversi fattori: la personalità di chi richiedeva la chiesa privata, la fedeltà, le cause del domicilio permanente all'estero (che in teoria non erano fattori stimolanti), i beni materiali e la possibilità di mantenere la chiesa. Soltanto dopo un apposito permesso da San Pietroburgo, la nuova chiesa otteneva un antimension, i documenti sull'impiego di personalità ecclesiastiche e altri attributi che permettevano di essere attiva (gli immigrati russi dopo il 1917 cambiarono radicalmente questa pratica). Anche se in possesso di questi documenti, il permesso non sempre veniva rilasciato.

Venti anni fa, lavorando presso l'Archivio storico statale russo del Fondo Sinodale, № 797, mi capitò tra le mani un insolito fascicolo. Il succo del contenuto era il seguente: un cittadino russo, con un titolo e ricco, proprietario della tenuta italiana di Galceto, il principe Dmitrij Vladimirovič Drutskoy-Sokolinsky volle costruirvi, a sue spese, una chiesa ortodossa. Tuttavia, nonostante la devota richiesta, gli fu negato...

Il principe scrisse, nell'ottobre del 1866, che viveva in Italia, vicino a Firenze, "costretto dalle circostanze", senza specificare precisamente quali. Il suo podere comprendeva una cappella di famiglia dei precedenti proprietari; il principe avrebbe voluto darle, come aveva scritto, "l'aspetto di una chiesa bizantina". Sua suocera, la contessa Agrafena Zakrevskaja, che viveva anch'essa in Toscana con il genero, il principe Dmitrij, aveva promesso di far trasferire a Galceto tutte le suppellettili e le iconostasi dalla sua chiesa privata di Mosca. Per maggior ricalzo, il principe Drutskoy-Sokolinsky aveva comunicato che la sua cappella in sostanza era già diventata ortodossa poichè nella cripta era stato di recente sepolto suo suocero, il conte Arsenij Zakrevskij e si servivano le messe funebri ortodosse.

Ed ecco che in questa lettera devota era scritto brevemente e con tono sprezzante: "Lasciare una richiesta senza seguito"...

Il motivo del rifiuto stava nella nota di accompagnamento del funzionario del Sinodo, responsabile di quei documenti. In stile burocratico egli espose argomenti, probabilmente al tempo ben noti tra gli alti strati della società russa, riguardo a quelle stesse "circostanze" che avevano "costretto" l'autore della lettera a lasciare la patria. Fu comunicato che il principe Drutskoy-Sokolinsky nel 1859 si era sposato con la contessa Lidia Arsen'evna Nesselrode, di nascita Zakrevskij, mentre suo marito era sempre in vita. Il 21 dicembre 1859, il Sinodo dichiarò il matrimonio non valido dopo aver dato disposizione di sottoporre la contessa alla penitenza religiosa per sette anni. Il padre di Lidia, il conte Arsenij Zakrevskij, nel 1861 si rivolse tramite il Sinodo all'imperatore Alessandro II con la richiesta di riconoscere il divorzio e il nuovo matrimonio, ma il monarca rifiutò.

C'è da dire che, in questa nota, la storia della bigamia di Lidia era trattata abbastanza brevemente, com'era giusto; tuttavia nello stesso archivio sinodale № 797 è conservato anche un fatto importante, a sé stante, non legato all'iniziativa ecclesiastica toscana. Gli estratti di questo fascicolo sono stati curati da una ricercatrice pietroburghese, che li ha gentilmente condivisi quando ancora non erano stati pubblicati. Questa storia ha un significato più importante non solo in relazione al nostro tema, quanto al destino del conte Zakrevskij, quindi mi permetto di elencare una serie di dettagli.

Il caso sinodale è composto da più di 100 pagine.

Dall'aprile 1859, tra il Procuratore superiore del S. Sinodo e la dirigenza diocesana della provincia di Rjazan' ebbe inizio una lunga corrispondenza riguardo allo sposalizio illegale nel villaggio di Šiškino nel distretto di Skopinskij della provincia di Rjazan' tra Lidja Nesselrode e il principe Drutskoj-Sokolinskij, e questi documenti giunsero all'imperatore.

Inizì un'indagine, furono interrogati il sagrestano e il prete che avevano compiuto il rito dello sposalizio riguardo a quali documenti fossero stati presentati.

Venne fuori che da parte di Lidia era stato presentato un attestato con cui il padre la autorizzava a svolgere il secondo matrimonio dichiarandola “ex-moglie del conte Nesselrode”. Il prete Šiškin, a sua detta, aveva considerato Lidia vedova e non aveva trovato impedimenti al nuovo matrimonio. Gli incaricati, il consigliere Troitskij e il possidente Medvedev, assicurarono a voce al parroco che il conte Nesselrode era morto in un altro stato e che era stato impossibile correggere i documenti a riguardo.

Nel 1860 l'imperatore fu messo al corrente dell'indagine. Il Sinodo stabilì che il secondo matrimonio non era riconosciuto e che la contessa Nesselrode doveva essere sottoposta a una penitenza di 7 anni, il prete Šiškin fu ridotto definitivamente a sagrestano (nella società correva voce che per il matrimonio avesse ricevuto una consistente donazione) e fu mandato per 3 mesi in monastero. Il conte Zakrevskij rischiò persino la condanna penale ma l'imperatore nel marzo 1860 “nel rispetto dei meriti del generale-aiutante A. Zakrevskij, ordinò di lasciare il caso senza conseguenze nei suoi confronti”.

La nuova coppia, senza dubbio, sperava nel superamento della loro condizione di umiliazione e continuò ad agire: alla fine, nel febbraio 1860, alla contessa Nesselrode fu permesso di rivolgersi al Sinodo per lo scioglimento del matrimonio e dopo sei mesi il matrimonio venne annullato.

Dopo altri sei mesi al Sinodo viene presentato un nuovo testo: nel maggio 1861, a Mosca, Zakrevskij scrive una richiesta, una lunga nota esplicativa sul destino della sua unica amata figlia, su come era stata infelice nel primo matrimonio e che, solo per la sua felicità, aveva deciso di scriverle un'autorizzazione allo svolgimento del secondo matrimonio. Adesso la figlia era stata allontanata ed egli, in quanto padre, chiedeva perdono e il permesso di farla tornare.

A luglio 1861 il fatto fu preso nuovamente in considerazione dal Sinodo. Il Procuratore superiore del Sinodo riferì per due volte all'imperatore riguardo alla nota del conte ma la richiesta del funzionario dimesso non venne soddisfatta...

Con questo termina la vicenda.

Come finì anche la vicenda della mancata costruzione della chiesa ortodossa “dall'aspetto bizantino”.

Inoltre, la severità di Alessandro II, mi sembra, poteva essere spiegata anche con il fatto che proprio in quel momento erano partite le difficili riforme e lo zar-liberatore, forse non avrebbe voluto il rafforzamento della posizione del conservatore Zakrevskij, con la sua reputazione di uomo a favore della servitù.

... La cappella-oratorio di S. Isidoro in sostanza divenne la tomba di famiglia degli Zakrevskij. C'era una forte tradizione di trasportare le spoglie mortali dei russi in patria, in particolare degli aristocratici con proprietà familiari. Tuttavia la famiglia del conte continuò a vivere a Galceto “costretta dalle circostanze” e le sue spoglie restarono in Toscana.

Nel 1879 la cappella fu luogo di sepoltura della contessa Agrafena e nel 1884 della principessa Lidia. Il parroco di allora della chiesa russa dell'ambasciata, padre Vladimir Levitskij, che vi aveva celebrato la loro messa funebre, non aveva smesso di sperare che ci sarebbe stata più di una chiesa russa in Italia, ma questo non accadde. Tuttavia, nei notiziari del clero spediti al concistoro di San Pietroburgo, padre Vladimir menzionava l'oratorio di Galceto come “luogo previsto ad uso di chiesa ortodossa”.

Nel 1925, alla vendita del podere l'oratorio di S. Isidoro fu riacquistato dalla parrocchia locale, gli Zakrevskij furono trasferiti al cimitero comunale e l'edificio fu attrezzato a tutti gli effetti a chiesa parrocchiale di S. Maria Maddalena dei Pazzi.

Anche se non fu adibita al culto ortodosso, la chiesa resta una commemorazione dell'“Italia russa”.

Olejnikova Valentina Petrovna

*Dottore in scienze storiche,
membro dell'Associazione «Maksim Gorkij»
Italia, Napoli*

VITA QUOTIDIANA DELL'ARISTOCRAZIA RUSSA DEL XIX SECOLO IN TOSCANA (SULL'ESEMPIO DEGLI ZAKREVSKIJ, DEI BUTURLIN E ALTRI)

Il mio intervento è dedicato al problema dello studio dei rapporti dei celebri nobili della storia russa con la Toscana (i Buturlin, i Zakrevskij, i Demidov e altri) che analizzerà la storia della graduale integrazione e della vita quotidiana delle famiglie che hanno avuto legami con l'Italia centrale. Per la relazione sono stati utilizzati materiali provenienti da archivi privati (Italia, Russia).

Agli inizi del XXI secolo, con l'avvento della globalizzazione, è sorprendentemente cresciuto l'interesse per la storia dei soggiorni dei russi all'estero. Nell'ambito della storiografia sono apparsi dei lavori collegati direttamente alla vita dei nostri concittadini in Toscana. Inoltre, divenne una tradizione raccontare del soggiorno dei cittadini dell'Impero russo nel ducato di Toscana per porre l'accento sulla vita dei russi a Firenze. Ma «ai piedi» dei nostri connazionali si trovava tutta la Toscana e le città d'arte come Firenze, Pisa, Siena e Livorno potrebbero raccontarci qualcosa in più dei russi che le ammirarono, e magari ancor più dei memoriali dei cittadini russi su questi monumenti¹! «Le bellezze si trasformavano allo specchio, riflettendo chiunque le guardava²».

Ovviamente bisogna iniziare la narrazione necessariamente da quel tempo in cui a «guardarsi nello specchio italiano» erano in pochi. Negli archivi sono conservate le notizie sulla ricerca della collaborazione architettonica, politica ed economica ... Uno dei primi esempi di questo processo sono le iniziative intraprese per lo sviluppo del primo porto dello stato, Livorno: il ducato aveva la necessità di sviluppare il commercio marittimo e l'economia e per questo motivo ai commercianti non cattolici venne garantita la libertà di culto così come quella di sepoltura. Il ben organizzato cimitero greco di Livorno rimane fino ad oggi l'unica necropoli autonoma ortodossa sul territorio italiano. Fondato nel 1778, godette della protezione del potere russo³.

La storia della fondazione della colonia dei nostri connazionali in Toscana è legata ai nomi di alcune eminenti famiglie dello Stato russo. Fra queste il posto d'onore fu riservato ai Demidov⁴ per via dei meriti loro riconosciuti in Italia. Lo scopritore della ricca cultura toscana fu il pronipote

1 Dubružinskij M. Vospominanija ob Italii. 1920. Cit. po Kara-Murza A. A. Zamenitye russkie o Florencii. – M., 2001 – p.22 «Quante persone, quante generazioni proprio qui, in questo stesso posto dove mi trovo hanno ammirato .... Questi tramonti, questi stessi ponti, le case e l'Arno, incantati come lo sono io ... lo stesso incanto ...»

2 Šiškin M. Russkaja Švejcarija. –M, 2006 – p.14.

3 Nell'incisione della fine del XVIII secolo raffigurante il cimitero di Livorno è scritto:« Sotto l'alta protezione di S.M. Paolo l'Imperatore di tutte le Russie»

4 Nella seconda metà del XVIII secolo il nipote del fondatore della fabbrica dei Demidov, figlio minore di Akinfij Nikitič Demidov, divenne non solo il principale continuatore degli affari, ma anche uno dei primi collezionisti russi.

della dinastia degli industriali, Nikolaj Nikitič, che salì alla carica di ambasciatore della Russia a Firenze dopo il «periodo parigino». Nel 1810 la baronessa Elisaveta Stroganova giunse, al seguito del consorte, nella capitale della Toscana dove presero in affitto un palazzo e comprarono una proprietà a San Nicoli¹. Seguendo il consiglio del dottore di «vivere in un luogo pianeggiante e umido», N. N. Demidov ben presto si spostò da Pisa a Firenze. Nei quattro anni di permanenza Nikolaj Nikitič trasformò questa città nella capitale amministrativa del suo impero finanziario, fondando il regno di San Donato². Palazzo Serristori, da lui affittato, costituiva una variegata mescolanza di un museo pubblico arredato con i mobili di un alto dignitario russo³.

Nella maggior parte dei casi i russi all'estero si incontravano senza sforzo con gli stranieri, trasformandosi in «cittadini del mondo» conoscitori delle lingue e delle culture europee. In Italia, ad esempio, stabilirono facilmente i contatti con i forestieri inglesi. E così, arrivata in Toscana «in convalescenza», la famiglia dell'erudito conte D. P. Buturlin portò con sé il precettore Francis Sloane. L'inglese, grazie alle conoscenze mineralogiche, divenne una personalità illustre in Toscana e la famiglia Buturlin strinse amicizia con molti nativi della «nebbiosa Albione». Questo spiega perché quando i Buturlin giunsero a Firenze nel 1817 notarono che lì di russi non ce ne fossero poi così pochi⁴. La famiglia fece conoscenza con A. S. Nebol'sinij, con i conti Šuvalovy, con la famiglia del conte V. P. Kočubej, con i Maltsevy e con la famiglia del procuratore alla corte del duca di Toscana il generale N. F. Hitrovo, sposato con la figlia di M. I. Kutuzov.

Trasferitasi a Firenze, la famiglia Hitrovo mantenne lo stile di vita dei salotti, al centro del quale c'era la generale E. M. Hitrovo, nota a tutta l'aristocrazia toscana compreso lo stesso duca. Il suo salotto era frequentato da celebrità quali Germaine de Stael. Il conte F. G. Golovkin scrisse sulla chiassosa vita dell'ambasciata russa: «Questo stile di vita è privo di ragionevole senso. Il martedì ed il sabato si reca da loro tutta la città e verso sera concludono con un ballo o uno spettacolo. Con il pretesto di un qualunque evento cortigiano organizzano un ricevimento»⁵. I banchetti terminarono con l'accusa a carico del conte di appropriazione indebita dei soldi dello stato. La svendita dei beni li salvò dalla perdita dello status diplomatico: «Il generale Hitrovo sopporta la sua rovina con coraggio, ... vende tutto e salda i debiti con i suoi creditori»⁶. Conservando il rispetto della società, il diplomatico minò la sua salute. Dopo il suo decesso avvenuto nel 1819, E. M. Hitrovo visse ancora per qualche tempo a Firenze ma successivamente partì in viaggio.

A Firenze, invece, «verso la fine ... dell'estate del 1818 arrivò il successore di Hitrovo, Sverčkov, da poco sposatosi con l'anziana Elena Dmitrevna Gur'evaja, figlia del ministro delle finanze ... E. D. Sverčkovaja aveva un magnifico contratto»⁷ e ciò svolse un ruolo non da poco nella continuazione della vita salottiera dell'«universo» russo.

Nell'educazione dei figli continuarono a prediligere le scienze umanistiche: lingue straniere, canto, insegnamento degli strumenti musicali classici, disegno.

Dal 1819 i russi cominciarono a visitare più spesso la Toscana e ciò era del tutto comprensibile non solo dal punto di vista della cultura e della culturologia, ma anche perché il Gran duca di

1 Komolova N. P. Russkie florentijcy: mecenatstvo i predprinimatel'stvo // Rossija i Italija, Vyp. 2. – M., 1996 – PP. 67-89.

2 Archivio Demidoff (Fondo) F. 2308. Fasc.56; Tonini L. I Demidoff e in Firenze e in Toscana. – Firenze, 1988. In questo periodo ebbe inizio il disaccordo tra i coniugi che fu accompagnato dal rientro di Elizaveta Aleksandrovna a Parigi, dove morì nel 1818.

3 Buturlin M. D. Zapiski//Russkij arhiv. 1897. – Kn. 1-2.

4 A quell'epoca a Firenze divenne noto O. Kiprenskij, membro eletto dell'Accademia di Belle arti di Firenze, primo fra i russi ad essere incaricato di dipingere un autoritratto per gli Uffizi.

5 Golovkin F. G. Portrety, vospominanija i anekdoty. – M., 1912. – p.123.

6 Ibidem, p.124.

7 Zapiski grafa M. D. Buturlina // Russkij arhiv. 1897. –Kn. 2.– p.610.

Toscana si fece sempre onore per l'«illuminata» tolleranza religiosa. Questa tolleranza «assieme all'incredibile per i tempi economicità dei prezzi dei viveri e degli appartamenti a Firenze richiamò gli stranieri, inoltre, tranne rare eccezioni, non esisteva nessun divieto di censura per i giornali o i libri stranieri»¹.

Chi prendeva la decisione di sistemarsi lì per sempre preferiva acquistare una tenuta di proprietà, come i Demidov o i Buturlin, in quanto «la moltitudine di ville che circondano ancor oggi Firenze destava stupore anche nel XVI secolo»². Tra i primi a stabilirsi a Firenze in una villa di proprietà ci fu Anna Ivanovna Tolstaja, nata Barjatinskaja. Sullo stile di vita della principessa ci informa una lettera dello zio F. G. Golovkin recante la data del novembre 1816: «Quando mi voglio riposare ...

Vado dai Tolstoj. Vivono in una villa alla periferia di Firenze ... nel cuore di un lussureggiante giardino ... La contessa vive lì con suo figlio. Da loro si può trovare una tavola semplice e squisita, una conversazione saggia e lì io posso desinare ogni giorno .... La contessa Gagarina è una cara amica ... della Tolstaja, li lega il cattolicesimo. Loro sono a capo delle dame di mondo che si sono allontanate dalla chiesa ortodossa ...»³.

Nella villa «Margherita» nei pressi di Firenze trascorse i suoi ultimi anni la principessa Marija Vasil'evna Vorontsova (1819-1895). Dopo la morte della principessa Vorontsova essa trasportò gran parte delle ricchezze del palazzo Alupkinskij nella sua villa toscana facendola diventare, secondo le testimonianze del principe S. Volkonskij, «fiabesca»⁴.

La colonia russa di Livorno ha la sua storia. Al tempo della guerra russo-turca (1768-1774) qui era stanziata la flotta dell'Impero russo. Qui cominciarono a stabilirsi più tardi, a differenza dell'abituale società fiorentina, coloro che affittavano le ville per il solo periodo estivo come il principe A. G. Ščerbatov e altri. I malati gravi andavano a rendere omaggio all'icona della Vergine al monastero Monte Nero e facevano una visita alle acque minerali di Lucca⁵, che erano diventate il lussuoso centro estivo dei turisti aristocratici. Coloro che morivano venivano portati in patria per esser seppelliti, ma alcuni venivano interrati a Livorno. Nel cimitero ortodosso, oltre al conte D. Buturlin, sono sepolti i compagni di liceo di A. S. Pušhkin, ovvero i diplomatici A. Korsakov e S. Lomonosov⁶, come anche la musa di V.A. Žukovskij, la celebre «Svetlana». Essendo molto sfortunata nella vita privata, Aleksandra Andreevna Protasova-Voejkova era spesso malata e morì di tubercolosi all'età di 32 anni mentre si trovava a Pisa. Il poeta viaggiò in Italia 3 anni dopo la sua morte, visitando Livorno il 14 aprile del 1833.

Dal 1829 il cimitero fiorentino non cattolico venne usato anche dalla colonia russa. Negli anni in cui esistette il cimitero «inglese», dal 1829 al 1877, furono sepolte 54 persone provenienti dalla Russia ... e talvolta con i loro rispettivi coniugi⁷.

Bisogna notare che nel corso degli anni molti nobili russi si integrarono ai locali e che la loro identità russa la ricordavano soltanto la domestica russa⁸ e le visite al tempio ortodosso. «La nostra gente russa si abitua velocemente agli usi del posto e persino a tavola non si perdono d'animo per

---

1 Ibidem, p.613.

2 Ibidem, p. 628.

3 Golovkin F. G. Dvor I carstvovanie Pavla I. Portrety, vospominanija. –M., 2003. – p.289. Questo rappresentò l'inizio del «movimento cattolico russo»: nel 1817 a Firenze arrivarono i Buturlin, convertitesi al cattolicesimo con tutta la famiglia, e dopo qualche anno il movimento si estese a Z. A. Volkonskaja a Roma.

4 Volkonskij S. M. Moi vospominanija. Brjussel', 1923. –t. 1– pp.201-202.

5 L'attrazione di questi luoghi agisce e opera efficacemente sui nostri concittadini – proprio a Bagno Vignoni, infatti, A. A. Tarkovskij girò «Nostalgia».

6 Toskana. – Firenze, 2003. – P. 89.

7 Foresto N. L'urne de' forti, monumenti e iscrizioni sepolcrali. – Firenze, 1997. – P. 12–17.

8 Zapiski grafa M. D. Buturlina // Russkij arhiv. – M., 1897. – Kn. 2– p. 633.

l'assenza del cavolo acido o dei cetrioli salati, e anzi gli va a genio l'uso comune del vino rosso da tavola al posto del kvas. Non passa un anno che chiacchierano tutti in italiano»¹.

Alla metà del XIX secolo molte famiglie cadute in disgrazia nella società mondana di San Pietroburgo si trasferivano in Italia e non solo per motivi ideologici. Un esempio lo diede la figlia maggiore di Nicola I, Marija Nikolaevna. Il conte Stroganov, suo secondo coniuge morganatico, non si ambientò in famiglia. Dopo la morte di Nicola I il matrimonio era stato legittimato da un Atto speciale firmato da Alessandro II, ma anche dopo ciò rimase segreto. Per salvarsi dalle maldicenze del gran mondo la coppia si recava molto spesso in Italia dove nacquero i loro figli. Nel 1861 acquistarono a Firenze la villa «Quarto», che si trovava nei pressi di quella di A. Demidov. Il figlio della loro seconda figlia, Evgenij, nel 1869 a Firenze prese in moglie Darija Konstantinovna Opočinina, pronipote dell'illustre M. I. Kutuzov.

A quei tempi le chiese ortodosse costruite erano di due tipi: c'erano le cappelle di famiglia, come ad esempio nelle tenute dei Buturlin (1818) e dei Demidov (1822), ma anche la chiesa della missione diplomatica a Palazzo Guicciardini. Purtroppo non tutti i «fuggiaschi» ottenevano il «permesso» di costruire un tempio domestico. Il principe D. V. Drutskoy-Sokolinsky desiderava aprire una chiesa a Galcetto ma gli fu negato il permesso perché il Sinodo non riconosceva come legittima la vita familiare del principe.

Alla base di questo diniego c'è un lungo antefatto, poiché le donne della famiglia Zakrevskij per lunghi anni rappresentarono in Europa una provocazione russa a tal proposito ne scrissero A. Maurois, V. Hugo e O. Balzac.

La madre di Lidija Zakrevskij-Nesselrode, Argafena Fedorovna nata Tolstaja (1799-1879) era «una donna intelligente e spigliata e aveva non poche avventure»². Cinque anni dopo il matrimonio con il generale A. A. Zakrevskij, Agrafena Fedorovna andò all'estero e alla luce dei fatti smisero di aspettare il suo ritorno. Ella divenne la prima russa che scandalizzò con la sua alterigia da «leonessa mondana» gli usi e costumi del conservatorismo fiorentino. A. Ja. Bulgakov scrisse: «Mi auguro che non sia vero quello che vanno dicendo su Grušenka, ma è possibile: tutto ha preso le mosse da quella sventata viziata. Nessuno la placa ... E qui parlano così tanto di questo che io temo possa arrivarne voce anche ad Arsenij ...»³. E' risaputo che a Firenze Agrafena Fedorovna aveva una tempestosa liaison con il principe L. Koburgskij, il futuro re di Belgio, e fece ritorno in Russia su imposizione del marito. Nel 1823 la famiglia Zakrevskij si recò in Finlandia. Dopo tre anni, il 18 luglio del 1826, nacque la loro unica figlia Lidia, ma i limiti della vita familiare continuarono ad «ostacolare» Agrafena Fedorovna. Dal temperamento impetuoso «come una cometa nella cerchia degli ordinati astri»⁴, essa si presentava in società, secondo l'espressione di A. S. Puškin, «infrangendo tutte le regole del mondo»⁵.

La figlia, al pari della madre, divenne il simbolo di una condotta provocatoria non volendo rispettare le convenzioni del gran mondo sul suo diritto di amare o piuttosto abbandonandosi alle passioni. Nel 1847 Lidija si sposò con il conte D. M. Nesselrode e nell'aprile del 1859 il conte A. A. Zakrevskij fu sollevato dall'incarico di generale governatore di Mosca a causa dello scandalo suscitato dalla condotta dell'amata figlia. Nel 1853(9) si sposò con il principe D. V. Drutskoy-Sokolinsky senza divorziarsi dal primo marito. La coppia scappò prima in Belgio, poi giocò un ruolo negativo nella carriera del padre. Nel 1861, dopo le dimissioni, Zakrevskij con la

---

1 Ibidem, p. 594.

2 Meščerskij A. V. Iz moej stariny. Vospominanija// Russkij arhiv. Kn. 2. –M., 1901. – №6. pp. 239-263.

3 Bulgakovy. Perepiska. – M., 2010. –t. 2, p. 345.

4 Puškin A. S. Portret // Sobr. Soč. A. S. Puškina: v 10 t. – M., 1959. – T.2, P. 45.

5 Ibidem.

in Inghilterra e alla fine in Italia e fu costretta a restare in Toscana¹. Il comportamento della figlia moglie si recò a Firenze dove trascorse il resto della sua vita nella famiglia della figlia, morendo nel 1865². Dopo la sua morte Agrafena Fedorovna cominciò a condurre una vita più morigerata dedicandosi al collezionismo di opere pittoriche e decorative. L'estate la trascorreva a Livorno³ e d'inverno si trasferiva a Firenze dove morì nel 1879⁴.

A quel tempo alla colonia russa in Toscana si aggiunsero nuovi nomi. Nel novembre del 1868 i novelli sposi Dostoevskij giunsero a Firenze «dove si trovava una magnifica biblioteca ed una sala di lettura con due giornali russi»⁵. Essi si stabilirono sulla sponda sinistra del fiume Arno, a Casa Fabriani, giusto di fronte a Palazzo Pitti. La permanenza in questa casa fu celebrata non solo dall'ultimazione del romanzo «L'idiota», ma anche, come dimostra la testimonianza di Anna Grigor'evna «... noi ci eravamo immediatamente convinti che ... potevamo di nuovo sperare di avere un figlio ... ogni giorno ci recavamo ... al Giardino Boboli (il giardino che circonda Palazzo Pitti) dove, anche a gennaio, fiorivano le rose»⁶. La permanenza della coppia fu offuscata dalla mancanza di amici: «Attorno c'erano tutti estranei ... e questo completo distacco era talvolta penoso»⁷. Anna Grigor'evna, che aveva imparato l'italiano, divenne la traduttrice del marito che era perennemente immerso nella sua attività di scrittore. La mancanza di tempo per lo studio dell'italiano influì, a nostro avviso, sul sentimento di isolamento dello scrittore, imprimendo il suo segno sulla conclusione de «L'Idiota», caratterizzata dall'opinione negativa del mondo dei russi europei: «Tutti noi, all'estero, siamo una fantasia ... ricordate la mia parola»⁸.

Nel febbraio del 1878 Nadežda von Mekk offrì a P. I. Čajkovskij la sua villa Boncini⁹. Dieci anni dopo, nel 1890, Čajkovskij fece ritorno in Toscana, ma «non per viaggiare, per comporre»¹⁰ «La dama di picche». Nel diario del compositore si trovano non solo gli appunti sullo svolgimento dell'opera, ma anche le annotazioni sulle passeggiate serali e le visite ai teatri. Le veglie di ogni sera di Pjotr Ilič, a giudicare dalla contabilità, ricordavano i passatempi dei comuni mortali: «Ho bighellonato nelle caffetterie», «Come sempre sono andato a zozzo e mi sono ubriacato». Generalmente, secondo la testimonianza di S. Volkonskij, «un tempo a Firenze tanti russi vivevano felici e contenti. Nel 1883 la vita era molto allegra e spensierata»¹¹.

Nello stesso periodo, grazie all'operosità del sacerdote V. Levickij, prese l'avvio la costruzione della prima chiesa ufficiale ortodossa in Italia¹²... Di conseguenza «la russa Firenze» subì una sostanziale trasformazione e si passò dalla ricerca degli ideali cattolici al ritorno all'ortodossia.

1 Krykova I. V. Feminizm: proišoždenie ponjatija i ego traktovanija v sovremennoj nauke. URL: <http://Anali-culturolog.ru>. Druckaja-Zakrevskaja servì da prototipo della eroina del romanzo di A. Dumas «La signora delle camelie». Parte dei ricercatori della storia del femminismo considerano Dumas l'ideatore del termine «femminismo».

2 Bannikov A. P., Sapožnikov S. A. Sobiratel' i hranitel' prekrasnogo. – M., 2007. – p. 197. Presumibilmente nel 1859-61, partita A. F., il conte per due volte fece visita alla famiglia della figlia a Firenze nel 1862 e nel 1864. Essendo loro ospite nel 1864 fu inviato in Cecchia per curarsi le gambe, dopo fece nuovamente ritorno a Firenze nel 1864 e da quel momento si stabilì in Italia.

3 Muhanov V. A. Dnevnik// Russkij arhiv. 1897. – p. 83.

4 Čerejskij L. A. Puškin i ego okruženie. – L., 1989. – p.326-456.

5 Dostoevskaja A. G. Vospominanija –M., 1981, P.206.

6 Ibidem.

7 Ibidem.

8 Dostoevskij F. M. Idiot. –M., 1955. – p. 661.

9 Čajkovskij M. I. Žizn' P. I. Čajkovskogo. – Lejpcig, 1902. – T. 3 – pp. 45-67. A Firenze fu portato a termine «Evgenij Onegin», e creati «La fanciulla d'Orleans» e «Capriccio italiano».

10 Cit. da Kara-Murza A. A. Zamenitye russkie j Florencii. –M. 2001. – p. 108. Il

11 Volkonskij S. M. Vospominanija. –M., 2004.– T.1 – p. 204.

12 Sebbene alla fine del XIX secolo, nel 1889-1899, a Firenze venne aperta una chiesa russa privata a casa di Anna Novickaja, nata contessa Adalberg.

Concludendo il nostro excursus si vuole riassumere che la Toscana non poteva non affascinare i cittadini russi, poiché «essi, non essendo abituati nel loro ambiente a incontrare queste meraviglie si sentivano immediatamente attratti»¹. Tuttavia, nonostante la bellezza della Toscana, non tutte le famiglie russe vi rimasero per sempre. Si sa che dopo la morte di Lidia Drutskoy-Sokolinsky (Zakrevskaja), il suo consorte, principe Dmitrij Vladimirovič Drutskoy-Sokolinsky, fece ritorno in Russia stabilendosi nel governatorato di Penza, mentre lì si trasferì anche il nipote del conte A. A. Zakrevskij, Arsenij.

Le diverse impressioni dei russi sulla vita fiorentina comprese quelle negative sono riportate nelle diverse memorie. Ma i russi «fiorentini» pur rammaricandosi dell'insopportabile tedio della vita cittadina, delle ininterrotte piogge con le tediose zanzare ed il comportamento sprezzante degli autoctoni nei confronti dei monumenti del loro passato, Firenze rimase sempre il centro di attrazione perché «... ai russi l'Europa è tanto preziosa quanto la Russia: ogni sua pietra è amata e cara»².

---

1 Grebs M. Očerki florentijskoj kul'tury, 1903-1905. Cit. da Vjalova S. O. K tvorčeskoj biografii I. M. Grevsa//Iz istorii rukopisnyh i staropečatnyh sobranij: Issledovanija. Obzory. Publikacii. – L., 1979. – p. 125-141.

2 Dostoevskij F. M. Podrostok//Sobr. Sočinenij v 15 tomah. – L., 1990, T.8, p. 377.

Vanda Gasperovič

*ricercatrice dell'Università La Sapienza,
presidente del Centro russo di scienza e
cultura di Roma.
Italia, Roma*

LA NECROPOLI RUSSA A ROMA NEI XVIII - XIX SECOLI E I PROBLEMI DELLA SUA CONSERVAZIONE.

Il più antico cimitero presso la Piramide a Roma nei periodi diversi ha avuto i nomi diversi: prima - cimitero inglese, poi - cimitero protestante e a volte anche «cimitero degli artisti».

Già dalla fine del XVIII secolo qui hanno diritto di essere sepolti rappresentanti di tutte le fedi escludendo i cattolici. Il cimitero acattolico di Roma presso la Piramide appartiene ai più antichi e interessanti cimiteri nel mondo. Si trova nel quartiere Testaccio ai piedi del colle Aventino. Il nome «testaccio» proviene dalla parola latina «testae» e cioè dai cocci delle anfore del vino e dell'olio che venivano svuotate nel porto del Tevere. Col passar del tempo in questo modo si formò l'ottavo, non storico colle di Roma. Le regole della chiesa cattolica e i responsabili dello Stato Vaticano (e Roma fino al 1870 apparteneva al Vaticano), per molti anni si opposero alla sepoltura degli «eretici», cioè delle persone di fede diversa: i protestanti, gli ortodossi e gli ebrei. Perciò essi furono sepolti fuori dalle mura della città, vicino a Piazza del Popolo e sotto il Muro Torto assieme ai ladri e alle prostitute. A proposito - ancora nel secolo XIX negli archivi italiani tutti gli stranieri dall'Inghilterra, dalla Svezia, dalla Germania e dalla Russia furono chiamati semplicemente «i protestanti» oppure «scismatici» mentre gli italiani dalle altre città italiane venivano chiamati «forestieri». Il quartiere romano Testaccio già dall'inizio del XII secolo fu testimone di diversi giochi popolari - gare dei maiali, dei tori e degli asini, mentre i giochi aristocratici comprendevano gare di cavalli di diverse razze. E spesso tra gli spettatori dei giochi aristocratici vi furono Papi e cardinali. Già Dal 1256 Testaccio fu chiamato Monte del Palio.

Nei secoli XVIII e XIX questo territorio fu chiamato «I prati del popolo romano». Qui da tutta la città arrivava gente vestita con costumi popolari che si divertiva, ballava, organizzava picnic. Di solito questo succedeva nel mese d'ottobre dopo la raccolta dell'uva. Tutti i romani sanno che cosa significano le «ottobrate romane», anche oggi esse sono festeggiate nei Castelli Romani.

Per quel che riguarda la storia del cimitero, proprio da poco si è saputo che nel 1716 Papa Clemente XI permise la sepoltura su questo territorio dei membri della famiglia degli Stuart, che come si sa, avevano trovato a Roma il loro esilio. l'anno dopo qui fu sepolto un certo dottor Arthur e tra il 1720 e il 1723 altri 4 inglesi. In tutto dall'anno 1716 e fino al 1822 al cimitero furono sepolte circa 90 persone. Esse provenivano soprattutto dall'Inghilterra, dalla Scozia e dall'America del Nord.

Nel 1738 qui fu seppellito lo studente di 25 anni di Oxford - Langton. I suoi resti col cognome su una placca di rame furono trovati solamente nel 1928 durante gli scavi accanto alla Piramide Cestia.

E' necessario raccontare la storia della stessa Piramide. Essa fu costruita dal pretore e tribuno

Caio Cestio nel 12 a.A.C. come una cappella familiare. In seguito nella 1-a parte del III sec., ai tempi dell'imperatore Aurelio furono costruite le mura della città di Roma e la Piramide si è trovata inclusa in esse. Accanto la Piramide si trova la porta di S. Paolo e l'antica via consolare Ostiense. Nel 1803 al cimitero fu seppellito il figlio del diplomatico di Prussia - Guglielmo von Humboldt. Il diplomatico acquistò qui alcuni metri quadri per tutta la famiglia.

All'inizio del XIX sec. tutto il territorio del cimitero era uno spazio aperto senza nessun recinto e perciò spesso qui tra le tombe si poteva vedere un gregge di pecore. A proposito: sulle stampe antiche che rappresentavano questa parte del cimitero spesso si vedevano dame eleganti con degli ombrelli a passeggiare tra le tombe di scultori, pittori, poeti e diplomatici ed accanto a loro pecore che tranquillamente pascolavano.

Il Segretario del Papa Cardinal Consalvi più volte negò accoglienza alle richieste dei diplomatici (tra loro fu l'ambasciatore della Russia Italinskij) che esigevano un permesso ufficiale di seppellire qui i loro connazionali ed anche costruire un recinto. Ufficialmente il Cimitero Acattolico fu aperto con il decreto di Papa Pio VII nel 1821 dopo che nella Camera dei Lord a Londra ci fu una energica protesta. Questo fatto realmente creò un grande scandalo in quei tempi. Visto lo sviluppo dei rapporti internazionali in Europa e lo scambio avviato di artisti tra i paesi europei e Roma, verso la Città Eterna si dirigevano sempre più studenti e viaggiatori poiché tra la fine del XVIII e l'inizio del XIX sec. ci fu un vero «scoppio» del gran Tour. Tutti andavano a vedere, studiare e a volte a comprare a Roma qualche interessante pezzo antico o quadri. Ma capitava che a volte alcuni dei viaggiatori per motivi diversi morivano in questa città.

Ora quando il permesso ufficiale fu dato, il Vaticano pretese il rispetto delle regole: al cimitero fu proibito di installare croci e piantare tra le tombe cipressi e alberi alti. E quei cipressi che già c'erano furono abbattuti. In questo modo si poteva vedere bene il panorama con la vista della Piramide. Inoltre, per evitare eventuali proteste da parte dei cattolici romani, fu ordinato di svolgere i funerali esclusivamente durante la notte e in assoluto silenzio.

Per molti anni la vecchia o come la chiamano «Parte Antica» del cimitero fu recintata da un basso muretto e soltanto nel 1950 il principe russo Aleksej Drutskoj generosamente, a proprie spese, mise un muro più alto. Il suo nome si vede su di una pietra di fronte alla tomba del poeta inglese John Keats.

Altre parti di questo cimitero storico si dividono nella Parte Vecchia, dove si trovano le sepolture dal 1822 agli anni 1850 e I, II e III zone dove venivano sepolti gli stranieri a cominciare dalla II-a parte del XIX sec. fino ai tempi presenti.

I primi russi sepolti nella Parte Antica furono: Guglielmo von Grotte deceduto a Roma ad età di 24 anni (nel 1791) - un nobile di Riga, cavaliere di Guardia Imperiale della Caterina la Grande, responsabile delle scuderie imperiali (sarcofago) e la contessa Anna Cernysheva n. Islen'eva morta a Roma nel 1794. Sulla sua lapide di marmo rimasta al cimitero è scritto: «la salma fu spedita in Patria dai figli nel 1795». Da quell'anno i resti della contessa riposano a San Pietroburgo al cimitero presso il monastero Aleksandr Nevskij.

Nel XIX sec. qui furono sepolti i noti poeti inglesi John Keats e Percy Shelley, l'uomo di stato prussiano von Bulow, il figlio del poeta tedesco August Goethe e tanti, tanti altri. Per motivi diversi qui furono sepolti anche Antonio Gramsci - fondatore del partito comunista, il fisico Bruno Pontecorvo e il sociologo socialista Antonio Labriola. Negli ultimi anni furono anche sepolti alcuni noti poeti contemporanei italiani.

Arappresentare il quartiere Testaccio e il cimitero acattolico nei quadri o acquarelli si rivolgevano diversi pittori, sia russi che gli stranieri. Nei diversi libri d'arte si trovano le opere di Hubert Robert, Giacomo Quarenghi, A.J.B. Thomas, J. W. Goethe, H. Stendhal, Achille e Bartolomeo Pinelli mentre tra i russi F.Bruni, A. Ivanov, K. Brjullov e M. Lebedev.

Al cimitero acattolico non c'è una parte distinta solo per i russi. Le loro tombe si trovano in zone diverse del territorio di questo luogo romantico. Diremo solo che tra le 4000 tombe degli stranieri, in tutte le zone sono sepolti più di 800 russi, inclusi quelli di nazionalità tedesca provenienti dalla Russia.

Visitando il cimitero si possono incontrare le tombe di note famiglie aristocratiche russe, come p. es. dei Romanov, dei Romanovskij, degli Sheremet'ev, dei Ferzen, dei Cernyshev, dei Vrangell', degli Engalychev, dei Trubeckoj, dei Dolgorukij, degli Urusov, dei Musin-Pushkin, dei Volkonskij, degli Stroganov, degli Jusupov, dei Somov, dei Sologub, dei Golicyn, dei Barjatinskij, degli Shakhovskoj, dei Soldatenkov, dei Durasov, dei Tolstoj, dei Drutskoj-Sokolinskij e di tanti altri sconosciuti russi.

Mi ricordo che nel 1999 al cimitero Testaccio ho conosciuto il principe Andrej Drutskoj-Sokolinskij che arrivò da Bruxelles a Roma per fare visita ai suoi parenti qui sepolti. Egli parla molto bene l'italiano e benissimo ricorda la lingua russa. Ma delle sue radici russe abbiamo parlato molto poco e in pratica fino poco fa io non sapevo niente della sua famiglia. Seppi di ciò solamente poco tempo fa. Dunque il principe Andrej negli anni '90 visitò la terra dei suoi antenati nella città di Orel. Come risultato del viaggio fu l'edizione in Russia dei ricordi di suo padre, il principe Vladimir Andreevich Drutskoj-Sokolinskij (1880-1943) edita in 3 volumi. L'autore delle memorie si è spento a Roma ed è seppellito qui al cimitero acattolico assieme ai suoi parenti. Del destino della famiglia Zakrevskij e dei Drutskoj-Sokolinskij si parla con tutti i particolari nel libro «I Drutskoj in Italia».

A Roma al Cimitero acattolico sono seppelliti seguenti loro parenti:

Baranovich, n. p.ssa Drutskoj-Sokolinskij, Elena Andreevna, n.S.Pietroburgo - + a Roma 1963, vedova del colonnello dell'artiglieria Viktor Lvovich Baranovich;

la nuora, p.ssa T.V. Drutskoj-Sokolinskij: la p.ssa L.A. Drutskoj-Sokolinskij, e la p.ssa T.V.Drutskoj-Sokolinskij.

Oltre degli aristocratici qui possiamo trovare i nomi dei pittori russi, degli scultori, degli archeologi e degli architetti che si sono spenti a Roma: K. Brjullof, G. Kovrighin, Ant.Ivanov, K.Grigorovich, B.Modestov, V.Shternberg, A.Rizzoni, S.Ivanov (fratello del noto pittore), A.Beloborodov, G.Prang, P.Stavasser, P.Orlov e M. Markov. Le tombe degli ultimi tre borsisti dell'Accademia di belle arti non si sono conservate. I loro resti sono sepolti nell'ossario comune accanto alle mura Aureliane.

Notizie riguardanti i seppellimenti (i funerali) Testaccio abbastanza spesso possiamo incontrare nelle lettere dei viaggiatori russi oppure nei loro diari.

Il principe P.A.Vjazemskij, che perse la figlia a Roma nel 1835 così scrisse al suo figlio: «hanno seppellito il suo corpo nella terra del cimitero straniero il (14)26 marzo. Se un giorno capiterai a Roma, non ti sentirai in essa del tutto estraneo, ma troverai la tomba cara al cuore e le nostre lacrime che per sempre ci hanno avvicinato a Roma».

Alla cura della tomba di Praskovja si prese, come pare, la principessa Zinaida Volkonskaja. Probabilmente era lei che ordinò la scritta sulla lapide della figlia del poeta. Ci sembra che la scritta nella lingua paleoslava possedesse qualche errore.

Visitò la tomba di Praskovja Vjazemskaja assieme alla principessa anche Nikolaj Gogol'. Egli scrisse così al poeta Vjazemskij il giorno 25 giugno 1838: «Non tanto tempo fa sono stato insieme alla principessa Zin.Volkonskaja alla tomba così vicina a voi e al vostro cuore. I cespugli di rose e i cipressi crescono, tra di loro sono spuntati furtivamente due-tre fiorellini sconosciuti... Poi, vi sono stato un'altra volta con un moscovita che vi conosce - e di nuovo mi sono convinto che questa tomba non è orfana...»

L'autrice delle memorie M. S. Sabinina informa i parenti di suo fratello Vasilij: «Lo hanno

seppellito (nel 1858) al Cimitero dei Protestanti (in it. Nel testo - WG), vicino alla Piramide Cestio. Non lontano da lui si trovano i resti di Brjullov e del figlio di Goethe... Al funerale i pittori russi Ivanov, Pleshanov, Ksenofontov, Venig ed altri, nomi dei quali non conosco, lo hanno salutato e gli hanno cantato».

Il pittore I. E. Repin ci ha lasciato ricordi sulla visita al cimitero, impressionato soprattutto del monumento della principessa M. A. Obolenskaja: «Non posso non nominare il monumento della Obolenskaja al cimitero luterano a Roma fatto da Mark Antokol'skij. Dopo tanto tempo ho rivisto questa statua sul posto e fui colpito dalla sua bellezza, la poesia e la sincerità».

Righe sentimentali su questo cimitero scrisse lo scrittore Mikhail Osorgin: «A volte, visitando il cimitero accanto la montagna dei cocci al Testaccio, dove nell'ombra della Piramide di Caio Cestio si radica la lastra di marmo del poeta Shelley, dove accanto alla porta della cappella è seduta la ragazza, scolpita da Antokol'skij, dove un alberello piangente si chinò sopra il nome di Pashkov, e dove dormono tanti piccoli personaggi sconosciuti ai più, - vagai per il cimitero con lo sguardo tra scuri cipressi, cercando un pezzetto di terra libero che si potesse comprare in anticipo. Mi sembrò, - e mi sembra ancora oggi - che sarebbe ottimo stare qui in quiete e fierezza, lontano dalla terra nativa, al centro della patria della grande cultura. Qui un viaggiatore connazionale leggerà sulla lapide il nome, - leggerà a voce e, può darsi, si ricorderà, dopo, accanto al nome del cimitero, della Piramide e della strana collina dei cocci antichi, - nella sua memoria balenerà anche la scritta in russo, rimasta per l'eternità nella Città Eterna, siccome, ovviamente, la stessa eternità non è convenzionale. Essere legati a Roma attraverso la morte - mi sembrò sempre un onore». Così scriveva Mikhail Osorgin. Ma...purtroppo. Il suo desiderio non si è avverato. Egli si è spento in Francia ed è stato sepolto il 27 novembre 1942 a Chabris.

Simili pensieri esprimeva in una delle sue lettere Nikolaj Gogol'. Egli adorava Roma, almeno nei primi periodi della sua permanenza. Scrisse che qui a Roma, addirittura l'aria sembra «divina»: «Un'intera versta l'uomo è qui più vicino alla divinità». Probabilmente questa divinità egli vedeva nell'arte, soprattutto nelle opere di Raffaello.

Non posso non raccontare della mia personale battaglia con l'ex direttore del cimitero. Questi erano gli anni quando io, insieme con dei colleghi, storici russi, preparavo l'edizione del libro sulla necropoli russa a Roma. Spesso passavo il tempo al cimitero e notavo tante cose di ciò che lì succedeva. Soprattutto egli liquidava tante tombe vecchie, sia inglesi e tedesche, sia russe, sparivano statue antiche, alcune venivano spostate sulle tombe nuove. In questo modo sono sparite le tombe degli amici di Gogol', i conoscenti di Pushkin. E nessuno notava che questi personaggi sono entrati nella storia: essi erano pittori, scultori, scrittori, aristocratici, il decabrista Chernyshev. È vero che le loro tombe non erano più pagate ancora dall'800. Nonostante ciò credo che abbiamo il dovere di conservare per le nuove generazioni tali tombe storiche.

Dal 2008, grazie alla decisione della Commissione degli Ambasciatori, direttrice diventò l'inglese Amanda Thursfield. Come lei stessa mi riconobbe, bisognava cambiare tante cose. Non era facile, ma grazie ai volontari, soprattutto inglesi, americani e i greci, si riuscì ad organizzare l'ufficio d'informazione, dove si danno le informazioni ai turisti. Periodicamente si stampa un bollettino, in esso si racconta sulle persone qui seppelitte. Esso è gratuito ed è edito in lingua italiana e l'inglese. «Poco fa, grazie al nostro sostegno, - dice la direttrice - un nostro collega, lo storico Nicholas Stanley Price scrisse in lingua inglese il libro sulla storia del cimitero e sui destini dei personaggi più noti qui sepolti. Ora il libro viene tradotto in lingua italiana e tra poco lo vedranno anche gli italiani che visitano questo più bel cimitero nel mondo. Vorrei sottolineare che prima del mio arrivo qui, i più numerosi tra i visitatori furono gli stranieri da tutta l'Europa, mentre ora notiamo sempre più gli italiani che si interessano della storia del nostro cimitero. Devo anche dire che più spesso vediamo qui i russi, sia i turisti, sia quelli che vivono a Roma».

«Uno dei problemi complicati è per noi lo «spelling», trascrizione dei cognomi russi - prosegue la direttrice. Al nostro sito è possibile trovare informazioni su tutte le persone sepolte qui. Per quel che riguarda i cognomi russi a volte capitano degli errori, con il tempo ci adoperiamo ad eliminarli».

Camminando per il cimitero, notiamo tanti monumenti e le lastre restaurate, sono soprattutto le tombe degli inglesi e dei tedeschi. Purtroppo a causa dei così detti «agenti atmosferici», dei fiori e delle piante, fra circa 5 anni la pietra di travertino che più spesso viene utilizzato per i monumenti, diventerà di nuovo scura.

Negli ultimi anni diverse fondazioni straniere hanno finanziato il restauro di numerosi monumenti. Anche l'Ambasciata della Federazione Russa, grazie agli sponsor, aiutò i restauratori che collaborano con il cimitero, a rinnovare il monumento del pittore Karl Brjullov e le lastre dei diplomatici Nikolaj Muravjov (1850-1908), il consigliere ed ambasciatore in Italia Anatolij Krupenskij (1850-1923) e il consigliere dello stato della Corte Nikolaj Poggenpol' (1865-1916). Da parte sua, la Chiesa ortodossa russa ha finanziato il restauro della 3-a tomba comune della chiesa russa e la tomba della principessa Maria Aleksandrovna Chernysheva che nel suo testamento lasciò la sua villa in via Palestro alla parrocchia e alla chiesa russa di S. Nicola Salvatore. Nel futuro si programma il restauro di alcune lapidi di preti russi che lavorarono a Roma presso l'Ambasciata russa nel XIX e all'inizio del XX sec.

«Tanti parenti - dice la direttrice - per diversi motivi non pagano le tombe dei loro cari. A volte non ne rimane nessuno in vita, oppure essi vivono lontano e non possono recarsi a Roma. In questi casi noi stessi ci prendiamo cura di queste tombe, e a volte anche le restauriamo. Molte di esse sono sotto tutela e sono tombe storiche».

E in conclusione alcune mie osservazioni personali. Nell'ormai lontano 1999, dopo aver saputo che il direttore del cimitero aveva in mente di liquidare la tomba di Praskov'ja Vjazemskaja, figlia del poeta e figlioccia del grande Pushkin, e vendere quello spazio di terra, mi presi la responsabilità di restaurarla con i miei mezzi. Ogni mese nel corso dei due anni pagavo il restauro finché non ho saputo che sto pagando sette volte di più del costo reale. Su consiglio dell'Ambasciata della Federazione Russa federazione russa mi fermai con il pagamento. E che cosa è successo in conseguenza? Nel 2003 la lapide diventò di nuovo quasi nera. A proposito di ciò, vorrei proporre la cosa seguente: senz'altro si troverà in Russia un imprenditore che vorrà aiutare nella conservazione della storia russa ed aiuterà a salvare le tombe dei russi che noi tutti conosciamo e che sono passati alla storia? Dopotutto in un passato non lontano nei dintorni di Parigi, a Sainte- Geneviève -des- Bois furono trovati sponsor e il cimitero russo fu salvato. Eppure le sepolture lì cominciarono nel 1924.

Nel 2001 durante la visita al cimitero insieme con il Ministro della Cultura, sig. Shvydkoj e il suo vice sig. Khoroshilov abbiamo fatto la lista delle tombe più interessanti dal punto di vista storico. Purtroppo, tutto rimase sulla carta, il governo fu cambiato, invece le lapidi di queste tombe sono ancor più abbandonate. Vorrei di nuovo fare la lista, un pò più breve, e sottoporla all'esame per il restauro di queste storiche lapidi e monumenti.

1. La lapide di POLINA VJAZEMSKAJA, figlia del poeta, figlioccia di A.S.Pushkin, +1835;
2. La lapide della SOFIA RAEVSKAJA, n. Konstantinova, la nipote dello scienziato M. Lomonosov, moglie del generale N. Raevskij, eroe del 1812, la madre della Maria Raevskaja-Volkonskaja che seguì il marito decabrista in Siberia, una buona conoscente di A.S.Pushkin, +1844;
3. La lapide sul muro vicino alla direzione del cimitero (la tomba non è stata conservata) del decabrista ZAHAR CHERNYSHEV, amico di A.S.Pushkin, +1862;
4. Bellissimo monumento di Mark Antokol'skij dedicato alla principessa MARIA BOLENSKAJA, figlia del governatore di Mosca, generale d'artiglieria 1873;

5. La lapide di FEDOR KOMISSARZHEVSKIJ, cantante d'opera, l'artista del teatro La Scala di Milano e dell'Opera Reale di S. Pietroburgo, professore del Conservatorio di Mosca, garibaldino, +1905;
6. La lapide della ELENA POLTORAZKAJA, vedova del bibliofilo e bibliografo, membro onorario della Biblioteca Imperiale, l'amico di A.S.Pushkin - Sergej Poltorazkij, +1908;
7. La lapide con un micromosaico di JULIA DAL', figlia del medico, scrittore, buon amico di A.S.Pushkin, +1863;
8. La lapide del sarcofago della MARIA BALABINA, l'allieva e poi buona conoscente di N.V.Gogol' a Roma, la promottrice della lapide dello scrittore in Via Sistina, 125; esiste una interessante corrispondenza tra di loro sull'arte e le abitudini dei romani, +1901;
9. La lapide del sarcofago della JEKATERINA TEPLOVA, contessa, vedova del decabrista Z.Chernyshev, + 1878;
10. La lapide di PAVEL MANSUROV, diplomatico, consigliere dello stato,, membro del circolo la «Lampada verde», l'amico di A.S.Pushkin. è nota la corrispondenza tra di loro, +1881;
11. La lapide alla memoria della ALEKSANDRINA BUTENEVA, figlia del Ministro e l'Ambasciatore plenipotenziario presso il Vaticano - Appolinarij Butenev, + 1851;
12. La lapide verticale con il profilo in bassorilievo di VASILIJ SHTERNBERG, pittore, borsista dell'Accademia Imperiale delle belle arti, l'autore dei quadri in genere e dei paesaggi, +1845;

In conclusione desidero dire che la salvaguardia di questo più bello e antico cimitero storico in grande misura dipende da noi. E se noi stessi, russi, immigrati dalla Russia e quelli di origine russa non sapremo ricordare la nostra storia, conservarla e rispettarla - tutto ciò senz'altro inciderà sul rispetto delle altre nazioni nei nostri confronti. E noi stessi, poniamoci una domanda: Che esempio diamo noi alla futura generazione? E sarà conservata la storia della nostra Patria nel futuro?...

Bibliografia:

- Nylander C. The people at the Pyramid, Roma 1992, p.236
 Beck-Friis J. Il cimitero acattolico di Roma. Malmo 1997, p.8
 Kauchtschischwili N., L'Italia nella vita e nell'opera di P.A.Vjazemskij, Milano 1964, p.293
 Bocharov I., Glushakova J. Italijanskaja pushkiniana. M. 1991
 Iz zapisok M.S. Sabininovi, Istoricheskij arkhiv. 1897. Kn.I str.57
 Repin I.E. Dalekoe blizkoe. M.-L. 1949, C. 452
 Osorghin M. Pippo, Peresvet. Kn.I. 1921, C. 62-63
 Stendhal H, Viaggio italiano, Roma. 1987
 G.A. Bautdinov, Zakrevskie i Drutskie: mejdu Rossiei i Italiei// Russkaja usad'ba: Sbornik Obshetsva izuchenija russkoj usad'by, Vyp.17(33), Spb.-M.2012

Выступление на конференции профессора Флорентийского университета Мары Визона

Relazione di Mara Visonà, professoressa dell'Università degli studi di Firenze

Во время дискуссии на конференции

Durante la discussione della conferenza

Палаццо Медичи Риккарди, где проходила российско-итальянская конференция

Palazzo Medici Riccardi, in cui si è svolta la conferenza russo-italiana

ФОТОМАТЕРИАЛЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ КОНФЕРЕНЦИИ
Экскурсия «Закревский - Друцкой-Соколинский в Тосканае»
по маршруту: Монтемурло - Вилла ди Гальчето - Флоренция

ОТКРЫТИЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ ГРАФУ А.А.ЗАКРЕВСКОМУ

INAUGURAZIONE DELLA LAPIDE COMMEMORATIVA AL CONTE A. A. ZAKREVSKIJ

В официальном открытии мемориальной доски в церкви Санта Мария Маддалена де Пацци приняли участие мэр Монтемурло господин Мауро Лоренцини, владелец виллы ди Гальчето господин Васко Фанти, атташе по культуре Посольства России в Итальянской Республике Н.С.Примакова, князь А.А.Друцкой-Соколинский, организаторы проекта, представители мэрии Монтемурло и духовенства, участники конференции и почетные гости.

All'inaugurazione ufficiale della lapide commemorativa nella chiesa di Santa Maria Maddalena de' Pazzi hanno partecipato il sindaco di Montemurlo Mauro Lorenzini, il proprietario della villa di Galceto Vasco Fanti, l'addetto culturale dell'Ambasciata russa presso la Repubblica italiana N. S. Primakova, il principe A. A. Drutskoy-Sokolinsky, gli organizzatori del progetto, i rappresentanti del comune di Muntemurlo e gli ospiti d'onore.

Внутреннее убранство церкви (бывшей часовни Св.Исидоро), где долгое время покоились тела усопших членов семьи Закревских

Decorazione dell'interno della chiesa (ex-cappella di S. Isidoro) nella quale giacquero a lungo le spoglie dei membri della famiglia Zakrevskij

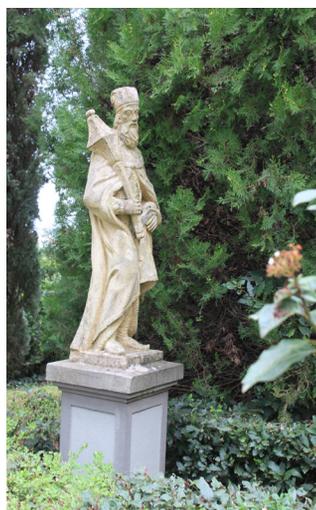
MATERIALE FOTOGRAFICO DELLA PARTE PRATICA DELLA CONFERENZA
Escursione «Gli Zakrevskie e i Drutskoy-Sokolinsky in Toscana» con le seguenti tappe:
Montemurlo - Villa di Galceto - Firenze

ВИЛЛА ДИ ГАЛЧЕТО VILLA DI GALCETO

По дороге к
главному
зданию виллы

*Sulla strada
verso l'edificio
principale della
villa*

Главное
здание

*Edificio
principale*

Портрет графини А. Ф. Закревской
(из архива владельца виллы)

*Ritratto della contessa A. F. Zakrevskaja
di artista ignoto*

Д.В. Друцкой-Соколинский с дочерью Марией
(из архива владельца виллы)

*D. V. Drutskoy-Sokolinsky con la figlia Maria
(dall'archivio del proprietario della villa)*

Руководитель проекта Т.А.Тарханова
(крайняя справа) вручает подарки Васко и
Джулиане Фанти (слева)
*La direttrice del progetto T. A. Tarkhanova (ultima
da destra) consegna i regali a Vasco e Giulia Fanti
(a sinistra).*

Внутренний
двор виллы

*Corte interna
della villa*

МОНТЕМУРЛО (ПРОВИНЦИЯ ПРАТО)

MONTEMURLO (PROVINCIA DI PRATO)

Замок в крепости Монтемурло
Castello della Rocca di Montemurlo

Церковь Сан Джованни Деколлато
в крепости Монтемурло
*Pieve di San Giovanni Decollato
della Rocca di Montemurlo*

Городское кладбище Монтемурло – последнее пристанище
семьи Закревских
*Cimitero comunale di Montemurlo: ultima dimora
della famiglia Zakrevskij*

Место захоронения останков графа
А.А.Закревского, его супруги Аграфены
Федоровны и дочери
Лидии Друцкой-Соколинской
*Luogo di sepoltura delle spoglie del conte A.
A. Zakrevskij, della sua consorte Agrafena
Fëdorovna e della figlia Lidia Drutskoy-
Sokolinsky*

Особняк Мондрагоне, принадлежавший Лидии Друцкой-Соколинской. В нем проживали граф и графиня Закревские до своей смерти (январь 1865г., декабрь 1879 г.)

Palazzo Mondragone, di proprietà di Lidia Drutskoj-Sokolinskij. Vi abitarono il conte e la contessa Zakrevskij fino alla loro scomparsa (gennaio 1865, dicembre 1879)

Вид из окна особняка на Знаменитый купол Брунеллески собора Санта-Мария-дель-Фьоре

Vista dalla finestra del palazzo sulla famosa cupola di Brunelleschi della cattedrale di Santa Maria del Fiore

Английское кладбище – место временного захоронения графа Закревского после кончины

Cimitero degli inglesi, luogo di sepoltura temporaneo del conte Zakrevskij dopo la morte

Кладбище Соффиано, где покоется внучка графа Закревского - княгиня Маня Друцкая-Соколинская, вдова Кутури

Cimitero di Soffiano, in cui riposa la nipote del conte Zakrevskij, la principessa Manja Drutskaja-Sokolinskaja, vedova Kuturi.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

*«Исторический портрет графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865)
в зеркале времени»*

Сборник материалов российско-итальянской научно-практической конференции
«Исторический портрет графа Арсения Андреевича Закревского (1786-1865) в зеркале
времени», 18-19 марта, 2014 год, г. Флоренция, Италия

*Федеральный музей профессионального образования - филиал Университета
машиностроения в г.Подольске выражает благодарность:*

**- Главе муниципального образования
«городской округ Подольск Московской области» Н.И.Пестову**
за содействие в создании сборника материалов
российско-итальянской научно-практической конференции;

- президенту Центра русского языка и культуры во Флоренции В.В.Сергеевой
за большой вклад в подготовку и проведение российско-итальянской
научно-практической конференции.

Перевод - Коммандитное общество «Милано Традуциони с.а.с. Анны Речновой и Ко.»
Tra la Milano Traduzioni sas di Anna Rechnova & C

MATERIALI DELLA CONFERENZA

«Ritratto storico del conte Arsenij Andreevič Zakrevskij (1786-1865) allo specchio del tempo»

Raccolta dei materiali della conferenza scientifica russo-italiana «Ritratto storico del conte
Arsenij Andreevič Zakrevskij (1786-1865) allo specchio del tempo», 18-19 marzo, 2014,
Firenze, Italia

*Il Museo federale di formazione professionale – filiale dell'Università di Metalmeccanica
nella città di Podol'sk ringrazia:*

- il presidente del Centro di lingua e cultura russa di Firenze, V. V. Sergeeva, per il
considerabile contributo nella preparazione e realizzazione della conferenza scientifica russo-
italiana;

- di cuore il Sindaco della città di Podol'sk, N. I. Pestova, per il contributo nella realizzazione
della raccolta dei materiali della conferenza scientifica russo-italiana.

Traduzione in lingua italiana a cura dell'agenzia di traduzioni
«Milano Traduzioni s.a.s. di Anna Rechnova & C.»

На обложке: Палаццо Медичи Риккарди, где проходила российско-итальянская конференция
Palazzo Medici Riccardi, in cui si è svolta la conferenza russo-italiana

